

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«ГДЕ ТВОИ 17 ЛЕТ?
НА БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ»

Москва Владимира Высоцкого

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ИСТОРИЯ

04 «Англичанин гадит»

10 «Юморист варварский»

18 Русский разведчик Юсуф Хорасани

НАСЛЕДИЕ

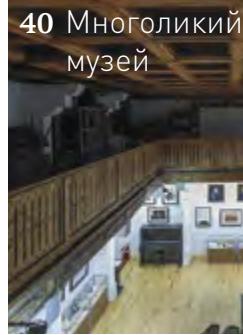

26 «Не мечта сие»

32 Книжный магнат

МУЗЕИ

40 Многоликий музей

ТРАДИЦИИ

48 Успеть сохранить

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

70 Муза «Книготорга»

74 Папины дочки

КУЛЬТУРА

56 Стиль горожанки: от кринолина до свитшота

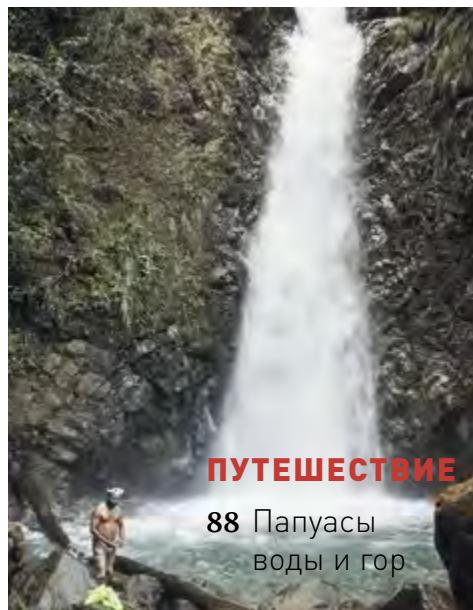
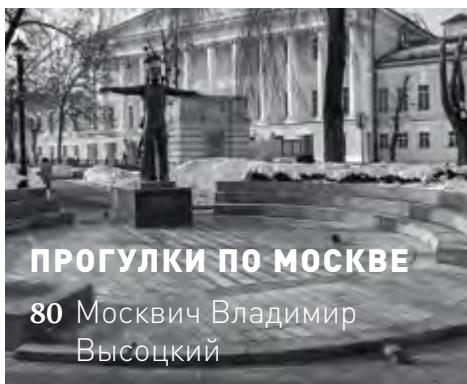
РЕПОРТАЖ

64 Легенды Дагестана

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 Москвич Владимир Высоцкий

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Папуасы воды и гор

Председатель правления фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ИВИНА
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Татьяна НАГОРСКИХ
Наталья РАЗУВАКИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Наталья ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (+499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.
Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕФЁДОРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

У. Хит. Вид с птичьего полета.

Около 1828–1829 годов. Английская карикатура. Сатирическая карта Европы периода войны с Турцией. Ледяные просторы России заполнены армиями медведей и казаков

«АНГЛИЧАНИН ГАДИТ»

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

«АНГЛИЧАНКА ГАДИТ» – О ТОМ, КТО ПЕРВЫМ СКАЗАЛ ЭТУ ФРАЗУ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ СПОРЯТ ДО СИХ ПОР. В XIX СТОЛЕТИИ ОНА ПОВТОРЯЛАСЬ ЧАСТО. ЧТО НЕУДИВИТЕЛЬНО, ВЕДЬ ЭТО ВРЕМЯ СОПЕРНИЧЕСТВА МЕЖДУ ДВУМЯ ИМПЕРИЯМИ – РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ. И ВОВСЕ НЕ СЛУЧАЙНО ТЕРМИН «РУСОФОБИЯ» ВОЗНИКАЕТ ИМЕННО В АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ. СКОРЕЕ ВСЕГО, ТОЧНУЮ ДАТУ ПЕРВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «РУСОФОБИЯ» УСТАНОВИТЬ СЛОЖНО, НО НА СТРАНИЦАХ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ ОНО ПОЯВЛЯЕТСЯ В 1836 ГОДУ. А САМЫМ ИЗВЕСТНЫМ АНГЛИЙСКИМ РУСОФОБОМ СТАЛ ДИПЛОМАТ, ПОЛИТИК И ПИСАТЕЛЬ ДЭВИД УРКВАРТ.

ПОНЯТИЕ «РУСОФОБИЯ» ввели в оборот английские радикалы в полемических целях, дабы обозначить фантомный или преувеличенный страх перед так называемой «русской угрозой». Речь шла не о реальных планах России по завоеванию Индии и Константинополя, а о страхах англичан потерять

Индию и увидеть Россию в Константинополе, о «страхах фантазии», как их образно называет американский исследователь Ларри Вульф.

Характерно, что термин «франкофобия» встречается уже в 1759 году, «англофобия» – в 1793-м, однако до конца 1830-х годов они использовались довольно редко. Безусловно, русофобия как яв-

ление имеет гораздо более глубокие корни, и формирование негативного взгляда на нашу страну восходит ко времени Великой схизмы – разделения церквей на Западную и Восточную, – однако как целостная идеология русофобия формируется именно в XIX столетии, времени развития классических идеологий.

Негативное восприятие России в Великобритании начало проявляться сразу по окончании Наполеоновских войн. Несмотря на то, что на Венском конгрессе был оформлен так называемый «концерт держав» – пентархия, то есть пятерка великих держав, – именно Россия и Великобритания становятся лидерами на континенте.

Если до конца XVIII столетия англичане не особо интересовались далекой Россией, то теперь ситуация меняется. В глазах англичан самая огромная империя, когда-либо существовавшая на земле, бросала слишком длинную тень на Центральную и даже Западную Европу. И если в 1812–1813 годах Россия была очень популярна в Великобритании, то сразу после победы над общим врагом страх перед «маленьким капралом» (так называли Наполеона. – Прим. ред.) сменяется страхом перед гигантской Россией.

Логично предположить, что в основе этого страха лежали имперские амбиции: державы, прежде удаленные друг от друга, превратились в соседей в колониальном мире, антагонизм стал нормой отношений, а союзы – исключениями. Но русофобия формируется в тот момент, когда колониальная конкуренция была, скорее, потенциальной, нежели реальной. Поэтому необходимо учитывать иррациональный страх перед «чужими» азиатами, по определению враж-

дебными европейским свободам и цивилизации, которые вдруг оказались в центре Европы. Вовсе не случайно, что так называемое «Завещание Петра Великого» (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2022 год, статья «История одного фейка». – Прим. ред.) после 1815 года стало невероятно популярно в Великобритании, а мифическая «русская угроза» Индии стала газетным штампом. Даже серьезные издания склонялись к мысли, что победа России над Наполеоном открыла ей путь к мировому господству.

По окончании Наполеоновских войн количество информации о России заметно возросло, а жанр литературы о путешествиях стал необычайно популярным. Европу буквально захлестнула волна памфлетов, записок путешественников и политических трактатов, кричавших о «русской угрозе». В результате рост знаний о России лишь усиливал подозрения европейцев и делал в их глазах «русскую угрозу» конкретной и неизбежной. Более того, эти впечатления в значительной степени служили источником сведений, с учетом которых формировалась реальная политика Великобритании в отношении России.

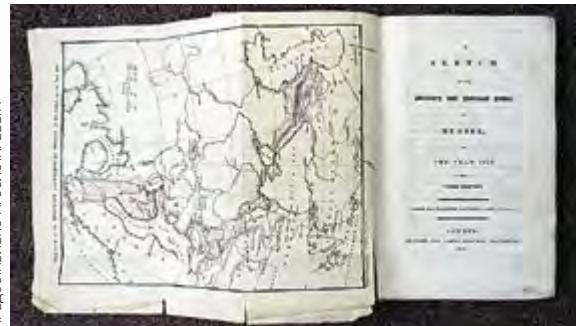
Одной из самых первых и неоднозначных записок такого рода был «Очерк военной и политической моци России в 1817 году» сэра Роберта Вильсона, ветерана Наполеоновских войн, одно время прикомандированного к Русской армии. Вильсон сделал

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Роберт Томас Вильсон, английский генерал эпохи Наполеоновских войн, военный писатель, губернатор Гибралтара

ряд фантастических утверждений, которые невозможно было ни доказать, ни опровергнуть. По его словам, они были основаны на глубоком знании «кухни» царского правительства: Россия задалась целью изгнать турок из Европы, захватить Персию, вторгнуться в Индию и подчинить себе весь мир. Построения Вильсона были настолько дикими, что многие над ними смеялись, однако экстремальность позиции привлекала к памфлету внимание, его широко обсуждали и не отвергали главную идею Вильсона о стремлении России к мировому господству. С этого времени воображаемая «русская угроза» вошла в политическое пространство Великобритании как реальность.

Р.-Т. Вильсон.
Очерк военной
и политической
моци России
в 1817 году.
Карта
и титульный
лист

ПАМФЛЕТ ГЕНЕРАЛА ЭВАНСА

Эти страхи особенно усилились в конце 1820-х годов на фоне обострения Восточного вопроса: события национально-освободительной революции в Греции, Русско-персидской и Русско-турецкой войн, активная политика России на Ближнем Востоке содействовали нагнетанию европейскими публицистами темы «русской угрозы». При этом характерно, что Великобритания совместно с Россией и Францией участвует в знаменитой Наваринской битве в 1827 году, в ходе которой был разгромлен турецко-египетский флот, греческая проблема также решалась коллегиально и в итоге была урегулирована на конференции в Лондоне в феврале 1830 года, по итогам работы которой Греция была объявлена независимым государством. Между английским и русским правительствами были партнерские отношения, предпринимались совместные действия в рамках «европейского концерта», а вот общественное мнение было в целом антироссийским.

В августе 1828 года генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс опубликовал памфлет под названием «Замыслы России» (другой перевод – «О планах России»), в котором предлагал пересмотреть внешнюю политику Великобритании. По его мнению, Русско-турецкая война стала наглядным примером российского экспансионизма и обозначила главный вектор внешней политики России – Константинополь. С базой в Константинополе, запутывает читателя Эванс, Россия окажется в одном шаге от Индии

Венский
конгресс.
Гравюра
Ж. Годфруа
по оригиналу
Ж.-Б. Изабе.
1819 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Р. Ньютон. Грезы королевы Екатерины. 4 ноября 1794 года. Английская карикатура. Екатерина II изображалась жадной до власти и распутства

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и, следовательно, от мирового господства. Такой сценарий развития событий не имел ничего общего с действительностью, но, как и в случае с фальшивым «Завещанием Петра Великого», эта фантазия укрепила уверенность англичан в агрессивности российской политики. Конечно, императрица Екатерина Великая мечтала, чтобы Константинополь снова стал православным, но постепенно идея вернуть Константинополь, сделать его русским и посадить на его престол представителя династии Романовых сошла на нет (см.: «Русский мир.ру» №11 за 2020 год, статья «Почти своя» Византия» – Прим. ред.). Однако европейцы по-прежнему воспринимали эти мечты как реальные замыслы российских государей, что отчетливо проявилось в годы Крымской войны. Но вернемся к трактату Эванса. Он примечателен еще и тем, что в нем автор предложил самый ранний из детальных планов расчленения Российской империи – потом эту идею британское правительство рассматривало в годы Крымской войны. Эванс выступал за превентивную войну против России, предлагаая напасть на нее в наиболее уязвимых пунктах: в Польше, Финляндии, на Черном море и на Кавказе.

Памфлет Эванса привел к всплеску антироссийских настроений в Великобритании и способствовал усилиению противоречий между союзниками,

однако не повлиял на политический курс правительства. Спустя несколько лет идеи Эванса стал развивать самый известный английский русофоб – Дэвид Уркварт.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФИЛЭЛЛИНА В ТУРКОФИЛА

В XIX веке шотландец Дэвид Уркварт (также Уркхарт. – Прим. авт.) был наиболее влиятельным английским публицистом, писавшим о «русской угрозе» и ставшим олицетворением британской русофобии. В позднейшей литературе наименование «русофоб» закрепилось за Урквартом чуть ли не как прозвище, встречался даже термин «урквартизм», одним из значений которого была именно «русофобия». Даже англичане признают, что ни один писатель не сделал столь много для подготовки британского общества к Крымской войне, как Уркварт. При этом классического образования Уркварт не имел, он обучался в колледже Святого Иоанна в Оксфорде, но так его и не окончил.

Госпожа Греция и ее грубые любовники.

Лето 1828 года. Английская карикатура.

Толстушку в греческом костюме обхаживают два долговязых любовника. Махмуд II затягивает на шею у Греции петлю, русский царь держит в руке «имперский кнут». Справа за всем этим наблюдают европейские державы

Генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс. Около 1825 года

Начавшаяся в 1821 году греческая революция, то есть борьба греков за независимость от Османской империи, вызвала всплеск симпатий к ним в Англии. Лорд Байрон продал все свое имущество, деньги отдал на дело греческих повстанцев, сам в 1824 году отправился в Грецию, где вскоре умер от лихорадки. Уркварт тоже был в числе филэллинов (в переводе с греческого буквально – «друг грека»). В 1827 году 22-летним добровольцем он отправился воевать за свободу греков, однако в Греции с ним произошла удивительная перемена: он влюбился в противников греков – турок, и именно Османская империя стала главной любовью всей его жизни. Уркварту пришли по нраву добродетели турок, он носил турецкий костюм, изучил турецкий и новогреческий языки и быстро приобрел славу знатока Турции. Обратной стороной любви к Османской империи стала неприязнь и даже ненависть к России, так что деятельность Уркварта активизировалась в моменты обострения Восточного вопроса.

Именно это произошло в начале 1830-х годов. На первый план выходит распри между турецким султаном Махмудом II и его вассалом – пашой Египта Мухаммедом Али. Османская империя ищет поддержки у великих держав,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дэвид Уркварт (1805–1877), британский дипломат и писатель

и на помощь султану приходит Россия: к Стамбулу отправляется русская эскадра во главе с генералом Николаем Николаевичем Муравьевым. 26 июня (8 июля) 1833 года в Ункяр-Искелеси султан заключил с Россией оборонительный договор, ставший первым шагом на пути к обеспечению безопасности Черноморского побережья России. Россия и Османская империя обязались консультироваться «касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности» и помогать друг другу в случае нападения третьей державы. По просьбе султана император согласился помочь ему военными и военно-морскими силами. В особой секретной статье оговаривалось, что в обмен на это Турция должна закрывать Дарданеллы для иностранных военных кораблей по требованию русского правительства. Заключение этого договора вызвало серьезное недовольство Франции и Великобритании, опасавшихся нарушения статус-кво в Зоне проливов и в целом в Османской империи в пользу России. Уркварт не мог не откликнуться на эти изменения. В 1833 году он опубликовал памфлет «Турция и ее богатства», в котором отрицал близкий конец Османской империи и подчеркивал коммерческие возможности, открывавшиеся перед Великобританией, если она поможет Турции и защитит ее от российской агрессии. Книга имела успех и принесла Уркварту покровительство лорда Джона Пальмерстона – министра иностранных дел в правительстве лорда Чарльза Грея. Уркварт отправился в Константинополь в составе секретной миссии, перед которой стояла задача оценить перспективы британской торговли на Балканах, в Османской империи, Персии, южной России и Афганистане. Он становится горячим сторонником английского посла в Османской империи лорда Джона Понсонби – убежденного русофоба, призывающего свое правительство отправить военные корабли в Черное море и поддержать мусульманские

PORTFOLIO КАК СОБРАНИЕ АНТИРУССКИХ ФАЛЬШИВОК

племена Кавказа в их войне против России. В 1834 году Уркварт предпринял путешествие к черкесским племенам и призывал Британию оказать им поддержку в борьбе с «русской оккупацией». Если верить Уркварту, это именно он придумал знамя для черкесов: «...фоном флага я выбрал зеленый. Это цвет одежды их гор и одновременно указание на то, что черкесы исповедуют ислам. В центре я поместил пучок стрел – их любимое, специфическое оружие. Над ними водрузил корону из звезд, которая на ночном бивуаке ассоциировалась с мечтой о свободе, а также восславляла Создателя – Господа Бога». Великобритания, однако, воевать с Россией не собиралась. Следствием этой антироссийской провокации стал отзыв Уркварту в Лондон. Но и там он продолжил кампанию за британское военное выступление против России. При участии лорда Понсонби в 1834 году Уркварт опубликовал памфлет «Англия, Франция, Россия и Турция», выдержавший пять изданий, получивший самые положительные отзывы и ставший своеобразным ответом на заключение Ункяр-Искелесийского договора.

Т. Визакис.
Лорд Байрон
в Миссолонги
(Греция).
1861 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Знамя черкесов

У. Хит.
Политический
шах и мат.
Сентябрь
1829 года.
Английская
карикатура
представляет
шахматную
партию между
Николаем I
и султаном
Махмудом II

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Окрыленный этим успехом, в ноябре 1835 года Уркварт начинает выпускать собственную газету – Portfolio («Портфолио, или Собрание государственных документов <...> иллюстрирующих историю нашего времени»). Газета выходила до 1837 года на английском и французском языках и пользовалась большой популярностью. В Portfolio Уркварт опубликовал документы, якобы захваченные во дворце великого князя Константина Павловича во время Варшавского восстания в ноябре 1830 года и доставленные польскими эмигрантами Пальмерстону. Если не все, то значительная часть этих документов была сфабрикована Урквартом, включая «секретную часть» речи императора Николая I в Варшаве, произнесенной им 4 (16) октября 1835 года в Лазенковском дворце в Варшаве. В ней царь якобы поклялся не прекращать репрессий, пока Польша окончательно не покорится. Речь шла о Польском восстании 1830–1831 годов и его подавлении русскими войсками. Это вызвало крайне негативную реакцию в Европе. Россия стала восприниматься как душительница польской свободы и мучительница маленькой Польши.

Уркварт сочинил и «Декларацию независимости чеченских племен». Русофобские настроения в английском обществе были тогда настолько сильны, что значительная часть британской прессы приняла эти фальшивки за подлинные документы.

ОБРАЗЧИК АНТИРУСССКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В 1835 году Уркварт опубликовал памфлет «Англия и Россия», посвященный польской проблеме и Восточному вопросу, в котором продолжил запугивать читателя «русской угрозой». Польша, по его словам, «стала пустым местом на политической карте Европы», причем европейские державы сами это допустили. Он критикует французское правительство за неоказание Польше помощи, критикует Ункяр-Искелесийский договор, сообщая о «жестокости, с которой Россия вырвала его у Турции», но забывая указать, что другие державы проигнорировали просьбу турецкого султана о помощи. Россия, по его словам, проводит либеральную политику, создавая себе имидж защитницы Османской империи. Между тем главной целью России является покорение Турции: «Если Россия первой окажется в Константинополе, она обязательно объединит ресурсы всех северных правительств, она станет морской державой, которой не будет никакого противовеса в Средиземноморье...»

Уркварт нагнетает панический страх перед Россией, и это его основная цель: «Станет ли мастодонт сарматских степей Левиафаном морей Запада? Будет ли в скором времени принесена другая жертва на тот же алтарь лишь потому, что даже малая помощь вновь не была оказана? Будут ли руины Турции положены на могильный камень Польши, лишая ее даже слабого лучика надежды и делая ее судьбу необратимой?»

Уркварт подчеркивает, что Россия существенно укрепила свои позиции в Европе, а «воля царя Московского является законом в Европе». Россия, по его словам, «стала центром союза, дважды разбившего Наполеона, и каким бы незначительным ни был ее вклад, она направляла движение». Перед нами парадокс: Россия победила Наполеона, но при этом вклад ее в победу был незначительным. Уркварт совершенно сознательно нивелирует роль России, а ее победу над Наполеоном

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ
уязвимой. Если бы Дарданеллы принадлежали Турции, Россия никогда бы не осмелилась раздражать морские державы.

Русофоб делает следующий вывод: Франция и Великобритания должны объединить свои усилия с целью противодействия усилию России, и тогда «российский дух захватничества, который пугает всех и угрожает каждому уголку Европы, будет уничтожен, российские знамена не будут развеваться на всем протяжении от Вислы до Аракса, Россия потеряет власть в Европе, и ее взгляд на всегда будет отвлечен от востока и юга». В противном случае, пугает Уркварт, если Франция и Великобритания не объединят своих усилий, казаки «будут в непосредственной близости от Италии, Испании, Корсики и Алжира».

Уркварт – типичный дешевый пропагандист, смешивающий полуправду и откровенную ложь. Импульсивный характер императора Николая I весьма подходил для его подстрекательств. «Угнетатель поляков», «будущий завоеватель черкесов, Проливов и Индии» – именно такой образ российского государя создает британец. Как заметил в середине прошлого столетия английский историк Дж.Х. Глисон, Уркварту удалось сделать обвинения в адрес России гораздо более осаждаемыми, нежели прежде.

В памфлете «Англия и Россия» содержатся очень важные слова, позволяющие понять характер русофобии как таковой. Уркварт отмечает, что у Англии «нет намерения воевать, нет агрессивных планов по отношению к России <...> Наша цель – не подтолкнуть Англию к войне, но предостеречь ее от ужасных последствий неверных представлений о силах России, которые существуют лишь в наших страхах, а не в реальности». Как видим, он пишет не о реальной «русской угрозе», а о тех самых «страхах фантазии», которые были сознательно изобретены европейцами и помогали им проводить реальную политику, борясь за власть внутри страны и расширение колониального могущества.

У. Хит. Медведи в безвыходном положении. 27 марта 1831 года. Английская карикатура. Польский офицер принимает неравный бой: сжимая в каждой руке по сабле, он прислонился к дереву и декламирует шекспировского «Ричарда III»: «Рабы, я жизнь свою поставил на кон, – и я останусь до конца игры...» Против него целая армия русских медведей, двоих из которых он уже сразил. Коленопреклоненная полька и маленький мальчик в отчаянии цепляются за своего защитника. Над головой польского патриота фригийский колпак – символ свободы

О. Домье.
Николай I –
жандарм
Европы.
Французская
карикатура

выставляет как агрессию. Он отрицает роль России в сохранении позиций Франции как великой державы, а англо-французское соперничество интерпретирует как выгодное России: «В результате этого противостояния Россия смогла усилиться, и это противостояние необходимо для ее дальнейшего возвышения. Франция – объект для нападения». Спасительное средство Уркварт видит в укреплении Османской империи, в результате чего «Россия будет остановлена там, где она сейчас находится. Тогда она не сможет стать ничем иным, кроме того, чем она, по сути, является – бедной, незащищенной и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лорд Джон Пальмерстон (1784–1865), министр иностранных дел в правительствах лорда Чарльза Грея и лорда Джона Рассела

ИНЦИДЕНТ С «ВИКСЕНОМ»

В 1836 году Уркварт вернулся в Константинополь на должность секретаря посольства и тут же устроил заговор с целью отправить в Черкесию британскую шхуну «Виксен», намеренно нарушая российский запрет на навигацию иностранных судов в восточной части Черного моря, установленный Адрианопольским договором. Как и предвидел Уркварт, шхуна была задержана русским военным кораблем у берегов Кавказа, близ Суджук-Кале. Эта провокация вызвала громкие протесты и призывы к войне с Россией в *The Times* и других газетах. Понсонби требовал у Пальмерстона отправить в Черное море эскадру, однако тот не был готов воевать с Россией по указанию Урквarta, Понсонби и прессы. В результате Уркварт был повторно отозван из Константинополя и уволен из Министерства иностранных дел, а в 1837 году Пальмерстон даже выдвинул против него обвинения в разглашении государственной тайны.

В историографии существует мнение, будто туркофилия Урквarta была не конъюнктурной, а вполне искренней, что для него дело было не в цивилизованной

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чуждости России, а в ее восприятии как угрозы интересам Британии, которая для Урквarta была не только родиной, но и оплотом мирового либерализма. На мой взгляд, Уркварт как раз считал Россию цивилизационно чуждой либеральной Европе, о чем писал в памфлете «Англия и Россия». Он подчеркивал, что вся беда заключалась в том, что европейцы «обращались с Россией как с цивилизованным государством и европейским правительством». То есть Россия для него – это не цивилизация и не Европа. Свои обвинения в адрес России он продолжил выдвигать в палате общин, куда был избран в 1847 году в качестве независимого кандидата, при этом использовал эмблему цветов Черкесии – зеленую с желтым. Не оставил он и нападок на лорда Пальмерстона, тогда министра иностранных дел в правительстве Джона Рассела, а в 1848 году даже повел кампанию за его импичмент, обвиняя в неспособности проводить более жесткую политику в отношении России.

Британская шхуна «Виксен»

Турецкие бани на Джермин-стрит (Лондон) были построены под руководством Урквarta

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА, КАРЛ МАРКС И ТУРЕЦКИЕ БАНИ

К концу 1853 года общественное мнение и в Англии, и во Франции было резко антироссийским. Именно общественное мнение стало фактором, склонившим правящие круги Франции и Великобритании к вступлению в войну против России. Можно сказать, что Крымская война стала первой в истории войной, вызванной давлением прессы и общественного мнения. В том, что русофобия к началу Крымской войны прочно засела в сознании англичан, немалая заслуга принадлежит Уркварту. Когда в 1854 году он создал «Ассоциацию защиты Турции», к ней примкнуло несколько тысяч радикалов.

Идеи Урквarta оказали большое влияние на Карла Маркса: в 1849 году тот получил политическое убежище в Лондоне, где и познакомился со знаменитым русофобом. Именно под его влиянием Маркс начал кампанию против России как врага свободы и стал писать памфлеты, направленные против Российской империи и внешней политики Пальмерстона, обвиняя его в том, будто он является тайным агентом царя. В начале 1856 года Маркс задумал работу по истории русско-английских отношений в XVIII веке. Однако в итоге у него получился памфлет о «кровавом болоте монгольского рабства» как «колоны Московии», который он опубликовал в газетах Урквarta «Шеффилдская свободная пресса» и «Свободная пресса»...

Как показало время, идеи Давида Урквarta оказались необычайно популярными в пространстве «коллективного Запада». Как популярны и турецкие бани, активным поборником которых был Уркварт. Кстати, именно под его руководством были построены турецкие бани в Лондоне. Так что один позитивный момент в туркофилии Урквarta все-таки был. ■

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г. Неллер.
Портрет
Петра I.
1698 год

В

ПРОЧЕМ, ОДНО ПРОЯВЛЕНИЕ болезни все чаще напоминает о себе: уничтожение памятников, монументов, надгробий и иных объектов культуры. У этой распространенной сегодня формы культурной пандемии свои пути распространения, специфические идеологические подтексты, скорости и векторы. Причиной же запуска разрушительного механизма чаще всего оказываются страх, паника, незнание. А результатом его действия становится осквернение могил, скульптур и свержение памятников с постаментов.

На юго-востоке Большого Лондона, в приморском Дептфорде, есть небольшая улочка Цар-стрит. В 2003 году в память о царе Петре, прожившем здесь несколько недель, на ней был официально открыт памятник работы Михаила Шемякина. Долговязый бронзовый го-сударь с гротескно маленькой головой держит в правой руке подзорную трубу, в левой – ку-рительную трубку. Рядом при-строился карлик с глобусом и крохотным корабликом на ладони, позади – маленький пустой трон и две пушки. На мраморной плите высечена надпись: «Петр Великий. Этот памятник – дар русского на-рода и воздвигнут в память о приезде Петра Великого в эту страну в поисках знаний и опыта».

По мере того как события в Великобритании и мире приоб-ретали все более русофобский характер, памятник Петру I на-чал привлекать пристальное внимание. Кончилось тем, что в пасхальные выходные 2022 года статуя Петра была повреж-дена вандалами в капюшонах и масках. Ни одна из хо-зяйствующих сторон не согласи-лась провести ремонт своими силами, сойдясь во мнении, что расходы в несколько тысяч фунтов должно взять на себя российское посольство. После чего работы законсервирова-ли, а статую обнесли забором...

«ЮМОРИСТ ВАРВАРСКИЙ»

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В ЛЮБОМ САМОМ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СТАБИЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОРЯДКЕ ЗАЛОЖЕНЫ РАЗЪЕДАЮЩИЕ ЕГО МЕХАНИЗМЫ. РАСПОЗНАТЬ ИХ ГУБИТЕЛЬНЫЕ СИМПТОМЫ – ДЕЛО ТРУДНОЕ, ВЕДЬ ВДУМЧИВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРЕБУЕТ ВРЕМЕННОГО ОТСТРАНЕНИЯ ОТ СОБЫТИЙ. КАК ПОСТАВИТЬ ДИАГНОЗ, ЕСЛИ СОБЫТИЯ НАКАТЫВАЮТ ПОДОБНО ОКЕАНСКОМУ ШТОРМУ, А КОВАРНЫЙ ВИРУС МЕНЯЕТ СВОЕ ДЬЯВОЛЬСКОЕ ОБЛИЧЬЕ И СКРЫВАЕТСЯ ПОД РАЗЛИЧНЫМИ МАСКАМИ?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лондон. Гравюра
XVIII века

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ТУРИСТ

11 января 1698 года царь Петр I ступил на английскую землю. Исполненный нетерпения от предстоящего знакомства с Туманным Альбионом, монарх во время перехода из Нидерландов через Ла-Манш пребывал в беспокойстве и вконец довел своими чудачествами экипаж английского военно-го флагманского «Йорка» под началом уравновешенного вице-адмирала Дэвида Митчелла. Облаченный в форму матроса царь сновал по палубе и изводил почтенного капитана, вы-зывая детали устройства корабля и выспрашивая о мелочах, касавшихся такелажа. Он бес-престанно карабкался на мач-ты, призывая тучного британ-

ца составить ему компанию. Когда на горизонте появились очертания Британии, бедный Митчелл, наверное, вздохнул с облегчением. А докучливый гость, переодевшийся в ци-вильное платье, напялил парик и был таков, пересев на какую-то случайную грузовую баржу. «С греблею поехали рекою Тем-сою, – записали сопровождаю-щие царя в официальном «Юр-нале». – Проехали на правой стороне здание, именуемое Тур, где английских честных людей сажают за караул; про-ехали мост, на котором дворы построены (Лондонский мост. – Прим. авт.); приехали в город Лондон; поставлены в трех до-мах мещанских, и тут кушали в одном дворе».

Богатый, опасный, развратный и грязный Лондон потряс царя. Суeta, переполненные улицы, толчая, ярмарки – все это по-разило его воображение. Петру в ту пору было 25 лет. Он был молод, хорош собой и пора-жал чопорных англичан широ-той своей деятельной натуры. Даже сегодня, приехав, напри-мер, в Гринвич, можно наслу-шаться от местных жителей баек об экзотическом госуда-ре и его причудах. Интерес к Петру был тогда огромен: при-ехал властелин непонятной Мо-сковии! К тому же Петр не по-ходил на царственную особу, был прост в общении, интерес-овался английским образом жизни, бытом, манерами, тра-дициями и, что особо восхища-ло публику, отличался стран-ностями в поведении. Чего стоило одно его уморительное желание сохранить свой ви-зит в тайне. За августейшим монархом, скрывавшимся под именами Петр Михайлов, Петр Романов, капитан Петр, Питер-бас, Питер, заандамский плот-ник, внимательно следили сот-ни глаз: желание царя оставаться неизвестным лишь подогрева-ло к нему интерес. Среди счаст-ливчиков, которые видели Пе-тра, был и Даниэль Дефо. Он писал, что царь представал перед ним в монмутской шапке – это нечто вроде вязаного длинного колпака, который носили про-столюдины. И как можно было этакому бравому двухметрово-му молодцу, посещавшему те-атры, верфи, музеи, мануфак-туры и таверны, укрыться от посторонних глаз?

Царю Московии подобное вни-мание радости не доставляло. В театре, обнаружив, что вся пу-блика уставилась на него, он смущался, пересаживался в зад-ний ряд, стараясь затеряться среди людей, и смотрел поста-новку из-за спин своих поддан-ных. Его круг общения был ограничен, посторонние в дом не допускались, а если любо-пытный зевака все-таки про-бирался внутрь, встречали его не особо гостеприимно. Граф

Дептфорд.
Памятник
Петру I.
Автор – Михаил
Шемякин

Томас Паркер,
1-й граф Маклсфилд

Маклсфилд, например, бесцеремонно заявившись к царю, был крайне раздосадован, когда Петр резко поднялся из-за стола и ушел в спальню, бурча под нос, что нечего, мол, пялиться на него во время ужина. Только в кругу близких царь становился самим собой. Если в ночном Лондоне гремел смех и весело звенели бокалы, можно было не сомневаться, что источником шума были иноземные гости, остановившиеся на Норфоркской улице, недалеко от Стрэнда.

И все-таки среди англичан царь приобрел репутацию «доброго малого». Приятельские отношения связали монарха с «чудным джентльменом» – контр-адмиралом Перегрином Осборном, маркизом Кармартеном – строителем подаренной царю двухмачтовой королевской яхты The Transport Royal, всегда готовым прокатиться по Темзе и долгими вечерами бражничать, попивая раки и brandy (настойка коньяка на перце). Поговаривали, что особо понравился царю некий напиток Nectar Ambrosia, который подсунул ему какой-то местный аферист, получивший сказочный подарок: Петр приказал закупить немалое количество этой живительной «микстуры». Не чурался царь Петр и амурных похождений. Он был активен, грубо и напорист, но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Друри-Лейн, старейший из непрерывно действующих театров Великобритании. В XVII – начале XIX века считался главным драматическим театром британской столицы

страшилище из пасквилей тех времен не напоминал – в медвежьей шкуре и с саблей на любовные свидания не являлся, усы за уши не закидывал и миловидных дочек хозяев домов, в которых останавливался, не насиловал. Предпочитал компанию покладистых девушек попроще – большей частью актрис из театра Друри-Лейн. В вопросах любовных царь был прижимист, чаевых не давал, предпочитая не пускать деньги на ветер, и, отчитывая Меншикова за волокитство, со смехом говорил: «Ты, Меншиков, думаешь, что и я такой же мот, как ты?»

Однако времяпрепровождение царя не исчерпывалось любов-

ными шашнями и пирушками. Англия предстала перед ним как своего рода огромный супермаркет: от обилия нового, модного, экзотичного буквально кружилась голова, и Петр с энергией неофита хватался за все, пытаясь перенять новейшие технические достижения, в особенности по части механики и кораблевождения. Еще в Амстердаме он обзавелся у какого-то торговца путеводителем по Лондону и знал, где и какие достопримечательности следует посетить. Обходя ремесленные лавочки и мастерские в районе Стрэнда, он закупал «лекарские инструменты», аптечки, песочные, настенные и напольные часы, разнообразные квадранты, компасы, буссоли, телескопы, пистолеты, «шпаги добрые» и географические часы, которые показывали «время в любой части света, день сейчас или ночь». Приобрел он за 8 гиней и «платье английских законников черное» с поясом, и деревянный гроб, на изготовление которого потребовалось неизмеримо меньше досок по сравнению с русским способом выдалбливания домовины из цельного ствола. Петр сторговал его за 8 фун-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Перегрин
Осборн,
2-й герцог
Лидский

тов 10 шиллингов и отправил в Россию. Царь купил чучела меч-рыбы и крокодила, а также слугу-африканца (21 фунт 2 шиллинга) с африканкой (30 фунтов) и «малую мартышку» (11 гиней) с попугаями.

Петр интересовался всем: устройством законов, планировкой домов, работой парламента, верфями, квакерскими собраниями, публичными домами, маскарадами, пристрастился к театральным постановкам с веселенькими мотивчиками и акробатами, во время которых «показываны многие бои и устрашения адская, и дивные танцы, и иные утешные вещи и перспективы». Он побывал в Лондонском королевском обществе, «где видел всякие дивные вещи», в Тауэре, как минимум три раза обходил монетный двор, интересуясь внедрением машинной системы чеканки, наблюдал небо в Гринвичской обсерватории, наведался в госпиталь для моряков и в Арсенал в Вулвиче. Слова «нельзя» для него не существовало, при одном лишь намеке на не-повиновение глаза его загорались недобрыйм огнем, предвещая страшный гнев. «Ты что, не осознаешь, что я царь, пусть даже я и не в своем государстве», – свирепо прорычал Петр в ответ на реплику адмирала Митчелла о невозможности исполнять все желания царя по части знакомства с флотом, так как он находится в Англии, где действуют свои правила.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«НОУ-ХАУ» В СЕЙЗ-КОРТЕ

Какими были эти правила, Петр отправился узнавать в Дептфорд, сняв в феврале 1698 года за счет короля усадьбу Сейз-Корт, арендатором которой в то время был увековеченный Робертом Льюисом Стивенсоном в «Острове сокровищ» вице-адмирал Джон Бенбоу. Принадлежал же особняк Джону Эвелину, члену Лондонского королевского общества, купцу и ученному-садоводу, и выбран был «как место поукромнее и поближе к кораблям». Всю свою страсть к лесам и растениям достопочтенный господин Эвелин вложил в знаменитый парк и никак не мог представить, что из этого получится. В тихом ухоженном саду с английским газоном цвели розы, была посажена знаменитая живая изгородь и проложены аккуратные дорожки из щебня. Но тут прибыли русские. Управляющий поместьем с прискорбием сообщил хозяину, что Сейз-Корт разгромлен, в чем Эвелин смог убедиться после отъезда Петра.

Единственный известный оригинальный рисунок дома в Сейз-Корт, сделанный Джоном Эвелином

да Петра. Специальную комиссию, направленную для оценки ущерба, возглавил сэр Кристофер Рен, восстановивший Лондон после Великого пожара 1666 года. В помощь ему прикомандировали главного садовника короля, Джорджа Лондона. Оценка их была неутешительна. В доме краска на стенах облуплена, шкафы, кровати и стулья поломаны, стекла выбиты, печи сломаны, «двадцать пять картин очень сильно порваны, а рамы все поломаны». Оставленный Петром сад Эвелина напомнил Рену место сражения. Вот как он выглядел, судя по отчету, представленному возглавляемой им комиссией: «Во все время, пока московский царь проживал в означенном доме, немало повреждений было понесено в садах и палисадниках. Усмотренные повреждения двух родов: одни из них могут быть поправлены, другие же нельзя исправить.

- 1) Трава помята, и земля взрыта от прыжков и выделывания разных штук.
- 2) Лужайка, на которой играют в шары, в таком же виде.
- 3) Вся земля, которая обрабатывается под хозяйственные растения, заросла сорными травами и оставалась без ухода и обработки, потому что царь все равно не допустил бы никого к обработке, когда наступило для этого время.
- 4) Шпалерные и другие, фруктовые деревья остаются не подрезанными и без прививки.
- 5) Ни живые изгороди, ни дички, не подрезаны, как следует.
- 6) Песчаные дорожки изрыты ямами и запущены».

Царя между тем учиненный разгром волновал меньше всего. Он обжился в доме Эвелина, обустроив себе комнату рядом с хозяйствской библиотекой, ел два раза в день – в 10 часов утра и в 6 часов вечера. По окончании дневных работ Петр обычно отправлялся с несколькими приближенными на Гоуфстрит, там ими был присмотрен небольшой кабачок, где можно было, покуривая голландскую трубку, скоротать вечерок.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр I работает в Дептфорде над чертежом корабля. С гравюры XVIII века

за бренди или портвейном. Иногда «сей юморист варварский» предпочитал сидеть дома, но чаще целыми днями пропадал на верфях, причем, отправляясь на них, применял невиданное в Англии «ноу-хай». Чтобы выйти к Темзе, обитателям Сейз-Корта следовало пройти ворота и обогнуть вдоль стены все поместье, но Петр вечно спешил, так что по его приказу свита проделала дыру в стене в глубине сада, так что государь выходил прямиком к реке. Он плавал по реке, учил потешные баталии и палил из пушек, осваивая методики управления судами. Умудрился при этом, самолично правя яхтой «Дав», врезаться в борт бомбардирского судна, а через месяц тем же манером едва не пустил на дно другое не к месту попавшееся по пути судно.

Но вряд ли все это смущало любопытного государя. Вокруг было много «диковинок» и познакомиться с ними требовалось обязательно. Например, в начале марта к нему в дом привели женщину-великаншу ростом 4 аршина (2,88 метра), и удивленный Петр, чей рост составлял 2,07 метра, долго ее разглядывал. Помимо учреждений и предметов механики Петра интересовали люди, которые были готовы отправиться с ним в Россию. Он нанял на русскую службу около сотни «служилых начальных людей»: «огнестрельных мастеров», мостовщиков, кузнецов, корабельных плотников и инженеров.

Однако при всей открытости царя многие обстоятельства его визита в Англию по сей день окружены завесой тайны. Например, неизвестно, встречался ли Петр с такими важными персонами, как упоминавшийся выше сэр Кристофер Рен, смотритель Королевского монетного двора сэр Исаак Ньютона, великий астроном Эдмунд Галлей. Осталась темной и еще одна история. В разгар визита Петра в Англии готовилась секретная экспедиция под командованием коммодора Мэтьюза для борьбы с пиратами к востоку от мыса

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Доброй Надежды. Главной целью ее был остров Мадагаскар, на котором, по слухам, скрывались пираты Генри Эвери и Уильям Кидд, известные захватами торговых кораблей в Красном море. Лондонский Совет по торговле и предпринимательству вел консультации со специалистами по Ост-Индии относительно выбора времени и наилучшего маршрута плавания. В числе экспертов был и сотрудник лондонской таможни Уильям Дампир, картограф, мореплаватель и автор знаменитой книги «Новое путешествие вокруг света» – своего рода энциклопедии того времени, благодаря которой на свет появились герои Дефо и Свифта.

Совершив во время грабительских рейдов 1679–1691 годов по Вест-Индии, Тихому океану и Ост-Индии кругосветное плавание, Дампир неплохо знал здешние воды. В 1699 году он занимался подготовкой к плаванию в Новую Голландию и 6 августа в компании с видным чиновником военно-морского ведомства Самюэлем Пипсом обедал с неизвестным нам Эвелином. «По королевскому соизволению он собирается опять за границу на 290-тонном корабле, – записал в своем «Дневнике» Эвелин. – Он показался мне вполне приличным человеком, нежели можно было бы ожидать, учитывая среду, к которой он принад-

Лондонское королевское общество. XVII век

Лондон, крепость Тауэр, где на протяжении пятисот лет находился монетный двор. Гравюра XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лежит. Он принес карту ветров Южных морей, составленную по его собственным наблюдениям, и уверял нас, что все существующие по сей день подобные карты, относящиеся к Тихому океану, неправильны». Возможно, проводя время на королевских верфях, царь Петр мог встретиться и со «старым Дампиром», как называл его Чарльз Дарвин...

«НАМ ПРИДЕТСЯ РАСКАЯТЬСЯ»

Зима 1698 года выдалась ранняя и суровая, стоял неимоверный холод, дороги обледенели. В одном из последних писем, отправленных из Англии, Петр иронизировал над англичанами, которые, по его словам, жаловались, что московит привез с собой из Москвы трескучие морозы. Это смехотворное «обвинение» стало одним из наиболее распространенных в адрес Петра. Справедливости ради заметим, что за исключением, пожалуй, разгрома Сейз-Корта Петр оставил у британцев вполне позитивные воспоминания, представая в коллективной памяти этаким передовым «варварам», способным провести в России реформы, благодаря которым

страна приблизится к «цивилизованному миру». Впрочем, воздавая должное царю и обнаруживая в нем «личный возвышенный гений», англичане отделяли монарха от его подданных, признавая, однако, что «природная русская неотесанность» накладывает отпечаток и на царственного «медведя».

Но по мере того, как в первой четверти XVIII века Россия закреплялась на международной арене, росли и критические отзывы о Петре I, постепенно размывая положительный образ царя и смыкаясь с идеей «русской угрозы», прочно закрепившейся в британском общественном мнении.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Встреча Петра I с королем Англии и Шотландии Вильгельмом III Оранским

Похожие настроения разделял, например, посланник Великобритании в России Джеймс Бавингтон Джейффрис. Он родился в 1679 году в Стокгольме в семье бригадного генерала Джеймса Джейффриса, получил образование в Дублине. В 1702-м вернулся в Швецию, поступил волонтером в армию Карла XII и участвовал в военных действиях против России в 1707–1709 годах, являясь агентом британского резидента в Стокгольме Джона Робинсона. Под Полтавой он попал в плен, но был отпущен на свободу. В 1718 году король Георг I направил Джейффриса в Петербург, но после обострения русско-британских отношений он был выслан из страны. В 1719–1725 годах Джейффрис был резидентом в Данциге, затем занимал пост губернатора Корка в Ирландии. В разгар Аландского конгресса (переговоры между Россией и Швецией в мае 1718-го – октябре 1719 года на Аландских островах с целью окончания Северной войны. – Прим. ред.) в донесении государственному секретарю Северного департамента Джеймсу Стэнхопу от 15 мая 1719 года он предостерегал своего патрона от недооценки «русской угрозы». Особенно настаивал Джейффрис на отзыве из России английских корабельных мастеров, что позволило бы замедлить проведение Петром I кораблестроительных программ: «Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании – два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш?» В 1719 году, когда британско-шведский флот под командованием адмирала Джона Норриса вошел в Балтийское море,

в Лондоне появилась брошюра некоего Н.М., под псевдонимом которого, вероятно, выступал Джордж Маккензи, в 1714–1715 годах являвшийся британским министром-резидентом в Петербурге. «Правда – это всего лишь правда, когда она сказана вовремя! – говорилось в ней. – Или: принимаемые в настоящее время нашим министерством меры против московитов оправданы простыми и очевидными резонами – стремлением доказать, что не только в интересах нашего государства, но и в интересах нашей торговли нельзя допустить, чтобы царь, коль скоро уж ему захотелось иметь порт на Балтике, имел еще и флот». Опасения автора разделяли и издатели «Сент Джеймсис уикли джорнэл», 20 февраля 1720 года поделившиеся с читателями опасениями о том, что Россия вскоре захватит Китай. Напряженность в отношениях между Лондоном и Петербургом ощущали служившие на российском флоте британские офицеры. Одним из них был капитан третьего ранга Джон Ден, проработавший двенадцать лет в России. Его имя попало в специальную «ведомость» о неблагонадежных британских офицерах, хранившуюся в личной канцелярии Петра I. В документе отмечалось, что «в службе обретаютца стороны противной морских офицеров: капитан Ден, капитан Шапизо, капитан-поручик Армитаж, капитан-поручик Вилярс». Некоторые из этих имен упоминал и Джеффрис. В донесении от 20 февраля 1719-го он сообщил, что Ден, Армитаж и Виллерс осведомлены, «каково мнение великобританского двора об офицерах, состоящих на службе в царском флоте», но высказывают надежды на возможное к ним снисхождение и готовы вернуться в Британию, как только получат повеление Георга I. Неслучайно перед отъездом в Британию Джеффрис потребовал от российских властей отправить на родину всех находившихся в России британских подданных.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

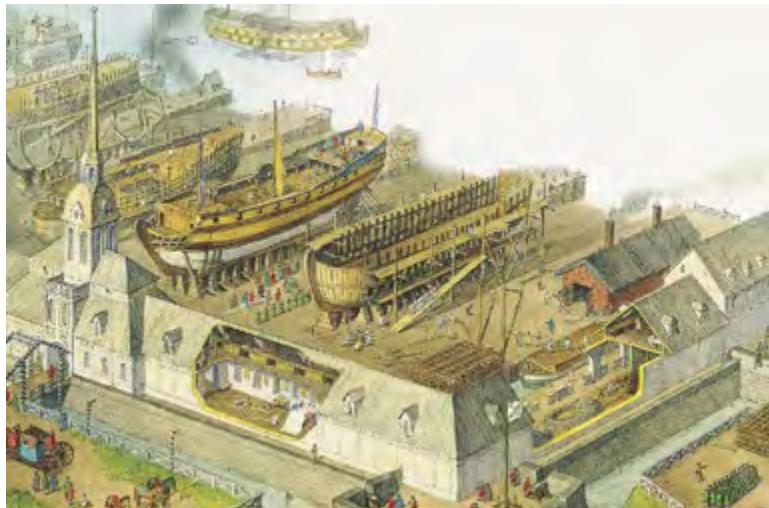
А.П. Антропов.
Портрет Петра I.
1770 год

На неблагонадежной репутации Дена, безусловно, сказалась сентябрьская история 1718 года, когда 32-пушечный фрегат «Самсон» под его командованием был окружен к северу от Данцигского залива нидерландским и британским военными кораблями. От Дена потребовали вернуть захваченные им «призы» – два торговых судна, направлявшихся из Швеции в Кёнигсберг. Ден явился на борт нидерландского корабля «для лучшего разговора и показания документов», где и был арестован. Освободили Дена только после того, как были возвращены «призы». В разгоревшемся скандале фигурировали показания капитана Конона Зотова о полученной Деном взятке в 500 червонцев. В декабре 1719 года генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и вице-адмирал Корнелий Крюйс рассмотрели представленный Деном рапорт об увольнении со службы и подписали документы для его выезда за пределы России.

Но воспользоваться ими Ден не успел. Весной 1720-го Совет Адмиралтейств-коллегии рассмотрел обвинения в адрес Дена и постановил: «Отнять офицерство и выслать из службы вон за негодного и доправить за один год ево жалованья в морскую гостиницу». Правда, по указу царя Адмиралтейств-коллегия 9 августа 1720 года предписала Дену отправиться в Казанское адмиралтейство и служить там «на морских судах» поручиком. После окончания Северной войны царским указом от 15 ноября 1721 года ему разрешили покинуть место ссылки и отправиться в отставку.

Выехав на родину осенью 1723-го, Ден в течение года приводил в порядок свои записки и готовил труд, посвященный истории и современному состоянию российского флота. Преподнеся его королю Георгу I, Ден сделал важный шаг в своей карьере. 11 мая 1725 года он получил официальное назначение и отправился в Петербург в качестве британского генерального консула. Здесь он, впрочем, пробыл недолго: прибыв в Кронштадт 2 июня, Ден уже 21-го был выслан из страны. В Лондоне он пользовался репутацией знатока российского флота, и надо полагать, что в британском Адмиралтействе внимательно отнеслись к его оценке состояния российских военно-морских сил. «Немногие из имеющихся на свете кораблей способны нанести вред русским кораблям, особенно тем, что построены в С.-Петербурге, которые, если их снабдить достаточными командами, обладают отличными мореходными качествами, и они бесподобно хорошо снабжены мачтами, парусами, якорями, канатами и проч. – все это собственные российские произведения, из которых выбирается все самое отборное для императорского флота». По словам Дена, «в настоящее время российский флот на Балтийском море состоит из 30 линейных кораблей и 6 строящихся на стапелях». Кроме того, в Казанской губернии име-

Строительство кораблей при Петре I на Адмиралтейской верфи

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ется заготовленного дубового леса на более чем 30 кораблей. «Полагают, что царь намеревается держать постоянно в полной исправности 40 линейных кораблей, имеющих от 50 до 100 орудий каждый, и, так как предельным сроком их службы является 10 лет, он будет вынужден ежегодно строить по два новых корабля, а также перестраивать еще два других, для того чтобы поддерживать такое число кораблей, и, имея примерно 10 фрегатов, он должен будет каждый год попеременно то строить, то перестраивать по одному фрегату». Укрепился и галерный флот: «За последние два года, когда царь решил предпринять поход на Каспийское море, в вышеупомянутом месте нарублено и обтесано по лекалам дубового леса на 100 галер и на лафеты для 200 больших орудий». Но, отмечает Ден, могущество

царя Петра зиждется не только на технических характеристиках. Не менее важен профессиональный уровень русских специалистов, и царь «имеет достаточно большое количество людей довольно опытных в деле оснащения кораблей и в исполнении вообще всех обязанностей моряка на суше и во время стоянки в гавани». Обращал внимание Ден и на моральные качества флотских офицеров, среди которых «есть люди, сильные духом и замечательно твердого характера, которые, зная его беспредельные честолюбивые замыслы, предпримут все от них зависящие усилия, чтобы подогреть их с целью извлечь из них свои частные выгоды». Прислушивавшимся к доводам Дена руководителям британского Адмиралтейства было ясно, что к «северному варвару», обуздывавшему природу, следует от-

носиться с большой настороженностью. Подобные настроения легко прививались на хорошо удобренной почве, ведь семена страха перед Россией произрастали еще со времен Джерома Горселя, Томаса Смита и Джильса Флетчера – англичан, посетивших Московию при Иване Грозном и Борисе Годунове. Недуг постепенно принимал форму хронического заболевания. Визит Петра в Англию, вызвавший настоящий бум, немного растопил лед недоверия, однако не надолго: прошло несколько лет, и царю начали отказывать в репутации «просвещенного деспота», с большей готовностью отыскивая в нем черты «деспота восточного». «Он не цивилизовал нацию, – писали авторы «Всеобщей биографии» Джона Эйкина в 1813 году, – которая и долгое время спустя сохранила многие следы варварства, но растолкал ее от тупой застылости, дал ей средства для будущего совершенствования и стал главным творцом той политической значительности, которой она с тех пор достигла».

Как видим, и сегодня нет покоя даже памятнику Петру в Дептфорде. Одно лишь успокаивает: на берегу Финского залива, возле Президентской пристани в Стрельне, воздвигнут монумент «Царская прогулка», изготовленный Шемякиным по тем же лекалам, что и английский памятник Петру, с добавлением разве что Екатерины I и двух борзых... 🐶

Скульптурная композиция «Царская прогулка», посвященная пребыванию Петра I в Стрельне. Автор – Михаил Шемякин

РУССКИЙ РАЗВЕДЧИК ЮСУФ ХОРАСАНИ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

«Я – ИВАН, ПРЕСВИТЕР И ЦАРЬ, НАД ЦАРЯМИ ЦАРЬ; ПОД ВЛАСТЬЮ МОЕЙ ТРИ ТЫСЯЧИ ТРИСТА ЦАРЕЙ. ПРАВОСЛАВНЫЙ Я В ВЕРЕ ХРИСТА. ЦАРСТВО МОЕ ТАКОВО: В ОДНУ СТОРОНУ – ИДТИ ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ, А В ДРУГУЮ ДОЙТИ НЕВОЗМОЖНО, ТАМ НЕБО С ЗЕМЛЕЮ ВСТРЕЧАЕТСЯ... ЕСЛИ ИДУ НА ВОЙНУ КОГО-НИБУДЬ ПОКОРЯТЬ, ТО НЕСУТ ПРЕДО МНОЙ ДВАДЦАТЬ СТЯГОВ И ДВАДЦАТЬ КРЕСТОВ. А КРЕСТЫ ТЕ И СТЯГИ БОЛЬШИЕ, СДЕЛАНЫ ИЗ ЗОЛОТА С ДРАГОЦЕННЫМИ КАМЕНЬЯМИ, С ОГРОМНЫМИ ЖЕМЧУГАМИ, НОЧЬЮ СВЕТЯТСЯ, КАК ДНЕМ. ВЕЗУТ ИХ НА ДВАДЦАТИ ШЕСТИ КОЛЕСНИЦАХ, А У КАЖДОЙ КОЛЕСНИЦЫ СЛУЖАТ ПО СТО ТЫСЯЧ ВСАДНИКОВ И ПО СТО ТЫСЯЧ ВООРУЖЕННЫХ ПЕШИХ, НЕ СЧИТАЯ ТЕХ, КТО ИМ ПИЩУ ПОДНОСИТ», – ПИСАЛ ВИЗАНТИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ ЯКОБЫ ИНДИЙСКИЙ ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ В XII ВЕКЕ. НА РУСИ ОБ ЭТОМ ЗНАЛИ ИЗ ПЕРЕВОДНОГО «СКАЗАНИЯ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ» И ВОСХИЩАЛИСЬ МОГУЩЕСТВОМ ДАЛЕКОГО ЕДИНОВЕРЦА.

Высокое
содержание
окры дарит
пескам Ормуза
удивительный
цвет

О НЕМ ДУМАЛИ, С ним мечтали установить дипломатические отношения, а то и вступить в союз против магометан, особенно после потери Иерусалима, а тем более Константинополя. Он был мечтой крестоносцев, которые вдохновлялись поисками царства пресвитера Иоанна вплоть до конца Средневековья. Христо-

фор Колумб, отправившийся в 1492 году в первое плавание на запад, вез послание православному царю Ивану и планировал сговор с ним ради отвоевания Святой земли. К сожалению, никакое правоверие и могущественный monarch в Америке обнаружены не были. Русская разведка преследовала ту же цель, но достигла результатов чуть ранее.

ПУТЬ В ИНДИЮ

На Восток торговцы и путешественники из Руси ходили часто. Евразию неоднократно пересекали посольства, преодолевавшие тысячи километров. Русские уже в XIII веке часто посещали Монголию, а то и Китай. Там служили русские воины, там бывали русские князья. Казалось бы, Индия даже ближе. Возможно, ее тоже кто-то наве-

стил. Но документальные свидетельства сохранились только от конца XV века – чуть ранее плавания Колумба, который тоже туда метил.

При великом князе Иване III иностранными делами и секретной службой, как некоторые предполагают, ведал дьяк Василий Мамырев. Этот интеллектуал владел иностранными языками: в одной из рукописей, созданных при его участии, отдельные греческие слова оставлены без перевода. До нас дошли манускрипты из его библиотеки. Ему первому в 1475 году доставили бумаги, обнаруженные при некоем купчине Афанасии, недавно умершем где-то в Литве под Смоленском. Резидентура сработала отлично: ценные сведения не попали ни в Вильну, ни в Krakow, ни даже в Тверь, откуда Афанасий был родом, а оказались в Москве. Документы были настолько интересными, что даже не затерялись в посольских завалах. Их переписали и сохранили, а вскоре включили в качестве приложения в одну из летописей. Такие отчетные своды готовились тогда повсеместно накануне апокалипсиса – конца света, который ожидался вскоре после седьмой тысячи лет от Сотворения мира, то есть примерно в 1492 году от РХ.

У нас нет указаний на то, что московские власти смогли как-то воспользоваться сведениями купца Афанасия: скорректировать внешнюю политику или организовать торговую экспедицию. Не достались они и иностранным, которые вскоре проделали этот путь сами.

Карта
передвижений
Афанасия
Никитина
по Индии

Торговцы
и путешественники из Руси
не раз пересекали Евразию

Жажда коммерческой прибыли двигала европейской любознательностью. Маленько бедное периферийное Королевство Португалия, самой природой обращенное к бескрайнему океану, не решалось его преодолеть, ограничиваясь исследованиями негостеприимного африканского побережья. Португальцев тоже манил пресвитер Иоанн и богатства Индии. В 1487 году король Жуан II поручил капитану Бартоломеу Диашу найти морской проход в Индию вокруг Африки. В следующем году тот достиг мыса Доброй Надежды и подтвердил, что такой проход существует. Впрочем, до Индии он не додел. Первые португальцы прорвались туда сушей. В том же, 1487 году король отправил на Восток двух своих придворных – Перу да Кувилья и Афонсу ди Пайва. Они доплыли до Каира, а потом с караванами преодолели Аравийский полуостров. Далее Афонсу направился в Эфиопию, а Перу – в Индию. Первый в итоге погиб. А Перу прибыл в Каликут (город Кожикоде в индийском штате Керала. – Прим. ред.), побывал в Гоа и в 1491 году вернулся в Египет через Ормуз. Он не нашел пресвитера Иоанна, но доставил домой подробный отчет о путешествии, в котором описал условия местности, навигации, особенности правления в регионе и португальские перспективы. Он не рекомендовал использовать долгий, трудный и затратный наземный путь, но предлагал развивать морской. В 1498 году Васко да Гама воспользовался его рекомендациями и привел свою эскадру к Каликуту, а потом к Гоа. Западноевропейские торговцы тогда быстро превращались в завоевателей, если чуяли возможность успеха. Португальцы почти сразу начали конфликтовать с туземными правителями из-за пошлин и правил торговли. Вскоре это привело к войнам и оформлению колониальных империй. В 1507 году португальцы захватили Ормуз, в 1510-м – Гоа, а потом многие другие прибрежные города Индии и соседних стран.

ТВЕРСКОЙ КУПЕЦ

Ничто не указывает на то, что русские планировали что-то подобное. Тем более что это действительно стало возможно только при наличии морского сообщения с метрополией. Для Москвы и в целом для Руси ценность информации об Индии была, очевидно, в другом. Примечательно, что до сих пор не утвердилось единого мнения – в чем же?

Судя по тексту Афанасия, он был из Твери, а в летописном предисловии помечен как Никитин сын. Свое «хожение» он описывал фрагментарно, в одних местах подробно указал ассортимент товаров на базаре, численность войск, особенности ритуалов или даже местные легенды, а в других – просто сухо зафиксировал то-понимы. Перечисленные им географические объекты позволяют составить единый маршрут, а потому считается, что сохранившиеся записи представляют собой цельное сочинение, возможно, составленное в несколько этапов на основе дневниковых пометок. Высказывалась даже версия, что его пронизывает художественный замысел, а неравномерность изложения – творческий прием.

Со времен Николая Михайловича Карамзина «Хожение за три моря Афанасия Никитина» многократно становилось предметом исследования. Впервые его издал Павел Михайлович Строев в составе «Софийского временника» 1821 года. А в 1856-м Измаил Иванович Срезневский посвятил ему отдельную, ставшую хрестоматийной работу. Он впервые обосновал датировку описанных в «Хожении» событий. По его мнению, путешествие тверитянина началось в 1466-м, а завершилось к 1472 году. Эти хронологические рамки долгое время были общепринятыми. Тем не менее при академическом издании сочинения в 1986 году Леонид Сергеевич Семенов предложил их пересмотреть и изменить на

Мечеть Джами
Масджид
в Гулбарге

1468–1474 годы. Недавно были высказаны соображения о необходимости новых корректировок и отнести отправление Афанасия в путь к 1467 году. В самом сочинении дат нет, но фактор времени постоянно присутствует. Автор неоднократно жалуется на сложности с его определением. Он мерит путь постами и Пасхами, которые с какого-то момента вынужден определять буквально на глаз, высчитывая солнечные циклы и примеряясь к мусульманским праздникам. Всего за путешествие он отмечает Пасху шесть раз: первый раз в некоем городе Кaine, идентификация которого затрудни-

тельна; второй раз в Чапакуре – городке в Мазендеране (узкая береговая полоса на юге Каспийского моря, отделенная от остальной Персии хребтом Эльбурса); третий – в городе Ормузе на одноименном острове в Персидском заливе; четвертый – в индийском Бидаре; пятый – там же рядом в Гулбарге, а шестую Пасху – на обратном пути на Русь, в Маскате на Аравийском полуострове.

Изложение Афанасий начинает с того, что его «грешное хожение» было «за три моря»: Каспийское, Индийское и Черное. А выступил он из Твери вниз по Волге, получив благо-

В иранской
провинции
Мазендеран
Афанасий
Никитин
провел
восемь
месяцев

словение местного князя Михаила Борисовича, владыки Геннадия и воеводы Бориса Захарьевича [Бороздина]. Все эти фигуры исключительные и знаковые для истории Тверского княжества. Михаил Борисович – последний князь независимой Твери. Он занял престол 7 или 8 лет от роду, в 1461 году, то есть к 1466–1467 годам ему едва исполнилось 14 лет. Серьезного противодействия усилению Москвы ему оказать не удалось, найти надежных союзников – тоже. В 1485 году его просто выгнали из Твери, а жители сдали город обступившим его москвичам. Он бежал в Польшу, где

его приютил король Казимир. Там Михаил умер осенью 1505 года. Его отец, Борис Александрович, был гораздо более умелым правителем. Его поддержка фактически спасла когда-то Василия II Темного, изгнанного из Москвы Дмитрием Шемякой. В 1447 году московский князь укрылся в Твери, где вступил с князем Борисом в союз, платой за который был брак наследника московского престола с тверской княжной. Будущий Иван III был обручен с Марией Борисовной, и в 1452 году состоялось их венчание. В 1466–1467 годах могло казаться, что Москва и Тверь союзники.

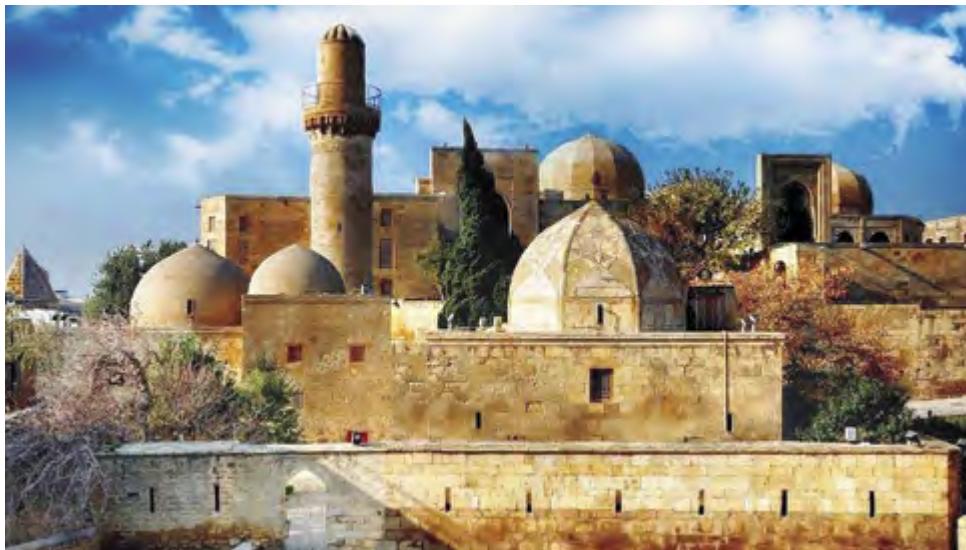
Маскат – город на побережье Оманского залива, в котором также побывал Никитин

Баку. Мечеть, входящая в комплекс дворца Ширваншахов

Владыка Геннадий был первым тверским епископом, утвержденным из Москвы. При князе Борисе эта зависимость еще не была обязательной, и литовские митрополиты в Киеве, входившем в Великое княжество Литовское, считались равновеликими московским. Например, в 1459 году тверской епископ Моисей ехать в Москву отказался. После смерти Бориса в 1461 году его с кафедры свели и выбрали лояльного Геннадия, который происходил из детей боярских Кожиных. Его старший брат, Матвей – в иночестве Макарий, – был основателем Троицкого монастыря в Калязине, а племянник (сын сестры) Паисий – основателем Покровского монастыря в Угличе. Оба позднее были прославлены Русской церковью в лице преподобных.

Борис Захарьевич Бороздин был видным тверским боярином и воеводой. При князе Борисе он возглавлял тверские войска, отправленные на помощь Василию II Темному в 1447 году. Впоследствии перешел на московскую службу и был полковым воеводой в казанском походе Ивана III в 1484 году. Судя по всему, Афанасий упомянул его неспроста. Вероятно, его предпрятие было либо инициировано, либо профинансировано Бороздиным.

Любопытно, что Афанасий в качестве первой своей остановки в пути указал Калязин, где он получил благословение от того самого Макария, брата владыки Геннадия. Далее он дошел до Углича, откуда его «отпустили без препятствий». В Угличе тогда уже подвизался Паисий, с которым Никитин мог встретиться. Выходит, в начале сочинения Афанасий старательно обрисовывает круг заинтересованных в его поездке лиц, среди которых, кажется, ведущее положение занимали священнослужители семейства Кожиных, а также боярин Бороздин. Все они были известны своими промосковскими симпатиями.

ТУДА И ОБРАТНО

Мотив Москвы вообще занимает заметное место в изложении путешественника. Следующей остановкой после Углича он отмечает Кострому, удивительным образом не упоминая Ярославль. В Костроме он встречает московского наместника, князя Александра Федоровича Ярославского, которому предъявляет какую-то «иную грамоту великого князя [всех Руси]», то есть московского. Выходит, Афанасий изначально заручился документами из Москвы, хотя стартовал из Твери.

Далее он пришел в Нижний Новгород, где собирался присоединиться к московскому послу в Ширван Василию Папину, который, однако, как выяснилось, уже проехал вниз по Волге. Тогда Афанасий две недели ждет из Москвы ширванского посла Хасан-бека, который идет тем же путем. С ним он начинает сплав. Значит, он заранее знал о посольском поезде, планировал к нему присоединиться и имел на это разрешение.

В районе Астрахани с экспедицией случилось несчастье. На нее напали и обобрали. Выжившие добрались до Дербента, но местный правитель помочь им не хотел: они просили средства, чтобы вернуться домой, но ничего не получили. Вынуждены были выбираться сами. Всем прежним планам, казалось бы, пришел конец. Афанасий резюмировал: «И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь; а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят». Сам он отправился в Баку, «где огонь горит неугасимый», а потом перебрался в Чапакур. В той местности, в Мазендеране, он провел восемь месяцев и только потом двинулся в сторону Персидского залива. На пути он на месяц задержался в Кашане, а потом на месяц в Язде и только весной следующего года достиг Ормуза, где тоже прожил около месяца. На этот раз путь вел его в Индию. После нескольких остановок корабль доставил его в порт Чаул – чуть южнее Бомбей (Мумбаи). Оттуда он со спутниками дошел до Джунна-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

В Нижнем
Новгороде
Афанасий
Никитин
провел
две недели

ра, где не смог продать своего жеребца и оказался впутан в странную историю с местным ханом. Хан потребовал от Афанасия признать себя мусульманином, но тот выкрутился и отправился в сторону Бидара. Там ему наконец удалось с выгодой продать коня – за безумные 100 рублей. Судя по тексту, это была главная цель и коммерческий умысел поездки. Впрочем, возвращаться в Персию сразу купец не стал.

Он обосновался в Бидаре. Это была столица могущественного государства, занимавшего центральную часть Деканского плоскогорья – Бахманийского султаната, которому противостояла Виджаянагарская империя, занимавшая всю южную оконечность полуострова Индостан. Султаны были мусульманами-шиитами, а в Виджаянагаре правили индуисты. Государства постоянно враждовали. Тем не менее Афанасий

завел друзей именно среди индуистов. И через четыре месяца даже совершил с ними далекое паломничество к индуистской святыне в городе Парват (ныне – Шрисайлам). Согласно тексту «Хожения», потом он вернулся в Бидар и засобирался на Русь.

Обратный путь у него оказался не менее сложен. Вышел он на корабле из Дабхола, но буря прибила их к африканскому берегу. Откупившись от пиратов, они вернулись к Маскату и далее прибыли в Ормуз. Через Персию Афанасий в обратном порядке направился через Шираз и Язд до Кашана, но затем к Чапакуру не пошел, а свернул к Тебризу. Через Курдистан и Турцию он выбрался к Трабзону (Трапезунду), откуда доплыл до Кафы (Феодосии). Там он опять свернул, отказавшись от пути по Дону или Волге. Смерть застала его где-то на Днепре, недалеко от Смоленска.

Дербентская
крепость –
древнейшая из
сохранившихся
в России

Возможно, одна из целей экспедиции Никитина – налаживание прямых поставок пряностей на Русь

ЗАГАДОЧНЫЕ ХОЖЕНИЯ

В литературе утвердилось мнение, что перед нами – скитания несчастного торговца, ограбленного и лишенного средств, необходимых для возвращения на родину. Он побирается в Мазендеране, где чудом добывает какую-то породистую лошадь, которую более года кормит и везет за море ради выгодной продажи. В Индии, как известно, лошадей разводить не умели, и доставлять туда скакунов было выгодно. Про другие коммерческие сделки Афанасия в Индии мы ничего не знаем. Создается впечатление, что с бизнесом у него не идет и он решает вернуться домой – на Русь, о чем и пишет свой отчет.

Из текста заметно, что записки начались в Бидаре, где тверской бродяга праздновал четвертую Пасху. Он молится и страдает: «О благоверные русские христиане! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет». У него нет книг, чтоб определять пост и Пасху. Он вынужден соблюдать мусульманские трбы, его регулярно склоняют к переходу в «бесерменство». Религиозный мотив выделен и представлен заметным фактором при принятии решений. Возможно, это отражение личного благочестия, но высказывались и иные версии.

Прежде на Руси личные записки простого купца не встречались. Для чего они? Житие? Итinerарий? Описание пути в составе «хожения» Никитина есть – даже морского до Китая. Однако там же этнография, легенды, характеристики войск султанских и Виджаянагара, красочные выезды вельмож и списки награбленного. Сложно вообразить, что все это подчинено единому замыслу. Скорее всего, речь идет о разрозненных листках, среди которых встречались и дневники, и отчеты, и путевые сводки. Беглый просмотр позволяет выделить из текста Афанасия ряд отдельных сюжетов. Так, там есть фрагменты об индуизме, о местных традициях, об одежде, о святилище Парвата и вообще о верованиях. Три раздела вообще можно опознать как отдельные сочинения: 1. Собственно «хожение» до Индии и обратно с этно-

Руины
Виджаянагара

Афанасий
Никитин
побывал
и в иранском
Кашане

графическими опусами; 2. Описание пути от Ормуза до Китая с маркетинговыми пометками; 3. Сводка о войнах Бахманийского султаната и Виджаянагарской империи с диспозициями, результатами и численностью войск. Первый рассказ исполнен личных переживаний, которые иногда даже записаны на других языках. Афанасий порой отказывается от русского и некоторые фразы фиксирует на тюрко-арабском жаргоне. Это не всегда что-то секретное, но местами – то, что, может, не следовало бы читать москвичам. Например, восклицание «увы русские князья не живут по-братьски» записано как «нечик Урсуери бегляри акай тусил». Такой полилингвизм обнаруживается только в части отчета о «хожении». Ни в «торговом итinerарии», ни в военных сводках его нет.

Недавно известный филолог Александр Григорьевич Бобров обратил внимание, что в части «торгового итinerария» перечень товаров, характерных для Каликута, очень напоминает известный на Руси рецепт церковного мира. Афанасий писал: «А рождается в нем перец, да зензебиль, да цвет, да мошкат, да калафур, да корица, да гвоздники, да пряное коренье, да адяк, да всякого кореня рождается в нем много; да все в нем дешево». Речь про перец, имбирь, мускатные цветы и орех, корицу – калафур, гвоздику, коренья пряные и адяк (вид имбиря). Здесь представлены 6 из 15 компонентов,

Храм Шри Малликарджуна
в священном городе Парват
(ныне – Шрисайлам)

отмеченных в чине мироварения у Ефросина Белозерского, современника записок Афанасия. Известно, что все они тогда закупались в Константинополе. Фактически патриарх Русской церкви имел монополию на православное миро. Возможность самим создавать ценное масло, необходимое при богослужении, должна была восприниматься как обязательное условие церковной самостоятельности и независимости. Усилия по поиску прямых поставок необходимых для этого индийских пряностей должны были быть особенно актуальными после захвата турками византийской столицы в 1453 году, а также попыток унии восточных патриархов с католической церковью. Вполне возможно, как считает Бобров, одной из целей экспедиции Афанасия был поиск именно этого набора специй. С этим могло быть связано участие в его судьбе церковных иерархов, а также содействие московской администрации.

Впрочем, как известно, Афанасий свою миссию не завершил и умер по дороге. Причем случилось это совсем не в Москве или Твери. Он вообще обходил их стороной. Возвращаясь, не стал пользоваться волжским путем из Персии и даже из Кафы смешился много западнее – в Литву. Для чего тогда отчет? Куда он его вез? И один ли это был отчет?

В Индии Афанасий представлялся как Юсуф Хорасани, то есть Юсуф из Хорасана (истори-

Не исключено, что в путешествии Никитин продавал жеребца ахалтекинской породы

В Бидаре Никитин задержался надолго, здесь же он выгодно продал своего жеребца

ческая область, занимающая северо-восток Ирана, часть Туркмении и Афганистана), хотя прямо в тексте «хождения» он о посещении Хорасана не упомянул. Он провел восемь месяцев в соседнем регионе – на севере Персии, в Мазендеране, отметил Чапакур, Сари, Амоль и Рей, но про походы восточнее не писал. Однако далее он уверенно сравнивает жару в Баку, Ормузе, Бахрейне и Хорасане: «Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг рождается, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так». В Египте Афанасий определенно не был, но вот до Бахрейна, как некоторые полагают, мог плавать. Так и Хорасан был от него некогда рядом – мог съездить. Тем более что он упоминал хорасанских скакунов, которых в Индию взял. В Джуннаре у Афанасия случился конфликт с ханом. Тот «узнал, что я не бесерменин, а русин», потребовал определиться с вероисповеданием и отобрал в залог главный товар – жеребца. Спас

положение некий хорасанец – «хозяйочи» (казначей) Мухаммед. Он вдруг – очень вовремя – объявился в городе и по просьбе Афанасия вступил за него, специально отправился на встречу с ханом по этому поводу. На хана это подействовало, и он отпустил купца с лошадью восьмовязи. Исследователи разводят руками в ответ на вопрос о причинах такой любезности Мухаммеда и такой покладистости правителя Джуннара. Ясно только, что Хорасан для тверитянина был близок не только «иппологически». Он был не просто знаком с хорасанскими купцами. Те считали необходимым оказывать ему протекцию в далекой Индии. Сложно сделать определенный вывод из этого, но, скорее всего, Афанасий вступил с хорасанцами в какое-то соглашение в то время, когда слонялся без дела на севере Персии. Возвращаясь на Русь, он предпочел обехать Мазендеран стороной. Может быть, здесь его поджидали неприятности? Или он опасался встретить тех, перед кем он принял некие обязательства пару лет назад?

В Индии он первое время вовсе не торопился домой. Более того, кажется, и торговлей там толком не занимался. Его круг общения – индуисты, с которыми он даже совершает паломничество в святилище Парвата. Бобров считает, что на этом пути он посетил Виджаянагар, а потом дошел даже до Каликута. Эти посещения не были отмечены в записках. О них можно по-

нять только из описания самих городов, которые выдают очевидца. Возможно, он не стал про них писать из-за опасения, что будет уличен в шпионаже после возвращения в мусульманский Бидар, который вел с индуистами-политеистами, то есть язычниками, непримиримую борьбу. На чьей стороне был русский разведчик? Искал спехи для московского митрополита? Шпионил для хорасанцев или работал на разведку Виджаянагара? А может, он несчастный ограбленный неудачник, вынужденный скитаться вдали от родины и обманывать торговцев, чтобы обеспечить себе пропитание?

В «Хожении» Афанасий вскользь упоминает статую Юстиниана, установленную в Константинополе, сравнивая с ней кумир Шивы в Парвате. Исследователи допускают, что Афанасий использовал этот образ не понаслышке, а бывал в византийской столице и сам видел монумент. Выходит, у него это далеко не первое дальнее путешествие. Возможно, он вообще специализировался на экстремальных предприятиях, а потому имел соответствующие связи и знал языки.

Ограбленный в низовьях Волги, Афанасий не мог вернуться в Тверь, поскольку превратился в должника – растроенный товар был куплен в складчину или вообще был чужим. Он отправился попытать счастья в Мазендеран, откуда, приобретя на неизвестные средства коня, пошел в Индию, где коня продал после заступничества случайного хорасанца Мухаммеда. Однако вернуться из Индии в Мазендеран он тоже не захотел. Позднее он старательно обойдет эту землю и отправится на Русь через Тебриз. В Индии он вроде бы закрепился в Бидаре, но посещает враждебный Виджаянагар и даже Каликут, о чем старательно умалчивает в записках. Вернувшись оттуда, он вдруг принимает решение отправиться обратно на Русь, что фиксирует письменно: с этого момента он ведет записи. Средства на путешествие у него теперь есть.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Судя по всему, Афанасий, как и большинство купцов того времени, не только увлекался торговыми операциями, но и подрабатывал шпионажем. Именно так можно объяснить наличие у него записей военно-стратегического значения, которые составлены на русском языке, но для русских князей не имели ровным счетом никакой ценности. В одном месте он буквально перечисляет все вооруженные силы Бахманийского султаната в походе на Виджаянагар – в этой части его текст пестрит цифрами:

«Султан выступил из города Бидара... С ним выехало 26 везиров – 20 бесерменских везиров

Памятник Афанасию Никитину был установлен в Твери в 1955 году

Тебриз.
Голубая мечеть

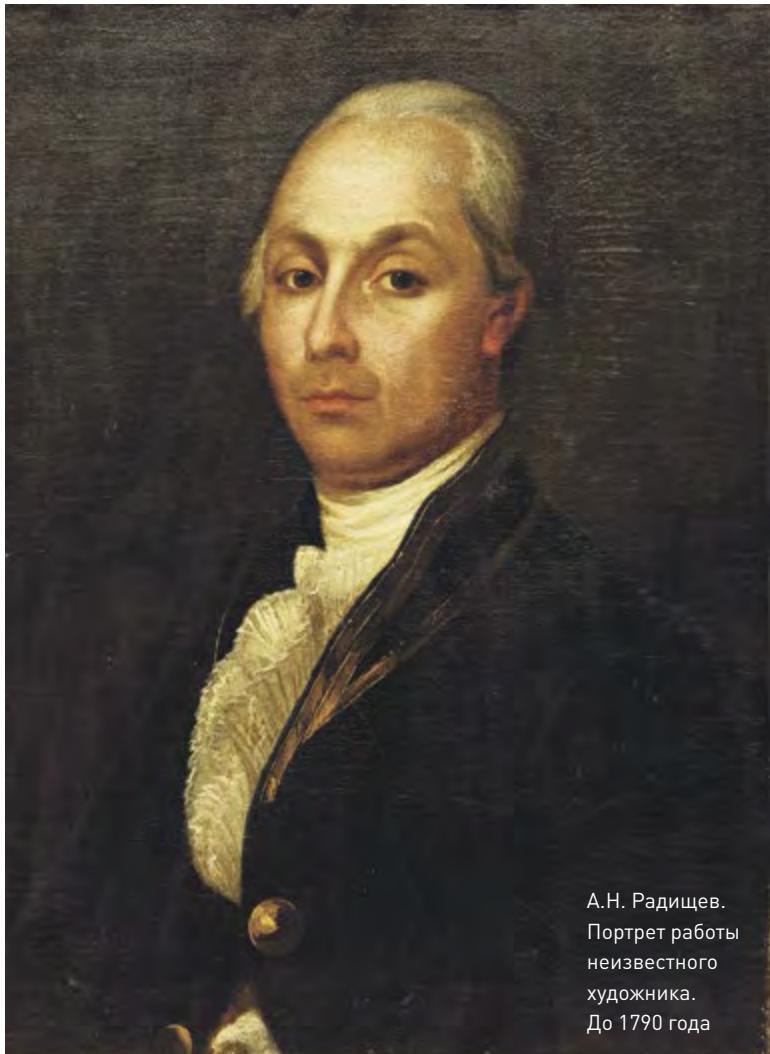

и 6 везиров индийских. Выступили... рати 100 тысяч конных людей, 200 тысяч пеших, 300 слонов с городки и в доспехах, да 100 лютых зверей на двойных цепях. А с братом султана вышло двора его 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших, да 100 слонов наряженных. А с Мал-ханом вышло двора его 20 тысяч конных, 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедер-ханом и его братом вышло 30 тысяч конных, да пеших 100 тысяч, да слонов 25... А с Султаном вышло двора его 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов...» и т.д.

Про виджаянагарского князя он пишет коротко, что с ним было рати 40 тысяч конных, 100 тысяч пеших и 40 слонов, на которых по 4 человека с пищалями.

Здесь все только на русском языке без каких-либо арабизмов и тюркизмов. Очевидно, что этого никто, кроме него, в Индии прочесть не мог. Для чего и кому нужны были эти сведения? Кто мог за них заплатить? Эти вопросы остаются без ответа.

Афанасий Никитин не нашел пресвитера Ивана и его прекрасное благоверное царство, но все увиденное старательно записал. Сейчас его записки выглядят как выдающийся документ страдания и достижения, интриги и трагедии, человечности и pragmatизма. Однако внимательное прочтение показывает, что они далеко не однородны и включают как специально подготовленный в качестве отчета дневник, так и случайно сохранившиеся листки разведданных, возможно, не востребованных. В Москву попало все, а может, и больше. Кажется, мы никогда не сможем разгадать все секреты, которые он или Василий Мамырев решили скрыть, но всего осталось уже достаточно, чтобы этот купец – разведчик или шпион, интриган или жулик, первоходец или мистификатор – почтился русским Колумбом, первым из европейцев посетившим далекие районы возведенной Индии. Блаженны держащие и святы их пути.

«НЕ МЕЧТА СИЕ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

АЛЕКСАНДРА РАДИЩЕВА НЕРДКО НАЗЫВАЮТ ПЕРВЫМ РУССКИМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ. ПРОСВЕЩЕНИЕ И ГУМАНИЗМ БЫЛИ ДЛЯ НЕГО НЕ АБСТРАКТНЫМИ ИДЕАЛАМИ, А В СОЧЕТАНИИ С ЧУВСТВОМ СОСТРАДАНИЯ КО ВСЕМ ТЕРПЯЩИМ ЛИШЕНИЯ ОНИ РАЗОЖГЛИ В ДУШЕ ПИСАТЕЛЯ И ФИЛОСОФА ТАКОЕ ПЛАМЯ, КОТОРОЕ ОН САМ НЕ МОГ ВЫНЕСТИ – СГОРЕЛ. НО ПОГУБИЛ ЕГО, КОНЕЧНО, НЕ ЖАР, С КОТОРЫМ ОН БРОСИЛСЯ ЖИВОПИСТЬ МИР, ПОЛНЫЙ ГОРЯ И ДИКОСТИ, ПРОТИВОПОСТАВЛЯЯ ЕМУ «УТОПИЧЕСКИЕ» КАРТИНЫ РАЯ НА ЗЕМЛЕ. СГУБИЛА ЕГО НЕСВОЕВРЕМЕННОСТЬ ЭТИХ ПОРЫВОВ.

НИЧЕГО ТАКОГО УЖЕ фантастического, несбыточного философ в своих трудах не описывал, он знал, что переменам, о которых он говорил, суждено случиться. В конце концов он обосновал их необходимость не только этически, но и с точки зрения развития социально-экономической системы. «Не мечта сие, – писал Александр Радищев, – но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую, я зрю сквозь целое столетие»... Описание жизни Александра Радищева относится к биографиям того вида, которые очень раздражают обывателя. Они как будто специально пишутся в жанре «И чего не жилось спокойно?». Посудите сами. Родился будущий писатель и философ в богатой знатной семье 31 августа 1749 года – в Елизаветинскую эпоху, для которой было характерно расширение привилегий дворянства, поощрение просвещенного меньшинства. Мать писателя, Фекла Аргамакова, происходила из старинного рода, принадлежавшего к передовой ученой среде. Ее близкий родственник Алексей Аргамаков был первым директором Московского университета, открывшегося в 1755 году. Отец, Николай Радищев, был богатым и очень образо-

Афанасий Прокопьевич Радищев, калужский дворянин, дед писателя. Портрет работы неизвестного художника. 1731–1734 годы

Общий вид
университета
в Лейпциге.
С гравюры
XVIII века

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ванным помещиком: он знал несколько языков, много читал, владел огромной библиотекой и окружил малолетнего сына множеством учителей. Образованием мальчика вообще озабочились очень рано. Первые представления о разных науках он получил до 7 лет, а в 1756 году его уже отправили из родового имения, что находилось в Пензенской губернии, в Москву – к дяде Михаилу Аргамакову. В доме дяди собирались профессора Московского университета, тут, как водится, горячо спорили о науках, искусствах и судьбах родины. В этой атмосфере юный Радищев вместе с двоюродными братьями и сестрами получил прекрасное домашнее образование. А еще через шесть лет был принят в Пажеский корпус. Специфика этого учебного заведения не предполагала углубленного изучения разных наук, здесь готовили придворных, а от них требовалось прежде всего изящное обхождение, умение красиво говорить, внимательно слушать, хорошо танцевать. Однако вступившая на престол Екатерина II поощряла и тягу к истинному знанию. В 1766-м Александра Радищева в числе 12 самых талантливых выпускников корпуса отправили в Лейпциг – продолжать обучение в местном университете. Государственной казне, между прочим, это обошлось в немалые деньги: на каждого выделили сначала по 800, а затем и по тысяче рублей в год.

ВО ВЛАСТИ РУССО И ГЕЛЬВЕЦИЯ

В Германии Радищев изучал логику и математику, философию, историю и право, иностранные языки и литературу. С особым жаром студенты обсуждали труды французских просветителей, спорили о естественном праве, о путях развития общества, говорили о литературе и прочих искусствах. И все это в пылу молодости, бесконечного энтузиазма, в пору, когда жизнь еще сулит столько увлекательного и прекрасного. Чего бы и в самом деле не жилось покойно и радостно Александру Радищеву, что могло заронить сомнения в его душу, начертавшие ему позже путь чуть ли не в революционеры? Немецкие учителя его хвалили, в Петербург о нем давались самые лестные характеристики, по возвращении его ждала блестящая карьера. Но с юности дарован был писателю особый дар видения реальности, не только способность судить с точки зрения собственного благополучия, но и вовсе отказаться от собственной персоной как от точки обзора действительности. В этом смысле

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Герб
дворянского рода
Аргамаковых

Х.-Ф. Геллерт (1715–1769), немецкий поэт и философ

интересно то, что главным сочинением Радищева о жизни в Лейпциге стало «Житие Федора Васильевича Ушакова» – биографическая повесть об однокурснике и друге, талантливом студенте, юном философе, человеке с обостренным чувством справедливости. Федор больше других пострадал от приставленного к студентам гофмейстера Егора Бокума. Но стычки Ушакова с гофмейстером точно рентгеном выясвили все пороки последнего. Невежество, грубость, корыстолюбие и равнодушие к вверенному ему юношеству, как это часто бывает, сочетались с ужасным самодовольствием и despoticностью. Для Радищева Бокум стал олицетворением правителя, злоупотреблявшего своим положением, а товарищ – символом борьбы за свободу. Впрочем, одними олицетворениями дело не ограничилось. Вдохновленные храбростью Ушакова, студенты в конце концов пожаловались на своего наставника родным, а те дошли до императрицы. Но – увы. Екатерина только отмахнулась: «Извольте объявить тем отцам и матерям, как почитают, что дети их в Лейпциге от Бокума столь много претерпевают, что в их воле состоит их оттуда отозвать, ибо я рушить не намерена все тамошнее мною сделанное учреждение, для того, что мне от него более беспокойства, нежели пользы. Я трачу 15 000, а принимаю негодование...

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Житие Федора
Васильевича
Ушакова
(С.-Пб., 1789).
Титульный лист

На гофмейстере проблемы, по мнению Радищева, не заканчивались. Он вспоминал, что студенты из всего университета выделяли лишь двух преподавателей: поэта Геллерта и профессора философии Платнера. Остальные отталкивали молодежь своим педантизмом, черствостью и неоригинальностью. Любопытно, что схожие оценки лейпцигским преподавателям давал и учившийся в университете в те же самые годы Гёте. Отец «Фауста» признавался, что, скучая на лекциях по праву, рисовал на полях тетради упоминаемых в лекциях лиц в смешных париках и нарядах, развлекая этими шутками своих соседей. А позже таким же неслестным мнением о немецких ученых мужах поделился и Фонвизин. «Иные из них почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему однако же во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь на небеса, не смысят ничего, что делается на земле... Словом, — Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не рождает разума», — писал драматург в письме графу Панину.

В общем, мыслить и чувствовать, рассуждать об устройстве общества Радищев учился не на лекциях, а после — за книгами. Будущий философ с увлечением штудировал Руссо, Мабли, Рейналя, Гольбаха, Вольтера, Монтескье, Лейбница, Гельвеция. К слову, книгу последнего, запрещенную сразу же, как только она вышла, за «мерзкоучение, стремящееся нарушить основы христианской веры», передал студентам некий русский офицер, бывший в Лейпциге проездом. Труды просветителей заставили Радищева задуматься о том, а как, собственно, дела обстоят на его родине; о том, из чего, из какой неправды растут противоречия России; как блестящая жизнь при дворе, с ее балами, маскарадами, транжирством, сочетается с задавленным состоянием крестьянства, бесправием мелкого городского люда.

Екатерина II
и Дидро.
Раскрашенная
гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Екатерина II еще только входила в силу, примеряла роль либеральной и просвещенной правительницы, заигрывала с европейскими писателями и философами. Дидро, подвергавшемуся нападкам во Франции за издание «Энциклопедии», она предложила издать ее в России. Д'Аламбера она приглашала стать воспитателем наследника русского престола. Руссо звала в гости в Гатчину. В переписке с Вольтером делилась идеями самых смелых реформ. И тот искренне этому удивлялся. «Франция преследует философию, а Скифы ей покровительствуют!» — делился он своими мыслями с Дидро.

Однако пока Европа дивилась, немногочисленная русская просвещенная публика, читавшая и Руссо, и Вольтера, не могла не испытывать замешательства от двойственной реальности. Ведь в то же самое время, пока Екатерина II воспевала свободу, признавалась в любви к философии, она продолжала политику своих предшественников по закабалению крестьянства, практиковала фаворитизм и запрещала к широкому распространению те труды европейских мыслителей, которыми сама же зачитывалась и восхищалась. В Радищеве, человеке в высшей степени впечатлительном и пылком, эти противоречия не могли не вызвать страстного протesta. Во что-то это душевное смятение должно было оформиться.

Сатирический
журнал
«Трутень»,
издаваемый
Н.И. Новиковым
в 1769–1770 годах.
Обложка

Паспорт,
выданный
Радищеву
для проезда
к родным
27 января
1772 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЛУЖИТЬ БЫ РАД...

В Россию Александр Радищев вернулся в ноябре 1771 года. В это время Россия была измочана войной с Турцией, московскими чумными бунтами, бедностью крестьянства. Обещанные преобразования в этих условиях отодвигались в неопределенное будущее. Законодательная комиссия 1767 года, назначенная Екатериной для выработки новых законов, кажется, играла роль чисто декоративную. Искусства, философия поощрялись только на словах, появлявшиеся сразу оказались под угрозой закрытия (и многие в конце концов были закрыты). В таких обстоятельствах Радищев приступил к государственной службе.

Сначала он устроился протоколистом в Сенат под начальство генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского. Это была возможность понять, как устроено русское право не в теории, а на практике. Открывшееся поразило молодого чиновника, ведь «узрел» он «согбенные разумы и души, и самую мерзость». В Сенате Радищев познакомился с делами о злоупотреблениях помещиков. Одну дворянку за убийство крепостной всего лишь сослали на год в женский монастырь. Другую за доведение до самоубийства своей служанки приворили только к шести неделям покаяния. Третью за истязание дворовой поначалу прибавили к покаянию месяц заключения, но императрица пожалела «несчастную» и отправила ее к мужу. Совсем не так снисходительна была власть по отношению к народу. Когда на Олонецких заводах взбунтовались крестьяне, которых заставляли работать на пре-

деле сил, против них отправили полковника князя Урусова, усмиравшего окаймленных «мелким ружьем и пушкой».

Еще с начала 1770-х годов Александр Радищев пробует себя в литературе. Сблизившись с издателем Николаем Ивановичем Новиковым, в 1773 году он взялся за перевод трудов французского социального философа Мабли. Причем Радищев выступил не только в качестве переводчика, но и комментатора, практически соавтора. В книге «Размышления о греческой истории» он высказал и некоторые свои мысли относительно справедливого человеческого устройства. В частности, в примечаниях он писал, что «неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».

Еще ранее в издаваемом тем же Новиковым журнале «Живописец» вышло анонимное сочинение под названием «Отрывок путешествия в ***», которое многие исследователи приписывают Радищеву. Фрагмент этот описывает жизнь крепостных деревни Разоренной. «Не пропускал я ни одного селения, чтобы не спрашивать о причинах бедности крестьянской, и, слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами были тому виной, — писал автор, скрывавшийся под инициалами И.Т. — О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе людьми. О блаженная добродетель и любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к людям! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подных душ: истина первом моим руководствует!»

Литературоведы так и не договорились, можно ли считать истинным автором этого произведения Радищева. Сам писатель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не оставил свидетельств в свою пользу, поскольку позже, будучи под следствием, он старался не распространяться даже о том, как долго и с каким тщанием работал он над главным своим «Путешествием».

Была причина не раскрываться начинающему литератору и задолго до настоящей опалы. «Путешествие», вышедшее в «Живописце», наделало много шума, Новикову пришлось объясняться перед чиновниками, Радищев же сам служил, и он не только не мог, но тогда еще и не хотел оставить совсем службы. Не одни ведь только «согбенные души» его окружали. Особенно после того, как он ушел из Сената и стал трудиться обер-аудитором при штабе генерал-аншефа Брюса.

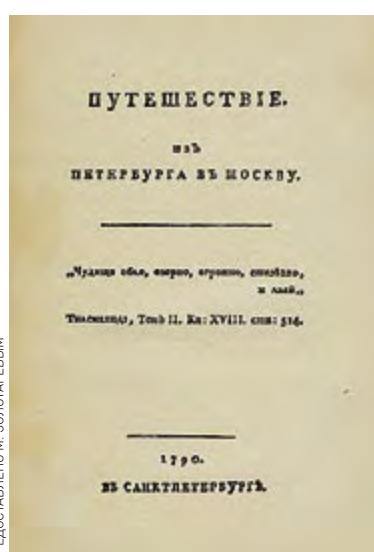
«Служба сия была самая приятная эпоха в жизни Александра Николаевича, — вспоминал сын писателя Николай Радищев. — Быв любим своим начальни-

Г.-Х. Гейслер.
Наказание
плетью.
Гравюра.
1805 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сатирический журнал «Живописец», издаваемый Н.И. Новиковым в 1772-1773 годах. Обложка

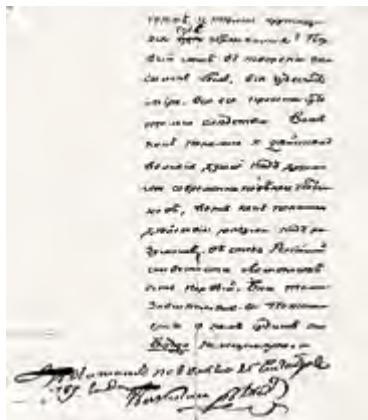

Путешествие из Петербурга в Москву (С.-Пб., 1790). Титульный лист

ком, он, посредством его, сделался вхож в лучшие петербургские общества; вкус его образовался, и он получил ловкость и приятность в обхождении. Хотя в то время молодые светские люди мало занимались русским языком, но Александр Николаевич не придерживался вредного сего отвращения; он с самой молодости любил свое отчество, а любя его, можно ли было пренебрегать языком своей родины? Служба у Брюса позволила Радищеву закрепиться в самых высоких литературных кругах столицы. При этом сам он еще не был вполне уверен в силе своего таланта. Как вспоминал Радищев позже, в середине 1770-х он «более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал и книг церковных, следя совету Ломоносова, ибо, имея малое знание в российском письме, старался приобрести достаточные в оном сведения, дабы в состоянии быть управлять пером...».

«ВЗГЛЯНУЛ ОКРЕСТ МЕНЯ»

А вот с 1780 года, одновременно трудясь на Санкт-Петербургской таможне, Радищев уже много работает над знаменитым «Путешествием из Петербурга в Москву». «Путешествие» — весть, конечно, невероятная. Странен уже сам язык — не только архаичный даже для XVIII века, но и как-то сознательно изломанный. Поразительно, какое в эту форму вложено содержание. Проблематика, в отличие от стилистики, напротив, опережает время. Непонятен жанр — это ведь никакие не путевые заметки, приправленные социальной критикой и разросшиеся до невероятных размеров, это смесь философского трактата с библейским откровением. И удивителен образ рассказчика — крепостник, хоть и смягчившийся нравом благодаря идеям просветителей, но все же вполне еще сын своего времени и среды, еще готовый в сердцах «сделать преступление на спине комиссарской», поскольку «примеры властовования суть заразительны». Известно вступление. «Взглянул окрест меня — душа моя страда-

Факсимиле
страницы рукописи
«Путешествия»
А.Н. Радищева

ниями человечества уязвленна стала» – самая цитируемая, на-верное, фраза из произведения. Для многих – единственная известная. В школе что-то такое прозвучало с учительским при-дыханием, врезалось в память, остальное вылетело. Да и что было там остального – невнят-ный краткий (очень краткий) пе-реказ о том, как бесконечно и на разные лады мучились крепост-ные. Не самый искушенный чи-татель, если очень поднатужит-ся, может вспомнить, что о труде этом весьма противоречиво от-зывался Пушкин. С одной сто-роны, Александр Сергеевич чуть было не написал в «Памятнике»: «Вослед Радищеву восславил я свободу», но потом передумал и отредактировал. С другой – на-звал «Путешествие из Петербурга в Москву» произведением по-средственным, наполненным «жеманными порывами чувстви-тельности» и написанным «вар-варским слогом».

Читать «Путешествие из Петер-бурга в Москву» действительно чрезвычайно трудно. Но едва ли стилистика его – результат плохого владения пером. Пре-жде всего язык в тексте очень неровный. Бытовые сцены, на-пример, описаны просто и ясно, повествование строится живо, не без иронии, в диалогах мно-жество метких выражений. Но стоит только автору пуститься в философские рассуждения, как

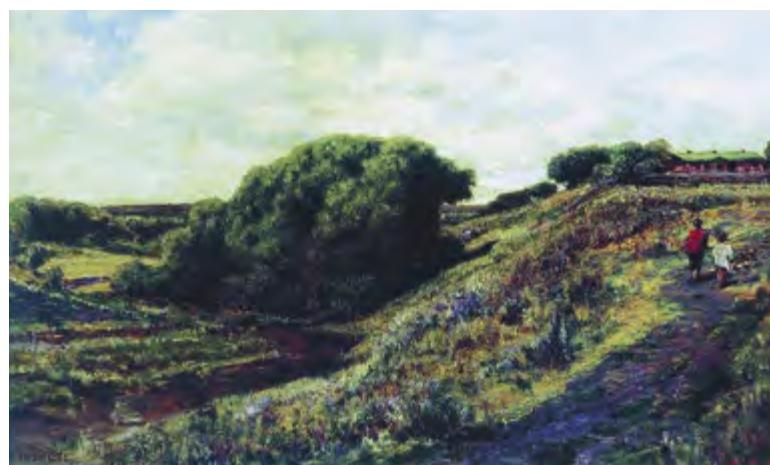
Крестьяне,
работающие
на помещика.
Гравюра
XVIII века

слог становится чрезвычайно возвышенным, патетичным и совершенно неудобоваримым. Сам Радищев впоследствии за-являл, что прием смешения сти-лей он использовал намеренно. Насколько хорошо ему это уда-лось – другой вопрос. Есть все же в тексте такие фрагменты, кото-рые больше походят на продукт двойного машинного перевода. Но, что поразительно, опреде-ленную функцию эти отрывки выполняют.

Написанные словно нечеловеческой рукой, они погружают в такую же странную, оторван-ную от земли и от всего бренно-го реальность, где слово переста-ет быть словом, превращаясь в чистое звучание и голое чувство. Изломанный, измученный язык здесь является следствием невоз-можности описать тот водоворот чувств, что охватывает человека, находящегося будто бы на грани-це разных миров. Взять хотя бы главу, где путешественник по-гружается в сон, и снится ему, что он «царь, шах, хан, король,

бей», и разворачиваются перед ним картины, полные безумия, которые есть плоды его неогра-ниченной власти. И чем дальше, тем больше испытывает рассказ-чик и ужас, и отчаяние положе-ния своего. В таких главах Ра-дищев выступает не просто как философ, но как предштевен-ник экзистенциализма, языка для которого еще как будто не существовало.

Но и этим не исчерпывается сложность и новаторство «Путе-шествия». В труде своем Радищев описывает русскую действитель-ность во всех ее непростых вза-имосвязях, не только как худож-ник, философ, гуманист, но и как экономист, социолог, юрист. Он не просто живописует страдания крестьянства, он доказывает, что они бессмысленны, более того, вредны для всех, что устройство общества на иных хозяйствен-но-имущественных принципах не только этично, но и полезно. Ра-дищев не просто пишет, как это ужасно, когда крестьяне отраба-тывают барщину шесть дней в неделью, трудясь с рассвета и до-темна, он доказывает, что такое грубое использование произво-дительных сил нерационально, что люди работают в таких ус-ловиях плохо, зато продуктивно они работают на себя. Радищев в «Путешествии» пишет не только о проблемах крепост-ничества и феодальной собствен-ности, но и об аграрных отно-шениях и их экономической составляющей вообще, пишет о внутренней и внешней торговле, о пошлинах и ценах, о кре-

Аблязово.
Радищевская
усадьба. Овраг.
1887 год.
Художник –
А.П. Боголюбов,
внук
А.Н. Радищева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дитах и процентах, о налогах, о перспективах мелкой промышленности, о бюрократии, которая мешает частной инициативе. Одна беда – все эти измышления серьезно опережали время, в котором жил автор, тогда все это казалось утопичным и возмутительным. Решение, которое виделось Радищеву наиболее приемлемым – отказ от крепостного права, освобождение крестьян с землей, – казалось в XVIII веке безумным. А ведь и эту мысль развернул философ, указав, что если власть не захочет устраниить разрыв между господами и закабаленным народом добровольно, то последние вправе будут применить силу. «Если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство?» – вопрошают Радищев.

«БУНТОВЩИК ХУЖЕ ПУГАЧЕВА»

Кто мог такое опубликовать в конце XVIII столетия? Опубликовать и распространить не в подполье, не через сеть тайных обществ, а пустить в продажу. Опубликовать, не озабочившись путями отступления в случае разоблачения. Сумасшедший? Александр Николаевич безумцем не был, но все же он на это сумасбродство решился. В 1790 году он напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву» в собственной типографии тиражом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

650 экземпляров. Отпечатанные экземпляры, понадеявшись на то, что цензоры не будут вчитываться и примут сочинение за сентиментальное путешествие, Радищев пущил в продажу. Надежды его оправдались, книга нашла своего читателя. В том числе читателя на самом верху. «Путешествие» прочитала Екатерина II. И пришла в бешенство. «Бунтовщик хуже Пугачева», – отозвалась она об авторе. И ведь не сильно ошибалась. Пугачев не думал особенно менять устоявшийся в России уклад, он действовал в сложившейся парадигме самодержавия, ведь и выдавал он себя за законного царя Петра III. Радищев, сам того не осознавая, и правда мыслил как революционер. Нет, он не меч-

А.Н. Радищев.
Портрет работы
неизвестного
русского
художника.
Конец XVIII века

тал поднять восстание, но идеи его были, мягко говоря, черезчур прогрессивными.

Разумеется, Радищева быстро разоблачили. Почти весь тираж книги уничтожили, автора судили. Сначала приговорили к смертной казни, но «по милосердию» казнь заменили на десятилетнюю ссылку в Сибирь. В сентябре 1790 года Радищев отправился в Илимский острог.

Ссылку, впрочем, писатель отбыл не до конца, хотя успел в ней написать огромный философский труд «О человеке, его смертности и бессмертии». Опала закончилась с воцарением Павла I. Причем действовал новый император, кажется, не только назло матери, узурпировавшей, по его мысли, власть, он еще и воплотил в жизнь кое-какие идеи Радищева. Например, он заменил шестидневную барщину на трехдневную, запретил продавать крестьян без земли и дробить их семьи, а также, что было совсем уж чудно, признал крестьян гражданами и приказал приводить их к присяге.

Еще ласковее отнесся к Радищеву император Александр I. В его правление Александр Николаевич был призван в Петербург и назначен членом Комиссии по составлению законов для работы над конституционным проектом. На этом поприще Радищев вновь увлекся мечтами, стал отстаивать идеи уничтожения крепостного права и сословных привилегий, выступал за свободу печати. Ему пригрозили новой ссылкой. Этого Александра Николаевича не пережил.

По одной из версий, в ночь на 24 сентября 1802 года, находясь в состоянии крайнего отчаяния, Радищев принял яд. По другой, более вероятной, писатель случайно выпил стакан со смесью, приготовленной сыном для выжиги старых эполет. Его пытались спасти. Император прислал в дом писателя личного лекаря. Но помочь философу не успели. Александра Николаевича Радищева похоронили на Волковском кладбище вблизи Воскресенской церкви.

Илимск.
Рисунок Павла,
сына Радищева

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

19 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА ОКОЛО ТЫСЯЧИ ПЕЧАТНИКОВ, ЖУРНАЛИСТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СОБРАЛИСЬ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ – В ТОТ ДЕНЬ С ПОМПОЙ И РАЗМАХОМ ОТМЕЧАЛИ 50 ЛЕТ РАБОТЫ В КНИЖНОМ ДЕЛЕ КРУПНЕЙШЕГО В РОССИИ ИЗДАТЕЛЯ – СЫТИНА. ЭТА ДАТА СТАНЕТ ВЕНЦОМ КАРЬЕРЫ КУПЦА-МИЛЛИОНЕРА. НО УЖЕ СОВСЕМ СКОРО ВИХРЬ РЕВОЛЮЦИИ СМЕТЕТ ВСЮ СЫТИНСКУЮ ИЗДАТЕЛЬСКУЮ ИМПЕРИЮ, А НА СТАНКАХ ЕГО «РУССКОГО СЛОВА» НАЧНУТ ПЕЧАТАТЬСЯ «ИЗВЕСТИЯ».

Отправление в школу. Лист из альбома с литографиями

Делу просвещения служили
и научно-популярные издания

KРУПНЕЙШИЙ ИЗДА-
ТЕЛЬСКИЙ бизнес, луч-
шие печатные маши-
ны, самая массовая
газета в стране... Известные
писатели считали большой уда-
чей публиковать свои книги у
Ивана Дмитриевича Сытина.
И не без оснований: тиражи его
изданий расходились по всей
России.

Делом своей жизни книготорговец – по рождению крестьянин, а после 1894 года купец второй гильдии – считал не накопление богатств, а распространение знаний среди самого бедного населения страны.

ТОЛСТОЙ ЗА КОПЕЙКУ

По словам Сытина, более всего в этом ему помогло сотрудничество с толстовским просветительским издательством «Посредник». Лев Николаевич, в отличие от большинства писателей «большого света», нередко заглядывал на мужицкий Никольский рынок. Он еще с купцом Петром Николаевичем Шараповым обсуждал, как можно было бы приобщить крестьян к хорошей литературе. Его впечатляло, насколько широко простой лубок расходился по стране и как хорошо книгоноши справлялись со своим делом. Оставалось лишь предло-

жить людям столь же дешевую, но уже более качественную и полезную книгу – что, впрочем, до сих пор особого успеха не имело. Мужик «барские» морали и нравоучения читать не хотел, тем более что многие из них напоминали ему синодальные листовки, распространяемые церковью.

В 1913 году журнал «Вокруг света» выходил с собранием сочинений Толстого в качестве приложений

Толстой решил предложить сотрудничество лидеру книжного рынка. Ближайший помощник писателя и его доверенное лицо, Владимир Григорьевич Чертков, в 1884 году обращается к Сытину с предложением запустить серию книг для народа. Сытин, как и следовало ожидать, моментально загорается идеей. Замысел оказался плодотворным: с 1885 по 1910 год в издательстве «Посредник» было выпущено 1200 просветительских книг. «Посредник» получал все права на издания, за ним же оставалась корректура и подготовка текстов к печати. За счет того, что многие писатели и художники-иллюстраторы добровольно отказывались от гонорара, себестоимость снижалась и книги «Посредника» можно было продавать по цене лубочных — за 1–2 копейки. А распространялись они через «Товарищество» Сытина. Иван Дмитриевич тоже работал без прибыли. Не все книги «Посредника» продавались хорошо: душеспасительную и нравоучительную литературу народ по-прежнему не покупал — куда охотнее брали художественные рассказы писателей о крестьянской жизни, беллетристику, познавательные и научно-популярные брошюры, а позже и переводы зарубежных класси-

ков, таких как Виктор Гюго, Анатоль Франс или Эмиль Золя. Сотрудничая с «Посредником» и отлученным от церкви Толстым, Сытин сильно рисковал. Неоднократно его приглашал на беседу обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев. Интересовался серией и Цензурный комитет, пропускавший книги с большой осторожностью. Сытин согласился сократить количество изданий, но связей со Львом Николаевичем не прерывал. После смерти писателя и сложного торга с другими издательствами именно Сытин получает право на печать полного собрания сочинений Толстого в дорогом и дешевом вариантах. Щедрого сытинского гонорара в 300 тысяч рублей наследникам Толстого хватило на выкуп у вдовы писателя яснополянских земель, ставших, как и было велено старцем, собственностью местных крестьян. По слухам, Сытин, не без оснований считавший, что с Софьей Андреевной, не получившей прав на произведения мужа, обошлись несправедливо, из собственных средств заплатил графине 100 тысяч дополнительно.

Помимо Толстого Сытин общался и заключал контракты с немалым числом своих современников, ставших классиками русской литературы: у него печатались Николай Семенович Лесков, Владимир Галактионович Короленко, Александр Иванович Куприн, Валерий Яковлевич Брюсов, Александр Александрович Блок, Дмитрий Сергеевич Мережковский, Леонид Николаевич Андреев, Всеволод Михайлович Гаршин и многие другие. У Максима Горького, к которому книготорговец относился с большим уважением, Сытин даже гостил в особняке на итальянском острове Капри. А поэт Сергей Александрович Есенин, прийдя в издательство никому не известным сыном рядового московского приказчика, начал работать подчтчиком в корректорском отделе, а после под псевдонимом Аристон дебютировал в печати в детском сытин-

А.В. Моравов написал парный портрет четы Сытиных, изображение Евдокии Ивановны хранится в Музее-квартире И.Д. Сытина

Сын Василий Иванович с семьей

ском журнале «Мирок» со стихами «Береза», «Порош», «Село». Коммуникабельный книготорговец активно налаживал связи, общался с людьми всякого достатка и сословия, много ездил по России и, по словам своего работника А.М. Мотылькова, ночевал в вагоне поезда чаще, чем у себя дома. Семейные дела и воспитание детей полностью

находились в ведении его супруги Евдокии Ивановны. А Сытин занимался делами и встречался с влиятельными лицами, в том числе с Сергеем Юльевичем Вите, Петром Аркадьевичем Столыпиным, Григорием Ефимовичем Распутиным, Петром Алексеевичем Кропоткиным. И даже с императором Николаем II и Владимиром Ильичом Лениным.

ПО ЗАВЕТАМ ЧЕХОВА

Но, наверное, больше всего Иван Дмитриевич гордился своим знакомством с Антоном Павловичем Чеховым, которое за десять лет переросло в крепкую дружбу. «Все, что он мне предлагал, советовал и говорил, для меня было священно», – признавался Сытин. Охотно начав сотрудничать с «Посредником», писатель быстро разочаровался в слишком долгой подготовке публикаций к печати и в редакторских правках Черткова. Чехов то был недоволен корректурой (как в случае с рассказом «Жена»), то жаловался на качество оформления книги (как со знаме-

нитой «Палатой №6»). Параллельно писатель печатался и у других крупных издателей: Алексея Суворина, Максима Горького, Адольфа Маркса. Последнему в конце концов в 1899 году за 75 тысяч рублей он решил передать права на все свои имеющиеся произведения и те, что будут написаны в следующие двадцать лет. Жить Чехову, правда, оставалось всего пять лет. К слову, в том же, 1904 году умер и Маркс, а Сытин в 1916-м выкупил у его наследников контрольный пакет акций, в том числе право на издание популярного журнала «Нива» с приложениями.

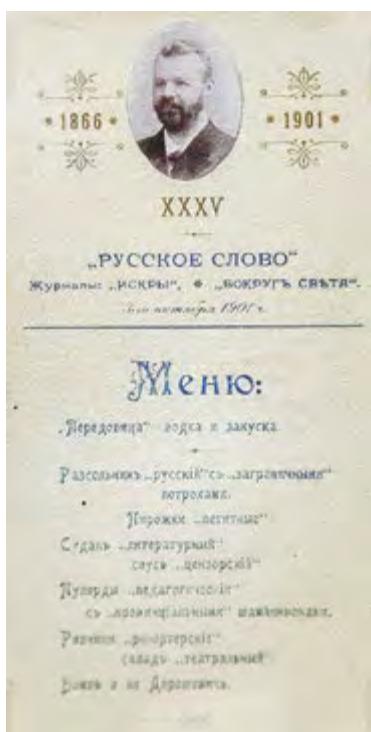
Чехов, хоть и связанный обязательствами с другим издателем, продолжал по-дружески общаться с Сытиным, а еще то и дело, как сам говорил, «насиловал его газетой»: писатель считал, что именно Сытину неизменно нужно начать печатать народную газету. Чехов был уверен, что миллионер, помимо того что будет значительно экономить на рекламе своей продукции, может собрать вокруг себя талантливых людей, способных сделать издание лучшим в стране. После нескольких отказов, которые Чехов не принимал, Сытин все же решился: в 1895 году он начал выпуск своего «Русского слова».

Чтобы получить разрешение на печать, пришлось пойти на поклон к Победоносцеву, заручившись поддержкой его хорошего знакомого – Анатолия Александрова. Он же назначался главным редактором. Сытину не нравился ни хамоватый и верноподданнический стиль Александрова, ни подобранная им редакция, но приходилось терпеть. Через два года Александрову надоело играть в газету, и он полностью отдал ее на откуп Сытину. С 1901 года главным редактором издания был зять Сытина – врач Федор Иванович Благов. Но издатель задумал переманить к себе «короля фельетонов» – Власа Михайловича Дорошевича, одного из самых модных в те годы жур-

налистов Петербурга. Дорошевич поначалу отказывался, считая, что его услуги стоят слишком дорого, но Сытин постоянно повышал ставки. Добиться желаемого издателю помог случай: в 1901 году в газете

Поздравление
Сытина
от журнала
«Юная Россия»
с 50-летним
юбилеем работы
с книгой

Шуточное меню
на праздновании
35-летия
издательской
деятельности
Сытина

«Россия», в которой работал Дорошевич, разразился скандал из-за публикации желчной и хлесткой сатиры на царскую семью – фельетона «Господа Обмановы». Автора статьи – Александра Валентиновича Амфитеатрова – сослали в Минусинск, газета была закрыта, а Дорошевич остался без работы. И за баснословный гонорар (20 процентов от чистой прибыли издания), а также гарантию полного карт-бланша в редакции принял предложение Сытина. В очередной раз расчет Ивана Дмитриевича оправдался: за последующие пятнадцать лет тираж «Русского слова» вырос в 10 раз и перед революцией перешел миллионный рубеж. Дорошевич привел с собой талантливую команду, включая Владимира Алексеевича Гиляровского, прозванного «королем репортажа». Кроме того, Дорошевич потребовал круглогодичного доступа к телефонной линии и расширил сеть российских и зарубежных корреспондентов – одних военкоров насчитывалось 20, среди них был родной брат основателя Московского Художественного театра Василий Иванович Немирович-Данченко, присылавший репортажи из самых опасных мест, в том числе с полей сражений Русско-японской и Первой мировой войны.

Для своей газеты Сытин строит новое здание на Тверской улице, где селится и сам вместе с семьей; типографию оснащают современными наборными машинами и новейшими печатными станками. Газета действительно стала самой масовой, народной и доступной. «Русское слово» читало и правительство, и рабочий класс. Постепенно газета все больше брала левый крен, однако в ней публиковались и откровенно ура-патриотические материалы. Взять хотя бы статью Дорошевича о добродетелях и успехах правящей династии, вышедшей в декабре 1913 года в юбилейном номере к 300-летию дома Романовых.

ЗАМАРАН ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Печатники, работавшие на предприятиях Сытина, по большей части отличались прогрессивными настроениями. Самого книгоиздателя, по словам Дорожевича, в правительстве давно считали «замаранным либерализмом», а два его сына открыто симпатизировали революционерам. В начале XX века над «Товариществом» стали сгущаться тучи.

Сам Иван Дмитриевич при этом пытался лавировать между различными партиями и определенной позиции не занимал. Однако именно его рабочие то и дело устраивали забастовки и стачки, а в 1905 году стали одними из активных участников восстания. Пострадал и Сытин: его сын Василий угодил в Бутырку, а обнесенная баррикадами типография на Пятницкой, ставшая центром революционного Замоскворечья, вместе со всем оборудованием, готовой продукцией и огромной хозяйствской коллекцией старинных гравюр сгорела дотла. Сытин, а вслед за ним и советские исследователи, полагали, что здание в отместку взбунтовавшимся рабочим и хозяину типографии подожгли по указу люди московского грандочальнико Георгия Петровича фон Медема и отгоняли всех, кто пытался тушить огонь. Однако показания свидетелей расходятся, а сам купец, опасаясь за жизнь, скрылся в Петербурге. Впрочем, после пожара интерес к его персоне только вырос, это сделало большую рекламу «Товариществу» – и уже через год Сытин на пепелище отстраивает типографию заново, еще больше осовременив ее.

Пожар в типографии был не единственной крупной финансовой неудачей купца. На рубеже веков бумагу книгоиздателям приходилось закупать в Европе; по подсчетам Сытина, все имеющиеся в России небольшие бумажные фабрики, вместе взятые, не смогли бы обеспечить даже его «Товарищество». А ведь природные условия и богатые леса севера страны теоретически могли бы позволить наладить и отече-

Советская
делегация
деятелей
культуры
в Нью-Йорке.
1924 год

Трудовая книжка
Сытина. 1920 год

ственное производство. Долгие годы Сытин мечтал основать собственный крупный бумажный комбинат. В Карелии, на реке Кемь, он нашел окруженный лесами подходящий водопад мощностью 20 тысяч лошадиных сил, специалисты составили план строительства фабрики, но оценили объем первоначальных инвестиций в 9 миллионов рублей – такую сумму Сытину в одиночку было не потянуть. Тогда он обратился к богатейшему немецкому промышленнику Гуго Стиннесу, тот идею оценил очень высоко, но от участия отказался. Тогда в 1913 году Сытин решил приобрести и расширить фабрику в Петербурге, нашел партнеров, но и в этот раз не обошлось без проблем. Новые пайщики, сговорившись за спиной купца,

в ходе финансовых манипуляций с продажи лесных угодий по завышенным ценам выгадали более 600 тысяч рублей. Сытин был чрезвычайно оскорблен.

Не удалось Сытину осуществить и замысел строительства Дома книги в Лужниках. Купец мечтал перевести туда свои типографии и склады, построить масштабный печатный комбинат, открыть при нем и учебный корпус, а напротив, на Воробьевых горах, организовать общежитие для рабочих фабрики.

Но с началом Первой мировой войны все эти планы оказались несвоевременны. Уходит на фронт и в 1915 году умирает от воспаления легких сын Сытина Владимир. Свою подмосковную усадьбу Берсеневку купец переоборудует под военный госпиталь. «Товарищество» активно включается в издание книг о войне, начинает выпускать многочисленные лубочные карикатуры, высмеивающие врага. «Русское слово» прирастает читателями, но работа редакции осложняется введением военной цензуры: чтобы противник не узнал лишнего, военные репортажи запрещено было печатать до публикации официальных сводок правительства. В этот раз через угольное ушко цензуры удалось проскочить, и газета обеспечила себе еще несколько лет жизни.

ОТДАТЬ ВСЕ

Печатная империя Ивана Дмитриевича Сытина рухнула в революционный 1917 год. 19 февраля, в день освобождения крестьян от крепостного права, купец торжественно отметил 50-летний юбилей работы в книжном деле. Уже тогда он предчувствовал неминуемые перемены и, как вспоминал писатель Николай Дмитриевич Телешов, говорил, что «пришел в Москву голым и уйду голым». Он даже собирался уйти в монастырь.

Всего через пару недель после торжества произошла Февральская революция. А в октябре, после прихода к власти большевиков, одним из первых документов Совета народных комиссаров становится Декрет о печати. Отныне типография на Тверской, где печаталось «Русское слово», переходила в ведение государства, сама газета закрывалась, вместо нее правительством начали издаваться «Известия», а партией большевиков – «Правда». Остальные предприятия «Товарищества» также были национализированы.

Воссозданная обстановка кабинета в Музей-квартире И.Д. Сытина

Не дожидаясь, пока власти за него примутся всерьез, Сытин отправляется в Петроград – на аудиенцию к Ленину. Владимир Ильич понимал, что большевики нуждаются в широком распространении своих идей и массовая печать могла бы стать мощнейшим инструментом для этого. А Сытин, как никто другой знавший книжное дело, мог бы пригодиться. К тому же он самшел на контакт, соглашаясь на сотрудничество в любом виде. Ленин гарантировал Сытину и его семье безопасность и пообещал не лишать его жилья. Вот только многочисленным домочадцам пришлось потесниться: их бывший особняк на Тверской отводился редакции газеты «Правда», семья Сытина теперь жила во флигеле во дворе дома. Иван Дмитриевич без зарплаты стал работать на своей бывшей фабрике в Замоскворечье. В автобиографии «Жизнь для книги», опубликованной в советское время, Сытин пишет,

Мемориальная квартира находится в подъезде обычного дома на Тверской улице

Трость старика Сытина поражала своей высотой

что уже в скором времени национализированные типографии работали в прежнем темпе, производство восстановилось. Он, конечно, лукавит: на самом деле производительность серьезно упала, многие рабочие не поддержали новую власть и ушли, а сменившие их не смогли быстро влиться в процесс. Сытинская типография пришла в упадок, бумага и детали печатных машин постоянно терялись и пропадали неизвестно куда. На фоне неразберихи в столь важном печатном деле власти решают объединить мощности бывших частных предприятий, создав Государственное издательство. Ленин рассматривал кандидатуру Сытина на пост главы Госиздата и советовался по этому поводу с Горьким, но в конечном счете руководителем стал Вацлав Вацлавович Боровский. Сытина назначают его консультантом – теперь не он решает, что и в каком объеме печатать, а ему дают указания. Времена изменились, даже лубочная литература ушла в прошлое: в 1919 году власти запрещают ее распространение и изымают со складов отпечатанные остатки. Хотя... те же советские «Окна РОСТА», например, пусть и сильно отличались стилистически, но переняли от народного лубка очень многое.

Интерьер
гостиной
дома-музея

Удостоверение
персонального
пенсионера

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР

Иван Дмитриевич хотел быть полезен новой власти. Но даже в годы НЭПа большевики продолжали жестко контролировать сферу печати. Совнарком передал в управление Госиздата все запасы бумаги, но ее катастрофически не хватало. Переживая о хроническом дефиците бумаги в стране, Сытин предоставил Ленину свой старый проект по строительству фабрики в Карелии. Его доктореволюционный замысел оценили, и по заданию Высшего совета народного хозяйства Сытина командировали в Берлин – договариваться о концессии все с тем же Стингнесом. В Германии, где жили и сын Сытина Петр, экс-миллионер неоднократно встречался с такими же потерявшими все российскими фабрикантами, искренне недоумевающими, почему он не

решился эмигрировать и не попытался спасти свои капиталы. В Карелию прибыл немецкий инженер, который проверил расчеты, оценил местность и перспективы – за годы войны от Петрозаводска до Мурманска провели железную дорогу, и это должно было еще больше убедить фабрикантов в выгоде инвестиций. Однако концессия не состоялась, из Германии пришел отказ: фирма все-таки посчитала проект нерентабельным.

Неудачи преследуют пожилого Сытина: не находит успеха выставка-продажа картин русских художников в США, курировать которую его отправили в 1924-м. В том же году умирает жена Евдокия Ивановна, что буквально выбивает Ивана Дмитриевича из колеи. В 1927-м за участие в подготовке сборника политических биографий «Возрождение» его старшего сына, Николая, ссылают в Томск – оказалось, в список включили людей, неожиданно ставших неугодными властям. Ко всему прочему, семью Сытина попросили освободить занимаемое жилье и переселили в дом на Тверской улице по другую сторону Страстного монастыря, который снесут в 1937 году (в этой квартире сегодня и находится музей книгоиздателя). Утешало только то, что по постановлению Совнаркома с 1927 года

Евдокия
Ивановна
в год своей
смерти

Сытину начали выплачивать персональную пенсию – сначала 150, а потом 250 рублей.

Сытин-пенсионер оказался не у дел. Все чаще подводила память, да и сам он стал признавать, что работать как прежде уже не в силах. То и дело соседи встречали сухого высокого старика с тростью – он все пытался найти себе занятие, не умея сидеть дома сложа руки. Много времени Сытин проводил и за мемуарами – его автобиографию, знаменитую «Жизнь для книги», издали в 1960-е годы.

В 1934 году в возрасте 83 лет Иван Дмитриевич Сытин скончался. Его скромно похоронили на Лазаревском кладбище, а когда оно было ликвидировано, перезахоронили на Введенском.

Квартира на Тверской, в которой издатель провел последние семь

лет жизни, осталась за его потомками. Младшие дети – Дмитрий, Анна и Ольга – долгое время систематизировали многочисленные архивы отца, собирали коллек-

Миниатюрный
печатный станок
из собрания
музея

цию мемориальных предметов и сохраняли наследие семьи. После нескольких их обращений в ЦК КПСС и Комитет по печати СССР было принято решение о создании дома-музея книгоиздателя. В 1977 году квартиру расселяют, а в 1986-м передают Всероссийскому обществу любителей книги, которое, кстати, заведовало еще и единственным в стране Музеем экслибриса (подробнее о нем см.: «Русский мир.ru» №11 за 2014 год, статья «Метка книголюба». – Прим. ред.). Оттуда, по всей видимости, происходит украшающий квартиру Сытина миниатюрный печатный станок. В 2019 году после продолжительного ремонта и обновления экспозиции музей открылся уже под эгидой культурного центра имени Николая Алексеевича Островского «Интеграция». Хранители коллекции продолжают собирать и систематизировать сведения об Иване Дмитриевиче, устраивают тематические выставки. Здесь за стеклом витрин в ярких лубках живет душа крестьянского сына, ставшего самым народным книгоиздателем дореволюционной России. ●

МНОГОЛИКИЙ МУЗЕЙ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОМСКИЙ МУЗЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ – МУЗЕЙ НЕОБЫЧНЫЙ. ФАКТИЧЕСКИ ЭТО НЕСКОЛЬКО МУЗЕЕВ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ. ЗДЕСЬ МОЖНО УВИДЕТЬ НЕ ТОЛЬКО ПАРТЫ, ЧЕРНИЛЬНИЦЫ, СОВЕТСКИЕ И ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ УЧЕБНИКИ И ДНЕВНИКИ, НО И ПАЛЕОНОТОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ, АРТЕФАКТЫ ИЗ РУССКОГО ХАРБИНА, ОБРЯДОВЫХ КУКОЛ, КАРТИНЫ И ФОТОГРАФИИ. НО И ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ. САМО ЗДАНИЕ МУЗЕЯ – ТОЖЕ ЭКСПОНАТ.

МУЗЕЙ ОСНОВАН 18 марта 1998 года, а здание было построено на целый век раньше. Причем строилось оно с тем же предназначением: для музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географи-

ческого общества (ЗСО ИРГО). В честь первого омского музея улица, на которой он находится, была названа Музейной... Здание сочетает черты классической архитектуры, элементы русского и восточного стиля. Эта эклектика обусловлена

не только эстетическими соображениями. Классическая архитектура соответствовала представлениям о музее как о храме науки и искусства. Русский стиль был символом того, что масштабное экономическое и культурное развитие Западной Сибири началось с переселением русских. Восточные мотивы напоминали о значении восточной культуры, традиционной для народов Сибирского края. Автором проекта был действительный член ЗСО ИРГО, городской архитектор Илиодор Хворинов – человек редкого таланта, благодаря которому в Омске появились здания, ставшие настоящим украшением города.

Здесь есть на что посмотреть...

Музей на улице Музейной

Архитектор Ильодор Хворинов

Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества был открыт в Омске в 1877 году. Во втором параграфе «Положения» о нем указывалось, что отдел «занимается изучением как этого края, так равно и сопредельных с ним стран Средней Азии и Западного Китая». А в третьем подчеркивалось, что отдел «заботится... об устройстве и поддержании местного музеума». С реализацией планов не тянули: о создании «музеума» было объявлено уже через год. Потом почти два десятилетия музейные коллекции скитались по Омску, квартируя сначала в двух тесных комнатках на первом этаже Военного собрания, затем – в других неприспособленных для этого помещениях. И наконец на заседании 20 марта 1895 года было принято реше-

ние строить собственное здание. «Землю для него власти выделили в центре города на крепостной эспланаде, которая оставалась не застроенной до начала XX века. Территория была выделена безвозмездно, деньги на строительство собирали всем миром, потому оно растянулось на несколько лет», – рассказывает директор Музея просвещения Игорь Скандалов.

Результат получился достойный. Главный зал – зал заседаний ЗСО ИРГО – впечатляет. Двухсветный парадный зал с двумя рядами окон – это новация для конца XIX века. Кто-то даже видит в этом элементы зарождавшегося модерна. А еще этот зал поражает высотой – 7 метров. На высоте 3,5 метра идет открытая деревянная галерея, поддерживаемая пилястрами со стилизованными уступчатыми капителями.

В советские времена зал разгородили на кабинеты, а на уров-

Первоначальный проект музеяного здания предполагал башню в европейском стиле, но от нее почему-то отказались

не галереи сделали второй этаж. «В 1940-е здесь размещалась Омская областная клиническая больница, в 1980-е – Управление по охране памятников. Я помню, как входил сюда через окно главного зала, тогда переделанное в дверь», – вспоминает Игорь Евгеньевич.

После того как здание передали Музею просвещения, залу начали возвращать его первоначальный облик. Восстанавливать балюсины, которые поддерживали перила галереи, архитектору пришлось интуитивно – по аналогии с историческими зданиями той эпохи. На старинных фотографиях их не видно – они закрыты картинами. Но Игорь Скандалов не оставляет надежды «сделать реставрацию в стиле эпохи, воссоздать красоту». Зал примечателен не только галереей. Еще одна его уникальная особенность – кессонный потолок. «В Омске такого нигде больше нет, – замечает Игорь Евгеньевич. – Здесь изумительная акустика. Не нужен микрофон и нельзя сфальшивить. У нас выступают народные ансамбли, сдают зачеты ученики музыкальных школ».

В зале сохранился и «родной» пол из 8-сантиметровых досок. Но реставрировать его слишком дорого, потому пока поверх настелили паркет, подаренный меценатом.

Музей просвещения продолжает традиции Русского географического общества. Главный зал вновь украшают портреты знаменитых путешественников. Вот портрет Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского – ЗСО ИРГО открылся при его непосредственном участии. В центре – портреты братьев Голубевых. Ведь самый большой вклад в строительство этого здания внес Виктор Голубев – брат путешественника Александра Голубева, знаменитого своими азиатскими экспедициями. В память о брате Виктор Федорович оказывал большую помощь ЗСО ИРГО: финансировал экспедиции, передавал книги для библиотеки.

Торжественное заседание членов ЗСО ИРГО по случаю его 25-летнего юбилея

НАСЛЕДНИКИ МУЗЕЯ ПРИ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ

«Сейчас у нас длинное юридическое название – «Музейно-выставочный комплекс «Моя история». Как государственный музей мы открывались в системе образования, учредителем выступило Министерство образования Омской области. Потом мы переименовались в Музей просвещения, обогнав Министерство просвещения, – улыбается Игорь Евгеньевич. – Понимание у нас такое: просвещение – это единство воспитания, образования и культурных традиций».

Экспозиции музея охватывают различные сферы образования: историю школьных письменных принадлежностей – от клинописи до шариковых ручек; историю молодежных движений – от комсомола до современных стройотрядов и студенческих союзов; историю компьютерной техники – от счетов до компьютеров нового поколения. В фондах – 27 тысяч экспонатов.

«В образовании есть самые разные аспекты. Учебники, содержание образования, программы, средства образования, то есть материальные предметы. Воспитание – это и дореволюционное воспитание, и советское – комсомол, пионерия... А еще важна привязка к земле, народные традиции. Упоминание об этом мы находим в харбинских материалах конца XIX – начала XX века. Царское правительство озабочилось тем, что российские традиции стали забываться в Харбине, появилась серия инициатив по воссозданию народных промыслов. Выпустили, например, буклет, как вышивать в русском стиле».

Потому в этом музее сочетается вроде бы несочетаемое: церковное просвещение уживается с комсомолом и Харбином...

Музей просвещения фактически стал наследником педагогического музея, основанного в Омской учительской семи-

Со школьными дневниками и наглядными пособиями здесь соседствуют коллекции, собранные членами ЗСО ИРГО

нарии в 1897 году. Инициатором его создания был Митрофан Алексеевич Водянников, один из первых председателей Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области. «Мы еще застали людей, которые хранили документы об образовании с конца XIX века, несмотря на перипетии века XX. Карты, учебники, материалы о педагогах», – поясняет Игорь Евгеньевич.

БУКВАРИ И ДНЕВНИКИ

Обучение, как известно, начинается с азбуки. Коллекция букварей и азбук музея может поведать о многом. «Буквари ошеломляют тем, как в них отражается история и идеология страны. Какие первые фразы учат читать? «Мама мыла раму». А в конце 1920-х можно увидеть: «Кулак – враг», «Советы – да». В 1950-е в букварях появляются сведения о спутниках, а после полета

Бюро из русского Харбина

Гагарина первому космонавту посвящена целая страница. В 1990-х она исчезла, и только в 2000-х Гагарина вернули детям», – демонстрирует старые буквари директор музея. Конечно же, школу невозможно представить без дневника. «Что такое русское образование? Для меня это прежде всего дневник. У нас в коллекции есть гимназический дневник. Я его показываю посетителям, прикрывая рукой букву «ять», и спрашиваю: «Как вы считаете, к какому времени он относится?» Обычно отвечают, что к 60-м годам прошлого века. А он 1880-х годов! – рассказывает Игорь Евгеньевич. – Там – расписание уроков, каникул, оценка за поведение, записи для родителей. И понимаешь, что дневник – это элемент классического образования, сохранившийся практически неизменным до наших дней». В музее хранится большая коллекция дневников – с 1880 по 1980 год. Есть и личный дневник, и дневник наблюдений за природой, и дневник кружка студенческого отряда, и дневник туристического похода,

и даже девичий альбом. В них – события целой эпохи и жизнь конкретных людей. К примеру, имя Валентины Бархатовой, героя Великой Отечественной войны, носит одна из омских улиц. Ее личный дневник, хранящийся в музее, повествует о том, как юная Валя сдавала выпускные школьные экзамены в июне 1941 года, в кого была влюблена, в какой институт собиралась поступать... Об авторе изящных рисунков и трогательных стихов, написанных в альбом Нине Лапкиной, жившей в Омске в начале XX века, не известно почти ничего. Только инициалы «И.Н.», понимание, что окончил школу прапорщиков, был участником

Зал, вновь ставший Голубевским
Дореволюционный дневник ученика VI класса Вятской гимназии А. Коробова. 1879–1880 годы

Первой мировой войны, а в начале 1920-х вернулся в Сибирь. Как сложилась его дальнейшая судьба – неизвестно.

А вот альбом Марии Баранцевой, родившейся и выросшей в китайском Харбине. Здесь можно увидеть стихи Пушкина, Фета, Надсона, Бунина, К.Р., Анненского, Бальмонта, Мережковского. Почти каждая страница украшена акварельными рисунками, наклейками, сохранились и засушенные цветы... Хватает в музее и уникальных экспонатов. Вот, например, хромолитография. Оказывается, русские гимназии заказывали наглядные пособия в германских типографиях!

А вот один из первых российских учебников по истории края – учебник родиноведения для школ Акмолинской области, автором которого был директор Омской учительской семинарии, краевед Александр Никитич Седельников. Это не просто учебник, это целая программа знакомства учеников с богатством малой родины с помощью экскурсий, практических занятий и исследовательской работы.

БЮРО ИЗ ХАРБИНА И ТИМУРОВЦЫ

В музее много экспонатов, привезенных из Харбина: возвращаясь в Россию в 1950-е годы, русские харбинцы привезли семейные архивы. И не только. В углу главного зала привлекает внимание изящное бюро с точечными ножками. Оно явно проделало долгий путь. Стилизованное под мебель XIX века бюро было изготовлено в начале XX. Причем, судя по качеству резьбы, в России. То есть его привезли в Китай те, кто приехал с Русского Севера на строительство КВЖД и решил там остаться. Почему с Севера? В переданной музею коллекции этой семьи оказались три паломнические иконы из северных монастырей.

«В Омске было большое общество харбинцев. Многие передали в музей свои семейные реликвии. У нас одна из самых больших харбинских коллекций в России», – поясняет Игорь Евгеньевич.

Старинную мебель Игорь Скандаков особенно ценит, относя ее к важной для музея категории – «предметы, которые отражают эпоху». Вот, например, этот старинный стол был приобретен

Шкаф из женской гимназии и прочие «предметы, которые отражают эпоху»

где-то в Омске. «Сначала его восстановили, а уже потом заметили на старых фотографиях, что точно такой же стол стоял на заседаниях ЗСО ИРГО. Возможно, почти век спустя к нам вернулся тот самый стол», – рассказывает директор. Еще один интересный экспонат – резной деревянный шкаф, имеющий непосредственное отношение к истории омского образования. «Это шкаф из Омской женской гимназии, – поясняет Игорь Евгеньевич. – Рядом с нами по улице есть сохранившееся старое двухэтажное зда-

ние, построенное купцами Поповыми. Сейчас там расположилась коммерческая организация. Известный омский художник Георгий Кичигин спас шкаф, который выбросили из этого особняка. Мы его вщестером тащили. А потом нашли старую фотографию: сидят преподаватели женской гимназии, а за ними тот самый шкаф»...

В 2005 году на посвященной юбилею Победы выставке на Поклонной горе в Москве омский музей представлял историю образования во время войны.

Школьная форма разных лет

«В числе прочего мы показывали деревянный портфель – отец сколотил его сыну, уходя на войну. Еще выставляли материалы тайной тимуровской организации, которую ребята основали в Горьковском районе, – говорит директор. – Пять товарищей решили помочь семьям тех, кто воюет. В одном дворе вскопали огород, в другом напилили дров – причем ночью, не попадаясь никому на глаза. У них было знамя, устав, сундук для хранения документов. Командиром отряда был Виктор Голубцов. Его сын долго хранил эти материалы, а потом передал их в Дом пионеров». Надо сказать, что теме образования и воспитания в военную пору в музее уделяется особое внимание.

Есть в музее и экспозиция, посвященная пионерии. В ней акцент сделан не на идеологию, а на практическую значимость пионерской организации: сбор макулатуры, металломолома, помошь старшим. Здесь же – коллекция пионерских и молодежных значков из разных стран. Причем заметно, что многие такие иностранные значки копировали элементы советских аналогов.

УДЛИНЕННЫЕ ЧЕРПА И «СПЯЩИЙ ВОИН»

Посетителям, настроившимся на тему образования, в следующем зале приходится резко переключаться на... палеонтологию. «Мы – музей просвещения, музей образования. А история – одна из важных составляющих образования. Самыми древними историческими находками занимаются палеонтология и археология», – объясняет Игорь Евгеньевич.

Впрочем, в свое время не все отнеслись к такому новатор-

Занимательная
палеонтология

Таинственный
удлиненный
череп –
напоминание
о гуннах

ству с пониманием. «Мы тогда были в ведении Министерства образования. Приходит чиновник из министерства, видит зуб мамонта и спрашивает: «А это что такое?» «Зуб, – отвечаю. – Зуб первого директора омской гимназии», – смеется Игорь Евгеньевич.

Древние кости в витринах снабжены подробным пояснением: название животного указано на латыни и на русском языке, рядом изображен его скелет, в котором ярким цветом выделена демонстрируемая в витрине кость.

Директор подводит нас к очередной витрине: «Когда я показываю эту кость школьникам, то говорю, что она с пулевым отверстием. А потом объясняю, что кости 10 тысяч лет. Значит, 10 тысяч лет назад кто-то пробил в ней это отверстие. На надломе этой кости есть еще одно отверстие, аналогичное первому. Значит, кости что-то крепилось? А другой ее конец заострен. Похоже, это окаменевшее древнее орудие».

Тему древней истории в музее раскрывают по-разному: делают реконструкции предметов, с помощью фигурок иллюстрируют финно-угорские мифы, а еще заказывают художникам картины на соответствующие темы. Вот, к примеру, в древности на тюркских курганах ставили изваяния, которые сегодня именуют «каменными бабами». Омский художник Евгений Дорохов увидел в краеведческом музее такую «бабу», у которой была отбита голова. И появилась картина «Спящий воин»: на ней изображено каменное изваяние, голова которого скрыта за облаками.

Но, пожалуй, самый удивительный экспонат исторической экспозиции – удлиненные человеческие черепа. В 1990-е годы на раскопках в Усть-Таре Игорь Скандалов обнаружил семь могил V века, в которых были похоронены женщины с искусственно деформированными черепами. «Эти женщины – не шаманки, ведь в мо-

Омский компьютер «Патисоник»

гилах мы не нашли шаманских предметов. Скорее всего, это некие предводительницы: в могилах обнаружились пояса с пряжками, небольшие ножи, бронзовые грифы – знаки власти, – рассказывает Игорь Евгеньевич. – Чтобы получить такой череп, ребенку еще в младенчестве голову туго бинтовали особым образом – через лоб и затылок. Кто мог такие специфические знания передать лесному народу? Только гуны – они прошли через евразийские степи в IV веке. Они не уничтожали местные племена, заключая с побежденными союзы. А у гуннов вытянутые черепа были знаком принадлежности к власти».

ОМСКИЙ КОМПЬЮТЕР И ПРОЧИЕ СЕНСАЦИИ

...В небольшой комнатке стоят самые разные парты. Можно устроиться за любой и вспомнить школьные годы. «Вот эта парта легендарная – она тоже побывала в 2005 году на выставке на Поклонной горе, представляла историю российского образования. Почему? В Москве не нашли парту, – рассказывает директор. – А ведь когда мы носились с идеей музея просвещения, над нами все смеялись: вы что, парты будете собирать? Привезена она сюда с севера Омской области. Мы узнали, что в далекой деревне закрылась начальная школа, договорились забрать парту. Тащили ее из тайги буквально на себе».

Первые учебники программирования и элементы первых ПК

Деревянная винтовая лестница

Впрочем, внимания здесь достойны не только парты. «Хотите сенсацию? – улыбается Игорь Евгеньевич. – Вот, пожалуйста. Изделие «омский компьютер». Такие из российских деталей собирала омская фирма «Патисоник». Вы знаете, иногда мы на такие удивительные факты наталкиваемся... Когда компьютеров еще не было, омские студенты на тумблерах делали ПК – все это работало, считало. Проблема была в клавиатуре. Один инженер рассказал нам, что у них была мысль

сделать на магнитной пленке тактильную клавиатуру. То есть почти что сенсорную!»

Кстати, именно Омск – родина персонального компьютера. В начале 1960-х омский инженер Арсений Горохов придумал вычислительную машину, которую назвал «интеллектор». У нее были все элементы компьютера. Он все просчитал, но образец сделать не удалось из-за отсутствия финансирования. Так что в итоге все лавры достались Стиву Джобсу...

ЧЕРДАК С ДИКОВИНКАМИ

Кажется, музейный особняк внутри гораздо больше, чем снаружи. Здесь нашлось место даже для выставки фотографий старинных дверей. А рядом в витрине – старинные дверные ручки, замки, впечатительные ключи и «стучалки», заменявшие раньше дверные звонки. Еще есть коллекция народных кукол. «Обрядовые куклы имеют особый смысл, – объясняет директор. – Вот, например, мерная кукла. Мама говорит дочке: «Иди кашу свари». – «А сколько крупы сыпать?» – «Возьми куклу». Дочь ставит куклу рядом с горшком,

по поясок насыпает кашу, по шарфик наливает воду», – поясняет Игорь Евгеньевич. А после спрашивает: «Ну а теперь – на крышу мира? И мы отправляемся на чердак.

Поднимаемся по «придуманной лестнице» – изначально ее в здании не было, соорудили лестницу уже в советское время. Наверху – настоящий чердак с диковинками. Здесь, как и во времена ЗСО ИРГО, хранятся коллекции – старые осциллографы, телевизоры, радиопри-

емники, магнитофоны. У стенки стоит древний велосипед. А рядом – настоящая лодка. Она выдолблена из цельного ствола, такие в Сибири делали еще в середине XX века. На одной из выставок музея эта лодка «играла роль» комсомольской шлюпки. А на археологической выставке она перевозила посетителей в «мир мертвых».

С галереи открывается роскошный вид на главный, Голубевский зал. Но мы идем дальше, чтобы увидеть еще одно «сокро-

Школьная парты, перешедшая ныне в разряд музеиных артефактов

вище» музеиного здания. Это деревянная винтовая лестница 1897 года. Выглядит она сейчас не очень презентабельно, но ощущения, когда по ней спускаешься, совершенно непередаваемые.

А Игорь Евгеньевич продолжает свой рассказ о восстановлении исторического облика старейшего омского музеиного здания: «На крыльце главного входа в музей раньше стояли китайские львы – они были подарены ЗСО ИРГО российским дипломатом в Китае, надворным советником Борнеманом. Сегодня эти львы находятся в краеведческом музее. Но я нашел спонсоров, и сейчас мы отливаем художественные копии львов – из пластика с мраморной крошкой. Крыльце переделаем и поставим их на те же места, где они стояли до революции».

Менее чем через месяц после этого разговора скульптуры львов Ши-Цзы, которые в китайской мифологии являются стражами престола Будды, вернулись на свои исторические места. И снова стали хранителями удивительного музея, который в марте 2023 года отпразднует 25-летие. ●

О музее Игорь Скандаков может рассказывать бесконечно

УСПЕТЬ СОХРАНИТЬ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ЗНАЮТ ЛИ СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ XXI ВЕКА, КАК ВЫГЛЯДЕЛ ТРАДИЦИОННЫЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ТЕХ, КТО ЖИЛ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ? ВО ЧТО ИХ ПРЕДКИ РЯДИЛИСЬ, КАКИЕ ТКАНИ, ОБУВЬ, УКРАШЕНИЯ ПРЕДПОЧИТАЛИ? В 1850 ГОДУ, СОГЛАСНО ДАННЫМ ДЕВЯТОЙ РЕВИЗИИ, НАСЕЛЕНИЕ ГУБЕРНИИ СОСТАВЛЯЛО 1,348 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК. НЕМАЛО. А НАРОДНЫХ КОСТЮМОВ, ДА ЧТО КОСТЮМОВ, ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ ТОЙ ПОРЫ, СОХРАНИЛОСЬ В МУЗЕЯХ ВСЕГО НИЧЕГО.

В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, но во всех московских и подмосковных музеях, вместе взятых, хранятся всего три (!) круглых сарафана Московской губернии. Еще два находятся в коллекциях местных жителей. Такие сарафаны массово начали носить в России как раз во второй половине XIX века. В то же время в Архангельской области никому даже в голову не придет считать в коллекциях сарафаны – там счет идет на сотни. Та же ситуация в Орловской, Воронежской, Рязанской областях. Почему не собирали московский народный костюм, ответа уже не найти. А вот о том, как

можно сегодня поправить ситуацию, нам рассказала руководитель АНО «Студия по изучению, возрождению и развитию национальных традиций «Русские начала» Татьяна Робертовна Валькова. Журнал писал про этот замечательный коллектив из Москвы (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2019 год, статья «Хранители». – Прим. ред.), участники которого занимаются традиционными костюмами разных регионов России – каргопольским, олонецким, архангельским, тверским, нижегородским. А как же московский костюм? А вот с ним, как уже стало понятно, все оказалось совсем непросто.

«НАС ЗАЦЕПИЛО»

«В какой-то степени интерес возник давно, примерно десять лет назад, – рассказывает Татьяна Робертовна. – Тогда в Российском этнографическом музее (РЭМ) Санкт-Петербурга мы познакомились с коллекцией народных костюмов Бронницкого и Дмитровского уездов Московской губернии. В 1913 году в экспедиции ее собрал сотрудник музея, этнограф и фольклорист Александр Казимирович Сержпутовский. Часть костюмов была из одного села – Фаустово. А Ольга Климова – моя коллега и заместитель по студии – родом как раз оттуда. Нам стало интересно: «Оля, а что у тебя носили в деревне?» Вот так нас и зацепило».

Но оказалось, что московский костюм наименее изучен по сравнению с одеждами других территорий страны. Причин тому несколько. Во-первых, очень мало костюмов сохранилось. Во-вторых, предметы зачастую разрознены и находятся в разных музеях или частных коллекциях. В-третьих, по ним практически нет информации. Работа предстояла сложная. К тому же в состав Московской губернии входило 13 уездов, каждый со своими особенностями в костюмах, песнях, об-

ВАЛЕНТИН ХАРПАЛЕВ

рядах – своей собственной традицией, как говорят этнографы. Так с какого же начать?

На поиски Татьяна Валькова и Ольга Климова отправились по московским и подмосковным музеям. После изучения музейных коллекций выяснилось, что интересующих исследовательниц предметов практически нет. Лишь в музее-заповеднике «Дмитровский кремль» им повезло. «Здесь оказалось около 50 предметов, связанных с крестьянской одеждой, – объясняет Татьяна Робертова. – Мы вспомнили также про большую и разнообразную коллекцию А.К. Сержпутовского, в которой часть текстильных предметов родом из Дмитровского уезда. Это верхняя одежда, мужские и женские рубахи, порты, сарафаны, головные уборы женские и мужские, девичьи повязки, пояса. И мы поняли, что теперь есть с чем работать».

В общей сложности исследования заняли около пяти лет. Помимо работы с текстильными фондами двух музеев были найдены и тщательно изучены письменные и изобразительные источники. Когда стало понятно, что объем собранных данных достаточен, был создан проект «Традиционный костюм Дмитровского уезда Московской губернии: успеть сохранить».

На его реализацию ушло еще полтора года. За это время 30 мастеров студии под руководством Татьяны и Ольги «глубоко погрузились в историю, воссоздали и освоили старинные технологии. Ткани сотканы на ткацком стане, покрашены, почти все предметы сшиты на руках, сделаны вышивка и украшения, сплетено кружево, связаны чулки». В результате дружного сотрудничества – именно этот термин употребляют «Русские начала» – появились на свет 17 женских и мужских праздничных костюмов Дмитровского уезда Московской губернии 1850–1870-х годов. Осуществить задуманное удалось во многом благодаря поддержке Фонда президентских грантов.

МАРИНА ЖИДЕГЕВА

ТКАТЬ ПЕРЕТЫКИ

«Мы не делаем «дословных» реконструкций, – рассказывает Татьяна Валькова, – это невозможно. Иначе нужно начинать с самого начала: сеять лен, прядь нити, жечь лучину, для того чтобы была полная реконструкция на уровне копии. Наша задача – воссоздать образы».

И хотя «Русские начала» не сеяли лен и не прядли нити, но ради создания ощущения подлинных вещей большая часть тканей была выткана вручную на старинных ткацких станах. С этой непростой задачей успешно справилась мастер и преподаватель студии Оксана Степанова. Всего было выткано около 70 метров для женских и мужских рубах и портов. Это колоссальный объем работы, по-

требовавший немало времени. Только на заправку одного стана уходило до пятнадцати часов. А на 3 сантиметра узорного ткачества с ажурными элементами для полотенчатого головного убора уходило четыре часа. Непросто было повторить и перетыки – поперечные полосы, вытканные красными нитками, которые были характерны для московских женских и мужских рубах, а также головных полотенец. Как объяснила Татьяна, перетыку довольно сложно выткать абсолютно одинаково, например, для левого и правого рукава. Поэтому местные крестьяне избрали замечательный способ, при котором ткалась ткань с перетыками, затем нужные места вышивались, а потом ткань разрезали на две части, и получались одинаковые заготовки сразу на два рукава.

«Подмосковные крестьяне в основном использовали льняные ткани, в которых мы заметили одну особенность, – уточняет Татьяна Робертова. – В частности, крестьяне Дмитровского уезда ткали ткань несколько шире, чем в среднем по стране. Здесь встречается домоткань шириной 39, 42 и 43 сантиметра, тогда как обычна, как правило, составляла 36». Для такой увеличенной

ВАЛЕNTИН ХАРЛАМЕВ

ВАЛЕНТИН ХАРПАЛЕВ

ширины современной мастерице пришлось заправлять в ткацкий стан около 720–760 ниток в основе. К сожалению, в наше время сложно найти качественные отечественные льняные нити, и пришлось закупать фабричные за рубежом.

Часть сотканных тканей была окрашена в характерные для Подмосковья красный и синий цвета. Все как встарь: уж если шить сарафаны, то из домотканой крашенины. Сшитые сарафаны затем украсила сияющая золотым по красному шелковая тесьма, в точности передающая цветовую гамму той, которая здесь когда-то бытовала. Ее выткали в уникальной мастерской старинных тканей Новоспасского ставропигиального мужского монастыря в Москве.

Исследуя подлинный подмосковный текстиль, «Русские начала» выяснили, что «из Дмитровского уезда сохранились образцы набоечных тканей, отдельные предметы, даже манерники и в большом количестве набойные доски». Это означало, что здесь бытовало кубовое крашение и пестрение тканей набойными узорами, которые как тогда, так и сейчас пользуются всеобщей любовью. Для проекта всю набойку сотворили Вера и Валерий Голубевы. Их мастер-

ская известна многим поклонникам старинного ремесла серьезным подходом к делу. По историческим прототипам Голубевы в точности воссоздали доски-манеры и набили ткани с характерными для дмитровских мест рисунками. Так в коллекции появились четыре набоечных комплекса из тяжелого домотканого льна, окрашенного в глубокий синий цвет с россыпью точечных желтых узоров.

ВАЛЕНТИН ХАРПАЛЕВ

ДОНЕСТИ ВСЕ НЮАНСЫ

Всю коллекцию реконструкций авторы условно разделили на три части. Отдельно костюмы мужские и женские. Последние поделены на архаичные и с набойкой.

«Мужской костюм, – говорит Татьяна Робертовна, – очень плохо сохранился везде, а в Москве особенно». Тем не менее мастерам студии удалось воссоздать что-то по образам с картин, что-то – по редким музеинным предметам.

Как выяснилось, даже самые простые мужские образы Дмитровского уезда из льняных домотканых рубах и полосатых набоечных портов не так просты, как может показаться на первый взгляд. Одна рубаха, оригинал которой хранится в РЭМе, оказалась «такая хитрая, с подкройными штучками. Две другие – с красными ластовицами – это такая характерная московская история». Самыми сложными из всех реконструкций стали предметы верхней мужской одежды. Коричневый чекмень из поярковой шерсти в собрании музея-заповедника «Дмитровский кремль» находился в руинированном состоянии. Буквально по небольшим сохранившимся фрагментам Ольга Климова

ВАЛЕНТИН ХАРЛАПЕВ

снимала с него крой. На лекалах зачастую приходилось писать: «Дальше снять невозможно, ничего нет». Затем мастера студии долго и кропотливо шили и перешивали, пока не попали точно в образ.

«А вот это наш щеголь», – говорит о другом мужском костюме Татьяна Валькова. – Он в красной рубахе и черной тяжелой плисовой безрукавке с хорошо уложенными фалдами, в кожаных сапогах и лихо заломленном картузе». С картузами у «Русских начал» вышла радостная история. Замечательный мастер из Санкт-Петербурга Олег Тульнов сшил их вручную в точности по историческим образцам. На один из картузов он даже пожертвовал старинную шерстяную юбку своей бабушки.

Валяные шляпы в коллекции тоже впечатляют. «Именно шляпы, а не шапки, – подчеркивает Татьяна Робертовна. – В словаре Владимира Даля есть статья о шляпах – единственная, где у автора не нашлось слов, чтобы описать формы мужских традиционных шляп, и он их просто рисует». Одна из таких «мужских головных покрышек из твердого припаса» (по Даю) называется «московский шпилёк», что указывает на связь с московской традицией. Несколько по-

добных шляп было воссоздано мастерами.

В так называемой архаичной части проекта семь женских образов. Здесь есть варианты бытовавших в Подмосковье девичьих распашных косоклининых сарафанов, украшенных тканой шелковой тесьмой и металлическими пуговками. «Нам очень повезло, – рассказывает Татьяна Валькова, – один из сориателей как раз подарил нам

пакетик старинных пуговиц, которые достались ему с дмитровских одежд. Теперь они обретают свое место».

Носили такие красные и синие сарафаны-кращенинники с «рукавами» – рубахами-длиннорукавками, для украшения которых применяли разную вышивку: «крест», «набор», «ропись», а также кружево, плетенное на коклюшках. Поверх сарафана в Подмосковье могли повязывать поясной передник, оригинал которых не сохранился ни в одном музее. Женские телогрейки, которые в местной традиции носили название «карсет» или «карсетка», имели вид безрукавки и шились из ярких, но уже фабричных тканей.

Девичьи головы украшали повязки с золотым или серебряным галуном, по-местному «ленты». И это не удивительно, если знать, что «тесемочно-ткацкий или галунно-ткацкий промысел был самым распространенным в Дмитровском уезде» и что «уже в первой половине XVIII века в уезде было 100 мишурных и позументных фабрик», а «значительным моментом <...> является время перед 1855 г. (коронация), когда, вследствие большого спроса на позумент, промысел принял большие размеры», писал в 1924 году знаток местных

МАРИНА ЖИДЕЛЕВА

ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА

Для воссоздания не случайно были выбраны костюмные комплексы 1850–1870-х годов. 1861 год – отмена крепостного права в России – стал своеобразным водоразделом между старым и новым обликом крестьян. У них появилась возможность менять место жительства, бывать в городах, а значит, перенимать и приносить в родные деревни и села модные городские ткани, фасоны, манеру ношения костюмов. «Это интересное время, – замечает Татьяна Валькова, – когда еще сохраняются более ранние формы костюмов, более архаичные по своей сути. Например, мы обнаружили длиннорукавные рубахи, распашные косоклинные сарафаны, которые бытовали повсюду. Вместе с тем есть описания, что самые модные девицы Дмитровского уезда в это время уже ходят в «шубках». Так в Подмосковье называли круглые сарафаны, которые только-только начали появляться». Веяния городской моды отразились и на внешнем виде некоторых дмитровских женских рубах того времени, стан которых продолжали шить из льняной домотканины, а рукава и декоративные отделки стали делать из покупных новомодных ситцев. Этот прием повторили мастера «Русских начал» для нескольких рубах в коллекции. Из фабричной же шелковой тафты по плохо сохранившимся музейным образцам был сшит предмет с чудным для современного уха наименованием – «подыбушка». Так называли в Дмитровском уезде одежду типа безрукавки с асимметричным разрезом и потрясающими трубчатыми фалдами сзади, которую девицы надевали в пару к набиравшему моду сарафану-«шубке».

Один из мужских костюмов в коллекции соответствует образу щеголеватого крестьянина, уже побывавшего в Москве и перенявшего некоторые особенности городского костюма. В его составе хлопчатые штаны, шер-

ВАЛЕНТИН ХАРЛАМЕВ

промыслов Кирилл Алексеевич Соловьев – директор Музея Дмитровского края тех лет. Современным рукодельницам было очень сложно повторить полотенчатые головные уборы – платы. «Любой из наших мастеров скажет, какое это испытание. Но это была командная работа на преодоление себя. Поддевчательный шов долго нам не давался», – вздыхает Татьяна Робертовна. Практически по всем дмитровским одеждам проходит не метафорическая, а вполне реальная красная нить – в виде вышивки, тканого узора или выпушки. Старинный термин «выпушка» означает узкую полосочку крашенины или ситца,

внутрь которой вставлен шнурок. Ее пускали по швам одежды. В древние времена выпушка была оберегом, позднее стала ярким контрастным декором, добавлявшим нарядности костюму. Как отметила бывший хранитель тканей музея-заповедника «Дмитровский кремль» Надежда Викторовна Волкова, «для «Русских начал» важно не только сохранить сам предмет, но и его историю, бытование, местное название. Они досконально изучают все, что было сделано нашими предками, и для них жизненно необходимо через реплики и реконструкции донести до нынешнего времени все нюансы».

ВАЛЕНТИН ХАРЛАМЕВ

стяная жилетка по фигуре, в кармане которой лежат часики на цепочке, картуз и сапоги с задранным носочком. «Проблему с обувью мы тоже решали, — рассказывает Татьяна Робертовна. — Потому что вопрос, что обували крестьяне, когда они не носили оборы и онучи с лаптями, открытый. Русский крестьянин — это не обязательно лапти, это могут быть поршни или коты, настоящие, с каблуком, обувь, сделанная не отцом семейства, а ремесленником».

Если окинуть взглядом всю проделанную «Русскими началами» колossalную работу, то можно сказать, что у них получилось восстановить один из разделов энциклопедии московской жизни. Во время интервью Татьяна Валькова с чувством заметила: «Мы очень постарались, чтобы это было такое прям настоящее, чтобы по-честному, хотелось, чтобы люди нам поверили, что это могло быть так».

НЕПРЕРВАННАЯ НИТЬ

На Всероссийском фестивале «Русский костюм на рубеже эпох» в Ярославле в октябре 2022 года студия впервые продемонстрировала созданную упорным коллективным трудом коллекцию. Для полного погружения зрителей в атмосферу времени бытования этих вещей Татьяна Валькова, в прошлом филолог, подобрала для показа народные песни тех лет. Под записи подмосковного крестьянского хора начала XX века под управлением Петра Глебовича Яркова участниками студии разыгрывались мизансцены.

Девичью красоту показывали под песню «Земляниченька», она рассказывает про девицу Марью, которая «Словно белый снег, она бела, // И румяна, как заря. // Во тятеньку хороша, // Во-во маменьку пригожа, // Цветочек, цветик аленький, // Ро-розовый, малиновый». Одну нарядную девицу в красном крашенинном сарафане вывела на сцену бабушка, другую — в синем сарафане и алоей карсетке — под руку вел отец.

Сменялись песни и наряды. Вотчинно прошествовали парочки. Женщины выплывали словно павы уже в более поздних набоевых сарафанах, а щеголевые мужчины — в нарядных жилетках и картузах.

В конце выступления под пронзительные звуки балалайки женщины и мужчины в костюмах Дмитровского уезда Московской губернии XIX века плавно уходили в темноту. Возникало щемящее чувство временности человеческого бытия и всего, что создано людским трудом. Послание показа читалось ясно: нужно, несмотря ни на что, успеть сохранить традицию, знания, опыт и мастер-

ство предков для будущих поколений.

Выдающийся советский археолог и исследователь славянской культуры Борис Александрович Рыбаков однажды заметил, что «этнографы находятся на тающей льдине». Оригиналы костюмов, вдохновившие мастеров студии на воссоздание полноценной коллекции, в свое время поступали в музеи уже далеко не в безупречном состоянии. Поэтому каждый раз доставать из хранилищ и выставлять на всеобщее обозрение обветшавшие подлинники музеям становятся все сложнее. Даже идеальные выставочные условия угрожают их сохранности. «Когда мы ви-

ВАЛЕНТИН ХАРЛАМЕВ

МАРИНА ЖУДЕЛЕВА

ВАЛЕНТИН ХАРЛАПЕВ

дим музейные предметы, – замечает Татьяна Валькова, – не создается ощущения реальности и не возникает понимания того, как могли выглядеть эти люди». И это еще одна немаловажная причина для реконструкции старинных одежд. Как и часто встречающаяся разрозненность костюмных комплексов, когда даже в рамках одного музея не всегда удается полностью собрать тот или иной образ.

Коллекция праздничных костюмов, которую воссоздали «Русские начала», это уникальная

возможность в одном месте и в одно время на живых людях увидеть, «как красиво, оказывается, одевались у нас в Подмосковье». «Но наша главная задача не просто отшить костюмы и хвастаться, – говорит Татьяна Валькова. – Мы мечтаем, что коллекция будет востребована как просветительский проект. Быть может, подмосковные музеи нас позовут и скажут: «Покажите нам московские костюмы». А пока коллектив своими силами делает все возможное, чтобы как можно больше лю-

дей могло познакомиться с подмосковной традицией. Хорошая бесплатная выставка с авторскими экскурсиями, лекции, трехдневный семинар для руководителей фольклорных коллективов, методическое пособие об одном из костюмных комплексов.

Прошедшая в ноябре-декабре 2022 года выставка в Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки не оставила равнодушными многих москвичей и гостей столицы. На ее открытии Наталья Рычкова, искусствовед и мастер, создававшая кружево для этого проекта, отметила, что «коллекция подмосковного костюма студии «Русские начала» это гимн любви к Отчизне, к Московской земле, хотя не все, кто ее создавал, здесь родились. И от этого их подвиг становится еще более значимым».

В планах у мастеров студии продолжить начатое и вернуть в современную жизнь народную одежду Бронницкого и Верейского уездов Московской губернии. «Возможно, Бог даст нам сил, жизни и денег все это сделать, – говорит Татьяна Валькова. – Надеемся, впереди нас ждет много открытий. Как мы любим говорить: все только начинается!»

ВАЛЕНТИН ХАРЛАПЕВ

СТИЛЬ ГОРОЖАНКИ: ОТ КРИНОЛИНА ДО СВИТШОТА

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОРОЖАНКИ ЕЖЕДНЕВНО РЕШАЮТ ИЗВЕЧНЫЙ ЖЕНСКИЙ ВОПРОС: ЧТО СЕГОДНЯ НАДЕТЬ? ВЫБОР КАЖДОЙ ВАЖЕН. ИХ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ОБРАЗЫ НАРАВНЕ С АРХИТЕКТУРОЙ, ЗЕЛЕНЬЮ ПАРКОВ, ДИЗАЙНОМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ФОРМИРУЮТ ОБЛИК И СТИЛЬ ГОРОДА, В КОТОРОМ ОНИ ЖИВУТ. КАК МЕНЯЛИСЬ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОЖАНОК ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛТОРЫ СОТНИ ЛЕТ, ПОКАЗЫВАЕТ НА ВЫСТАВКЕ «КРИНОЛИН. ЖАКЕТ. СВИТШОТ. СТИЛЬ БОЛЬШОГО ГОРОДА» ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

В НАЗВАНИИ СКРЫТЫ хронологические рамки выставки. Кринолин – главный символ женской моды середины XIX века, жакет – неизменный спутник гардеробов XX века, а без свитшота трудно представить

стиль сегодняшнего дня. Как отмечают кураторы, «на выставке вы увидите как исторические вещи, так и образы от современных российских дизайнеров. Мы намеренно перемешали их, показывая эстетические параллели сквозь время».

Демонстрируемые костюмы территориально не привязаны лишь к двум столицам – Москве и Санкт-Петербургу. По идее авторов выставки, так могли одеваться горожанки практически в любом большом городе нашей страны. Диапазон представленных образов – от народных до модных. Более половины из 500 предметов одежды, обуви, аксессуаров – из обширного костюмного собрания Государственного исторического музея (ГИМ), остальное – из частных коллекций.

Авторы выставки – архитектор Юлия Наполова и исследователь моды Тим Ильясов. Он же выступил соавтором вместе с хранителем коллекции городского костюма XIX–XX веков ГИМ Ириной Сафоновой. Директор музея Алексей Левыкин заметил, что «предложенная авторами идея выставки

Платье цвета ванили, созданное Надеждой Ламановой. Справа – свадебный наряд с турнюром 1870-х годов и нарядное платье 1960-х годов

Самое раннее платье в экспозиции – платье с юбкой на кринолине 1850-х годов

ВИТРИНА. ГЕНИЙ ЭЛЕГАНТНОСТИ

Платье цвета ванили – единственное на выставке, получившее право демонстрироваться в отдельной витрине. Оно – жемчужина экспозиции, хотя и не тревожит взгляд сложно выстроенной конструкцией, ярким цветом или броской отделкой. В чем же его секрет? Все просто – оно от Ламановой. (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки». – Прим. ред.). «Талант, вкус и стиль знаменитой московской портнихи Надежды Петровны Ламановой были исключительны. Это был русский гений элегантности», – отзывалась о прославленном модельере княгиня Варвара Долгорукова. Шедевры от Ламановой носили именитые, знаменитые и красивейшие женщины обеих столиц.

Представленный на выставке наряд притягивает взгляд гармонией идеально выверенных пропорций, изысканным декором из букетов и гирлянд, выложеных атласными

лентами, сочетанием строгости и нарядности. Платье в стиле модерн состоит из лифа с воротником-стойкой и юбки, сшитых из искусно подобранных в одном оттенке сукна, бархата, нежнейшего шифона и канзуза – плотной шелковой ткани. Оно создано примерно в 1902–1905 годах для одной из женщин обширного семейства серпуховской промышленницы, владелицы ткацких фабрик, меценатки Анны Васильевны Мараевой.

В дореволюционной России одеваться у Ламановой могли позволить себе далеко не все. Она «ни в каком случае не уступала знаменитым портняхам Парижа, обшивавшим наших модниц, чувствовала же она индивидуальный характер и значение платья для заказчицы – «что для кого надо» – нередко и больше», – вспоминал князь Сергей Щербатов. А Маргарита Морозова (в девичестве Мамонтова) писала, что «это была большая артистка своего дела, заменить ее никто не мог, она была единственная... Так как она шила все из заграничных материалов, которые сама привозила два раза в год в огромном количестве, то, конечно, она брала за платье дорого». Наряд от Ламановой из коллек-

очень соответствует духу Исторического музея. Она рассказывает об истории нашей страны на огромном хронологическом периоде времени, начиная с 1861 года – отмены крепостного права, когда, собственно, и начала формироваться городская мода, – и заканчивая сегодняшним днем».

Предметы экспозиции разбиты на шесть тематических зон – «Витрина», «Вокзал», «Деловая улица», «Театр», «Парк», «Салон красоты», – чтобы полнее представить разнообразие городской моды. В каждой зоне есть свой «премьер» – автор, имя и работы которого говорят сами за себя, – либо ведущая тенденция в моде или тема, ярче остальных иллюстрирующая содержание раздела.

От подобной бисерной сумочки – произведения искусства – вряд ли бы отказалась хоть одна современная модница

ции ГИМ – пример того, как в начале XX века могла одеться обеспеченная горожанка со вкусом. В городской жизни знакомство покупательниц с образцами портновского искусства, обуви и аксессуаров и в недавнем прошлом, и сейчас зачастую начинается с витрины модного магазина или дома моды. Поэтому на выставке раздел «Витрина», где представлено платье, созданное великим русским модельером, – отправная точка городской моды. «Модная витрина постоянно меняется, – замечают кураторы. – Она может показаться легкомысленной, но в ее стеклах лучше всего отражается время». С платьем от Ламановой соседствуют самый ранний наряд всей выставки, конца 1850-х годов, из розовой тафты с юбкой на кринолине и единственное в экспозиции свадебное платье 1870-х годов из серебристо-серой тафты с турнуром и маленьким треном.

Большинством женских сердец здесь безраздельно владеет витрина с сумочками, которых, как известно, в любом гардеробе много не бывает. Это великолепие расположилось в начале выставки, и возле него нередко возникали заторы из восхищенно вздыхающих посетительниц. Вышитые бисером, сшитые из кожи крокодила, сделанные из металла, они выставлены не только

Витрина с сумочками вызывала неизменный восторг посетительниц

для любования. «За эволюцией женских сумочек, их внешними трансформациями просматривается изменение роли женщин в обществе за полтора столетия», – считает Ирина Сафонова. Так, праздной даме из XIX века миниатюрная бисерная сумочка-кошельк нужна лишь как акцентный аксессуар к костюму. Тогда как в XX и XXI веках работающим женщинам понадобилась уже практическая сумка, в которую помещается все и даже больше.

Век модной дамской обуви – от 1880 до 1970-х годов – представлен в другой витрине. Самые ранние – это миниатюрные кожаные туфельки на талирован-

ном (с талией) каблучке и с искусственной бисерной вышивкой. Их создатель Франсуа Пине считается основоположником обувной высокой моды. Туфли 1940-х узнаваемы по тканевому верху и пробковой подошве (кожа шла на нужды фронта), а босоножки из 1970-х – по высокой платформе. Перед витриной с обувью кто-то может мысленно применить понравившийся вариант, а кто-то – с ноткой ностальгии – вспомнить, что такие же были у бабушки или мамы или как в похожей паре и модном наряде сама посетительница выставки совершила в городе променад или бегала на танцы.

Изящные ботиночки с бисерной вышивкой от фирмы Pinet. 1880-е годы

ВОКЗАЛ. «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ СКОРЕЙ...»

На подиуме под старинными вокзальными часами из коллекции ГИМ замерли в молчаливом ожидании пять девушек в простеньких платьях с букетами в руках. Весна 1945 года, вокзал, встреча. Один миг до счастливого и такого долгожданного момента, когда, по словам поэта Сергея Михалкова, «смешались на платформах // С шумной радостной толпой: // Сыновья в военных формах, // И мужья в военных формах, // И отцы в военных формах, // Что с войны пришли домой...». Подлинные наряды 1940-х годов сшиты из штапеля, ситца, и чуть более нарядного крепдешина. Их фасоны и отделка безыскусны, лишь на некоторых есть ручная вышивка.

Верится с трудом, но даже в самые суровые военные годы в СССР издавались небольшие альбомы с моделями одежды. Почти сразу после Победы, в июне 1945 года, был выпущен полноценный, праздничный, очень красочный «Журнал мод». В нем уже ничто не напоминало об ужасах войны. Журнал был призван «воспитывать вкус к красивой одежде, куль-

туре вещей» у советских женщин в мирное время. Модели предложенных в нем платьев, пусть не роскошных, но «удобных, изящных и красивых», перекликаются с теми, что можно увидеть на выставке.

О возвращении к нормальной жизни и возрождении моды советское правительство задумалось еще раньше – в 1944 году. Всего лишь через два месяца после завершения блокады Ленин-

Платья
1940-х годов
из штапеля,
ситца,
крепдешина

Одежда
крестьянок,
приехавших
в большой город

града заработал Ленинградский дом моделей. В том же году возобновил работу и Московский дом моделей, переехавший со Сретенки на легендарную с XVIII века «улицу моды» – Кузнецкий Мост. Может показаться, что модная одежда не самая первоочередная необходимость для женщин, переживших войну, но сами женщины так не считали. Несмотря на тяготы и лишения военного времени, на сложную послевоенную пору, им хотелось быть нарядными и красивыми. И экспозиция в зоне выставки «Вокзал» с девушками в симпатичных легких платьях, с аккуратными прическами, встречающими вернувшихся с войны мужчин, это демонстрирует.

Но вокзал – это не только про встречи и расставания. Как замечают кураторы, вокзал – это «ворота в город... именно его видят новые горожане первым». После отмены крепостного права в 1861 году такими «новыми горожанами» стали крестьяне, получившие возможность миграции в большие города. Здесь легче было найти работу, которая к тому же лучше оплачивалась. Постепенно осваиваясь и приживаясь в городах, бывшие сель-

ские жительницы перенимали элементы и особенности ношения городского костюма. Неслучайно на выставке представлены три образа крестьянок, две из которых – в поневе и в сарафане, а также в традиционной верхней одежде. Они, вероятно, только приехали в город и еще не успели интегрироваться. А вот образ третьей основан уже на модной юбке яркого малинового цвета и желтом с цветами платке, окрашенных появившимися во второй половине XIX века анилиновыми красителями.

Ко всему прочему вокзал еще может быть порталом в будущее или машиной времени, возвращающей в прошлое. С трудом отвоеванные у мужчин в XX веке брюки «легким движением руки превращаются» в основную составляющую образа для путешествий горожанки XXI века. Джинсы, белая футболка и яркий кардиган оверсайз – это удобно, практично и приемлемо практически в любой городской ситуации.

Образы деловых горожанок – от дневных и визитных платьев конца XIX века до современного костюма с жакетом

Высокие кожаные ботинки на шнурковке конца XIX – начала XX века

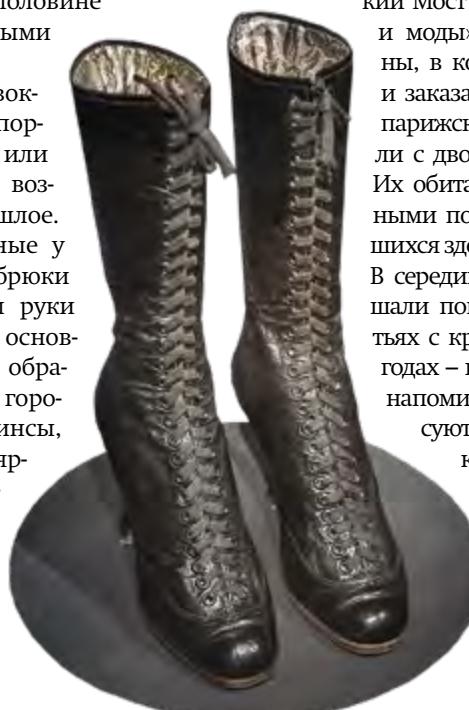
ДЕЛОВАЯ УЛИЦА. «В СССР НЕ БЫЛО МОДЫ?»

Длинный белый барельеф украшает стену за стеклом выставочной витрины. Он состоит из силуэтов зданий, расположенных на улице, хорошо известной москвичам и гостям города уже не одно столетие. «А все Кузнецкий Мост, и вечные французы, // Оттуда моды к нам, и авторы, и музы: // Губители карманов и сердец!» – сетовал Александр Грибоедов в «Горе от ума». С XVIII века Кузнецкий Мост – «святилище роскоши и моды», где ателье и магазины, в которых можно выбрать и заказать наряд по последней парижской моде, соседствовали с дворянскими особняками. Их обитательницы были основными потребителями продававшихся здесь товаров класса люкс. В середине XIX века они совершали покупки в визитных платьях с кринолинами, а в 1870-х годах – в нарядах с турнюрами, напоминающих те, что красуются в витрине выставки на фоне барельефа.

А купчихи и мещанки представляли в ином амплуа – самостоятельных женщин-предпринимательниц, которые, по

словам историка Галины Ульяновой, на Кузнецком Мосту успешно «вели дело торговли «дамскими уборами» (т.е. платьем, шляпками, обувью, перчатками)».

В конце XIX – начале XX века увеличение числа женщин (в основном из мещан и интеллигентии), принимавших участие в общественной и трудовой жизни, оказало большое влияние на моду. Им понадобился более удобный костюм. «Широкое распространение получает среди молодых женщин и девушек костюм, состоящий из блузы и юбки и широким поясом, а также костюм «тайёр», состоящий из жакета, юбки и блузы – излюбленный туалет работающих горожанок», – отмечала специалист по истории костюма Тамара Коршунова. Такие комплекты стали своеобразной униформой трудящихся женщин вплоть до нашего времени. С одним лишь исключением: сегодня вместо юбки предпочтение чаще отдается брюкам. Разнообразные варианты делового костюма горожанки представлены в пространстве выставки «Деловая улица», где находится тот самый барельеф. XX век кардинально не изменил вектор деятельности знаменитой «улицы моды». В роскошном

Костюм от знаменитого модельера
Pierre Cardin. 1990-е годы

здании стиля модерн по адресу Кузнецкий Мост, 14 в 1944 году открылся Московский дом моделей. Всего через четыре года он превратился в Общесоюзный дом моделей одежды «Кузнецкий Мост» (ОДМО) – главную организацию по созданию моды в СССР. «Одной из невероятных достопримечательностей города является Дом моделей, модный дом на Кузнецком Мосту. Это советский эквивалент Баленсиаги или Кристиана Диора» – так оценил ОДМО в 1957 году американский обозреватель Джон Гонтер.

Вопреки распространенным штампам мода в СССР все же была. Просто эксклюзивные модели, разрабатываемые плеядой талантливых художников-модельеров в ОДМО и его подразделениях, практически не доходили до широких масс, погибая в бесконечных упрощающих переделках на фабриках. Тем ценнее для посетителей выставки возможность увидеть модную одежду, которую создавали художники ОДМО.

Короткий красный плащ 1962 года из искусственного шелка с печатным рисунком и черный деловой жакет 1980-х годов с белыми ромбами и широкими плечами были созданы од-

ним из ведущих мастеров советской моды, Тамарой Файдель. Это имя сегодня, к сожалению, известно только специалистам. В ОДМО она пришла в 1953 году и еще успела поработать бок о бок с художниками старой школы – сподвижницами Надежды Ламановой. Как и великий модельер, Файдель – одна из немногих – соз-

Современные
горожанки
с интересом
изучают
городские
образы
прошлого

давала модели методом наколки. «Как архитектор моделирует современный город, определяя его вторую природу, так и художник костюма «лепит» оболочку человека, создавая его образ», – считала она. В коллекции ГИМ хранятся и другие модели талантливого модельера, которые, возможно, нам посчастливится увидеть на новых выставках.

Невозможно обойти вниманием и алое болоньевое пальто с рельефным узором в виде сердец. В 60–70-х годах XX века плащ или пальто из шуршащей болонь – эталон городской элегантности. Его автор – еще одна легендарная личность советской моды – Алла Левашова, работавшая в ОДМО с 1949 года. Именно она в начале 1960-х годов стояла у истоков создания оригинальной и качественной массовой моды в советской стране, того, что сейчас мы называем «прет-а-порте». Левашова считала, что «moda – не показ в роскошном зале, а улица с ее разнообразными требованиями». В своем желании одеть красиво обычных советских женщин она была схожа с Надеждой Ламановой. Увы, не всем стремлениям модельера суждено было сбыться, тем не менее она оставила свой яркий след в истории отечественной моды.

Модная девушка
в болоньевом
плаще от Аллы
Левашовой.
1974 год

ТЕАТР. «ЛОЖКИ БЛЕЩУТ»

Связующей нитью двух эпох – советской и нынешней – стало кутюрное платье из живописной парчи с жакетом-фигаро, украшенным золотной вышивкой в виде восточного огурца. Оно красуется и в витрине, и на афише выставки. Платье подарили музею знаменитый модельер Юбер де Живанши – последний рыцарь Высокой моды, как его называли за безупречно элегантные и изысканные наряды. «Он больше, чем кутюре, он – создатель индивидуальности» – так отзывалась о нем бессменная музя художника, актриса Одри Хепберн.

В 1985 году Живанши побывал в Москве и посетил Исторический музей. С собой он привез два наряда, из которых сотрудникам музея необходимо было оставить один, а второй передать в Государственный Эрмитаж. Выбор пал на комплект из красной парчи, созданный модельером в 1960-х годах. Спустя 37 лет он впервые представлен на выставке в витрине пространства «Театр» и благодаря своей праздничной яркости задает мажорный настрой всей экспозиции.

Жакет-фигаро прикрывал декольте дамы при вечернем выходе в 1960-х годах, а веком ранее с этой задачей великолепноправлялась вечерняя ротонда – длинная женская накидка без рукавов с прорезями для рук. Ее круглая форма, напоминающая садовые павильоны-ротонды XVIII века, была очень удобна для нарядов с широкими кринолинами. Ротонда, представленная на выставке, из черного бархата и шелка, с деко-

Образы разных лет для роскошного вечернего выхода в зоне «Театр». Справа – платье с жакетом-фигаро от Givenchy. 1985 год

Рассматривать на выставке изящные стеклянные флаконы от духов – отдельное удовольствие

ром из плетеного шелкового кружева, украшенная аграмантом из сутажа, шнура и стекляруса, вдохновила современного петербургского дизайнера Леонида Алексеева на создание для этой выставки кейпа – расширенной вручную вечерней накидки наших дней.

«Театр» выставки – пространство торжественности и эклектичного разнообразия. По словам кураторов, в этой части «витрины рассказывают не столько об образах для походов в театр, сколько о торжественных, вечерних, нарядных выходах, об особых событиях, приемах, о светской жизни, которой всегда богаты большие города. Впрочем, и сама светская жизнь тоже, в некоторой степени, – театр». Утонченно изысканные платья-туники 1910-х годов насыщен-

ного табачного и жемчужно-серого цветов, фасон которых был придуман французом Полем Пуаре, соседствуют с броской красотой и роскошью нарядов от современных дизайнеров: платья со львами Алены Ахмадуллиной и платья «Жар-птица» Анастасии Романцовой. Последнее было подарено музею после памятного показа в его стенах. Вечерний наряд из черной тафты Александры Коллонтай 1930-х годов, парчовые платья посольских жен 1960–1970-х годов, костюм с пелериной 1890-х годов для посещения театра на открытом воздухе – здесь демонстрируются выходные наряды разных горожанок.

Перед посещением театра можно заглянуть в зону «Салон красоты», где есть все для создания законченного вечернего образа любой из представленных эпох. От щипцов с горелкой для завивки локонов, которые больше похожи на орудие пытки, до удивительно красивых стеклянных флаконов для духов. Здесь, как нигде на выставке, чаще всего можно услышать «ой, у меня/моей мамы/моей бабушки были такие духи, крем, тушь, пудра». В одной из витрин есть даже рассыпчатая пудра «Театральная».

Золотые туфли из лайки
1900-е – начало 1910-х годов

ПАРК. «ПЕРЕМЕН ТРЕБУЮТ НАШИ СЕРДЦА»

С середины XX века образ города начал формироваться уже не только из повседневно одетых горожан, но и из представителей различных молодежных субкультур, у каждой из которых свой собственный язык костюма.

Обширная часть музейной экспозиции отведена образам молодых горожанок. В этом разделе выставки нет никаких витрин. Здесь им просто не место. Ведь это «Парк» – «пространство молодости, дерзости, возможно, провокационного, но точно яркого стиля, свободы самовыражения», – поясняет Тим Ильясов.

В отличие от намеренно эклектичной хронологии остальной части выставки молодежный стритстайл расположен строго по десятилетиям. Девушки-стиляги в ярких широких юбках из 1950-х годов; девушки в мини из 1960-х; чуть-чуть хиппющие из 1970-х; мечтающие о заграничных джинсах в 1980-е; шокирующие городских обывателей девушки-панки из 1990-х, а еще хипстеры и те, кто «на стиле» – из 2000-х. Символом городской моды последнего де-

сятилетия стал свитшот – удобный и универсальный.

Необычным решением оформления всей выставки стали специально созданные Татьяной Шмыковой исторически верные прически из бумаги. Наиболее впечатляющие они смотрелись в пространстве «Парка», где на головах манекенов можно было увидеть бабет-

В зоне «Парк» – молодежные образы: от девушек-стиляг 1950-х и панкующих девушек из 1990-х до современных горожанок «на стиле» в свитшотах

ты, каре, ирокезы, дреды или классические локоны...

Вероятно, эта выставка пришлась бы по вкусу тонкому ценителю женской красоты и нарядов Александру Сергеевичу Пушкину. Хотя, возможно, он воскликнул бы, что «кри-нолин, жакет, свитшот, всех этих слов на русском нет». Тем не менее ГИМ рассказывает именно про русский стиль, про модные предпочтения российских горожанок почти за 150 лет, показывает национальные особенности бытования заимствованных форм костюма на российской культурной почве.

Выставка «Кринолин. Жакет. Свитшот. Стиль большого города» собрана не только согласно пушкинскому «что пройдет, то будет мило». Она про возрождение отечественной индустрии моды, в которой вслед за такими прославленными именами прошлого, как Надежда Ламанова, Тамара Файдель и Алла Левашова, в наше время взошли на модном небосклоне новые звезды – Виктории Андреиновой, Алены Ахмадулиной, Светланы Тегин, Игоря Чапуриной, Леонида Алексеева и других. ●

ЛЕГЕНДЫ ДАГЕСТАНА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ГЕННАДИЯ КАРНЕЕВА

ЛЕГЕНДУ О ПОРВАННОМ МЕШКЕ В ДАГЕСТАНЕ РАССКАЗЫВАЮТ ЧАСТО. В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА БОГ ХОДИЛ ПО МИРУ С МЕШКОМ, В КОТОРОМ БЫЛИ ЯЗЫКИ. ИХ ОН РАЗДАВАЛ РАЗНЫМ НАРОДАМ. НО КОГДА ДОБРАЛСЯ БОГ ДО КАВКАЗА, ТО МЕШОК ЗАЦЕПИЛСЯ ЗА ОДНУ ИЗ ВЫСОКИХ СКАЛ И ПОРВАЛСЯ. ЯЗЫКИ РАССЫПАЛИСЬ ПО ГОРАМ И ПЕРЕМЕШАЛИСЬ. ВОТ ПОЧЕМУ, СОГЛАСНО ЛЕГЕНДЕ, В ДАГЕСТАНЕ ТАК МНОГО ЯЗЫКОВ...

и затем позируют фотографу, в доме Куртаевых начинается настоящее столпотворение. В большой кухне-столовой на втором этаже женщины месят и раскатывают тесто, готовят угощения – долму, пахлаву, разные виды пирогов и выпечки. Местные традиционные крытые пироги называются «чуду», они могут быть с мясом, зеленью, творогом. Есть «ботыши» – даргинские пироги с сыром и картошкой. Еще одно любимое местное блюдо – «хинкал», но его не следует путать с грузинскими хинкали. Это большой кусок мяса на тесте, которое нарезано квадратиками.

Во дворе дома мужчины суетятся вокруг котлов с пловом и пельменями, которые также непременно должны быть на столе. Соседа Куртаевых, Умара Магомедова, попросили приготовить плов, на который одного только риса ушло 5 килограммов. Кажется, таким количеством можно накормить 100 человек! Мы пытались подсчитать, сколько гостей пришло на свадьбу, получилось явно более сотни.

Согласно старинной легенде, жители села Кубачи выменяли красную корову на туман. Именно поэтому в Кубачи почти всегда погода туманная, и зимой, и летом

В

XIX ВЕКЕ В РОССИИ всех местных называли «лезгинами». В действительности в Дагестане живут авары, даргинцы, кумыки, лакцы, табасаранцы, таты и многие другие... Местные жители насчитывают в республике около 20 народов. Например, наш знакомый Юсул Ханмагомедов говорит, что его отец и мать – даргинцы, но из разных сел, поэтому частенько друг друга не понимали. Ведь даже такое распространенное слово, как «хлеб», в разных селенияхозвучит по-своему...

СВАДЬБА ПЕЛА И ПЛЯСАЛА

Мы торопились на свадьбу в село Кубачи, что в Дахадаевском районе республики. Дорога оказалась неплохой, хотя нас предупреждали, что ехать надо осторожно: трасса поднимается в горы, превращаясь в серпантин. Свадьбы на селе начинаются строго в одно и то же время – в 14 часов. Мы торопились, боялись опоздать, но оказалось, что на свадьбу в Дагестане опоздать невозможно. Пока молодожены Гаджи Ибрагимов и Фатима Куртаева регистрируют отношения в местном ЗАГСе

В той части двора, которая примыкает к улице, стоят длинные столы. За ними уже начали пировать, не дожидаясь молодоженов. Здесь сидят люди солидного возраста, в основном мужчины в кепках и шляпах. Это нас немного удивило: мы ведь привыкли к тому, что молодых усаживают в центр стола, а вокруг располагаются родственники. Но когда мы спрашивали о женихе и невесте, нам спокойно отвечали: «Скоро будут» и продолжали пировать.

В последнее время свадьбы все больше отмечают в ресторанах, попасть на сельскую свадьбу – редкая удача. Фатима и Гаджи будут отмечать свое бракосочетание три дня. Первый день гуляют в Кубачи – это родное село Фатимы. Потом свадебный поезд – машины, украшенные платками и лентами, – отправится в Хасавюрт, на родину Гаджи. На третий день в Хасавюрте в доме жениха будут принимать подарки. Женщины дарят посуду, скатерти, ковры, мужчины – деньги и золото. Только после этого Фатима будет считаться замужней женщиной и наденет традиционную для этого статуса одежду.

В первый день Фатима щеголяла в современном красном платье и, конечно, в платке. Белые платки, вышитые золотыми

цветами, создают мастерицы Кубачи. Платки замужних женщин украшают крупные цветы и узоры, а также широкая кайма с бахромой. По платку видно, замужем ли женщина.

Нас пригласили принять участие в празднике, угоститься в так называемой кунацкой комнате. Здесь на коврах и подушках расположились гости моложе 30 лет. На коврах же рас-

В селе Кубачи отмечают традиционную даргинскую свадьбу. Во дворе невесты Фатимы Куртаевой пируют люди в возрасте

ставлены яства, соки и алкоголь. Подруги невесты – в традиционных платках, остальные девушки без платков, как тут говорят, «непокрытые». «Первый день свадьбы мы отмечаем здесь, в Кубачи. Всем все нравится, потому что много привносится современного и происходит смешение обычая. Но традиции тоже остаются!» – говорит хорошеная бойкая Джамилия Алиханова. Тем временем напротив длинных столов во дворе разместились музыканты, поставили колонки, начали петь в микрофоны. Певцы – мужчина и женщина, – сменяя друг друга, пели до глубокой ночи. Гости танцевали лезгинку. В танце мужчина держит руки особым образом, имитируя крылья горного орла. Он как бы парит вокруг девушки, которая танцует, опустив глаза. Движения похожи, но у каждого получается свой танец. Мужчины подходят и сменяют партнера девушки, здесь нет табели о рангах, мальчик 13 лет может сменить пожилого мужчину.

Затем вышли танцевать только девушки: они шли друг за другом, составив огромный хоровод. Нам объяснили, что это азербайджанский танец. Вечером начали плясать уже на главной площади Кубачи – у подножия боевой башни. Было прохладно, многие пришли сюда со своими шерстяными клетчатыми платками. Укутавшись в них, женщины наблюдали за танцующими. Этот вечер считается смотринами, здесь матери выискивают женихов для дочерей, а парни приглядываются к девушкам. В 22.00 сюда же пришли и жених с невестой и станцевали свой свадебный танец. Потом жених в танце стали сменять другие мужчины, в руку Фатиме они вкладывали купюры – свадебный подарок. Это старинный обычай.

Лезгинка в Дагестане – это не просто танец. Мужчина, вытянув одну руку вбок и согнув другую, имитирует горного орла, который парит в вышине

МАСТЕРА-ОРУЖЕЙНИКИ

В Кубачи в каждом доме живет кузнец или мастер по обработке металла. Кузнец Абдулла Магомедов сует, что у него четыре дочери – некому передать свое мастерство. Ковка требует огромной физической силы, поэтому Абдулла скоро оставит свою кузницу и станет пасечником. Сейчас Магомедов кует коллекционные сабли. Для такой сабли делают сначала макет ножен из дерева, по которому потом изготавливают ножны из серебра. Этот процесс длится несколько недель: серебро плавят, раскатывают пластиинки, вырезают две части ножен, соединяют и украшают гравировкой. Порошок, который называется «чернь», нагревают, и он проникает в те места узора, которые были вырезаны. Опытный мастер рисует и гравирует узоры прямо на серебре. «Если оружие делали для мусульманина, на нем писали суры, если для представителя другой веры – пожелания разбить врага», – объясняет мастер Дауд Шахаев.

Раньше в Кубачи делали не только оружие, посуду и украшения, но и литые котлы двух видов – открытые и закрытые. Занимались резьбой по камню. Например, в собрании Государственного Эрмитажа есть рельефы на камне из Кубачи: борющиеся богатыри, орлы, диковинные кошки, стреляющий воин – все они относятся к XIV веку. Секреты своего мастерства кубачинцы строго хранили, именно поэтому раньше здесь женились только на «своих».

...От главной площади села поднимается узкая уличка, которая ведет в «старый город». Вечером здесь темно, ноги скользят на мокрых после дождя плитах, по обеим сторонам – низенькие дверцы домов. Нас пригласили в гости к художнику Абдулгамиду Канаеву. Он живет в Махачкале, но иногда приезжает в Кубачи, где восстановил дом своего деда. Особенности застройки в горных аулах таковы, что кры-

«Он настроит дымных келий по уступам гор, в глубине твоих ущелий загремит топор» – эти строчки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Спор» вспоминаешь, глядя на горные пейзажи Дагестана

Кубачи – это село оружейников. Мастер Абдулла Магомедов кует коллекционные сабли в своей небольшой кузнице рядом с домом

ша дома твоего соседа, живущего ниже по склону, становится твоей террасой. Соответственно, если хотя бы один дом разрушается, то он «тянет» за собой соседние. Поэтому Канаеву, например, пришлось реставрировать два дома.

Мы входим в прихожую дома Канаева, гостеприимный хозяин приглашает нас на второй

этаж, где располагаются несколько спален и гостиная с большим камином. Соседка Наргиз принесла лепешки-чуду, а Абдулгамид угощает блюдом «нисса» – это расплавленный на сковородке сыр. Гостиная украшена богатой коллекцией тарелок и кувшинов – мучалов. За чаем с лепешками мы беседуем об истории Кубачи.

БОЕВАЯ БАШНЯ

В Дагестане есть странная пословица: «кубачинцы выменяли красную корову на туман». Почему корова была красная и с кем они производили обмен – не ясно. Понятна только цель обмена: в тумане враг не найдет затерявшееся горное село. Действительно, здесь почти всегда облачно и стоит туман, да такой, что не видно ни окружающих село гор, ни главной достопримечательности – Кубачинской боевой башни. Однако нам повезло: рано утром из-за туч выглянуло солнце, и мы увидели одну из пяти сохранившихся боевых, или сторожевых, башен. Она напоминает о средневековом государстве под названием «Зирихгеран», которое управлялось советом старейшин. Здесь было свое войско из неженатых мужчин. В Зирихгеране жили мусульмане, иудеи, христиане и после-

Республика Дагестан – это дом представителей разных национальностей. Как нам рассказали, часто диалекты различаются даже у даргинцев, живущих в соседних селах

дователи зороастризма, с влиянием которого связывают архитектуру башни. Еще недавно в башне в обычных квартирах жили люди, однако она начала разрушаться. Восстановили ее в 2015 году, тогда же устроили здесь музейную экспозицию. Народный художник Республики Дагестан Юсуп Магомедов с 2018-го проводит здесь Международную биеннале печатной графики «Кубачинская башня», во время которой башня становится выставочным залом и местом проведения мастер-классов по

офорту. Внутрь заташивают тяжеленный офортный станок и печатают с цинковых досок гравюры. Экскурсии по башне водит Фатима Кешева – мастер декоративно-прикладного искусства, она преподает золотую вышивку в местной школе искусств. «Жители соседних сел считают кубачинцев богатым народом. И я этого не отрицаю. Мы богаты историей, традициями, которые сохраняем по сей день, – говорит Фатима. – К нам приезжают туристы, восхищаются. Вот вы видите на

Мучалы – водоносные кувшины, характерные для Дагестана. Ручек у них нет, женщины привязывают их лентами на талии. Одновременно это обереги, которые дают в приданое невесте

мне расшитый платок. Раньше соседние даргинки тоже носили платки, и у аварок тоже были покрывала-газы, но кубачинки платки расшивали золотыми нитями». В экспозиции музея восстановлены традиционные интерьеры и собраны предметы быта. «Вот смотрите, здесь наши знаменитые водоносные кувшины – мучалы. Их вы больше нигде в Дагестане не встретите, – рассказывает Фатима. – Характерная особенность – они без ручек. В кольцо продевают ленту или бечевку и носят сосуд на талии, а с другой стороны привешивают кувшинчик для баланса. Такие только в Кубачи делали. Наши невесты в приданое получали два мучала: латунный блестящий – это праздничный. И черный – на каждый день. Мучалы – это наши обереги. По легенде, когда в XVIII веке к Кубачи приближалось войско персидского шаха Надира, кубачинцы не знали, как отбиться. И один старейшина предложил вынести мучалы на плоские крыши домов, начинить их серой, положить на бок и поджечь. В итоге издалека мучалы смотрелись как пушки. Надир-шах испугался и увел войско. Так кубачинцы смогли спасти свое село»...

ЛЕГЕНДА О КОВРОВОМ УЗОРЕ

Путешествовать по Дагестану очень интересно. Мало того что вам открываются виды невероятной красоты. Практически в каждом селе, не говоря уж о городе, вам расскажут удивительные истории, познакомят с местными традициями или ремеслами.

Вот, к примеру, горное село Кюряг Табасаранского района, утопающее в рощах грецкого ореха, оказалось центром ковроткачества. Здесь в небольшом одноэтажном здании создают ковры с затейливыми многоцветными узорами. На огромном станке вертикально натянуты хлопковые нити основы будущего ковра. Между ними с помощью утка прядеваются шерстяные нити и в строгой последовательности – в соответствии с узором – вяжутся цветные узелки. Когда очередной горизонтальный ряд закончен, его «прибивают» к предыдущему специальными молоточками. Неудивительно, что в небольшой комнате не прекращается сильный стук. Как выяснилось, шерстяные нити в самом Кюряге не прядут, покупают готовые. Красят их натуральными красителями. Красный цвет получают с помощью луковой шелухи, черный дает

Дагестан в последнее время привлекает все больше туристов. Прекрасный климат, роскошная местная кухня, море и горы. Туристам рекомендуют взять машину напрокат и посещать древние аулы, дороги в Дагестане хорошие

кожура незрелого грецкого ореха, горчичный цвет – результат манипуляций с листьями липы, для голубоватого – используют сушеный анчоус. Только ярко-синюю краску приходится покупать, она – искусственного происхождения.

Целыми днями женщины сидят на маленьких табуреточках и ткут ковры. Вот сейчас пять мастерий заняты работой над огромным ковром в 3 с половиной метра. Ткать его они будут около трех месяцев. Затем ковер несколько раз промоют с мылом и высушат, чтобы проверить стойкость красок. Говорят, в прежние времена по готовым коврам пускали гулять

осликов, ездили по ним на телеге – и только потом мыли и сушили.

Рядом с каждой мастерней лежат эскизы узоров. О том, как они возникли, здесь тоже рассказывают легенду. Когда-то отец девушки по имени Сафар хотел выдать ее замуж за непобедимого. Она отказалась, и тогда отец запер дочь в темной комнате. Через несколько лет над несчастной сквишились и выпустили ее. И первым, что она увидела, выйдя из дома, была цветущая поляна. Так родился яркий узор ковра. В память о девушке самый распространенный в Табасаранском районе ковровый узор называется «сафар»...

Когда-то в Дагестане очень строго соблюдались адаты, неписаные правила. Например, выезжая на лошади из аула, надо было спешиться и вести лошадь в поводу

ЖИВЫЕ ТРАДИЦИИ

Вместить в один репортаж все те впечатления, которые переживаешь в Дагестане, просто невозможно.

Казалось бы, что может быть интересного в сборе винограда? Но на самом деле это просто невероятное зрелище. Оказывается, заканчивают собирать виноград аж в конце октября! Рассказали нам об этом в Дербентском районе республики, где мы оказались на виноградниках агрохолдинга «Татляя». 1800 гектаров засажены разными сортами винограда, включая «ркацители» и «первнец Магарача». Мы застали сбор сорта «агадаи», который и подают на стол, и делают из него десертное вино. Левой рукой сборщик берет огромную янтарную гроздь, правой срезает ее секатором и опускает в ведро. Три-четыре грозди – и ведро заполнено!

Едем дальше. Часа через полтора въезжаем в роскошные сады хурмы. Хозяин, Ширзад Ширалиев, рассказывает, что главная напасть для его садов – это... коровы. Оказывается, буренки очень любят сладкие оранжевые плоды...

И как можно забыть красивейшее высокогорное село Чох в Гунибском районе? Дорога из Махачкалы к нему заняла два

с половиной часа. Чох находится на высоте 2 тысячи метров, от захватывающих дух пейзажей здесь начинает кружиться голова. Этот аварский аул считается одним из древнейших в Дагестане – ему почти 800 лет! Говорят, через Чох когда-то проходил Великий шелковый путь. Раньше аул славился своими оружейниками и камнерезами, а в местном медресе изучали арабский язык и медицину. Здесь жили славные воины, которые смогли одолеть войско персидского Надир-шаха. В 1849 году многие дома здесь были разрушены во время осады села русскими войсками, которыми командовал

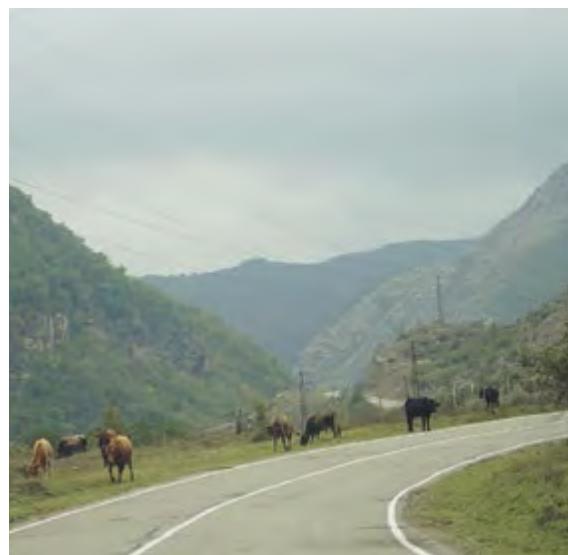
Дербентский район считается сельскохозяйственным. Виноград заканчивают собирать в конце октября. Хурма растет в частных садах, ее собирают в ноябре

князь Моисей Аргутинский-Долгоруков.

В начале 2000-х село пришло в упадок: в нем по большей части остались одни старики, молодежь разъехалась по городам. Но в 2010 году сюда вернулся Заур Цохолов, который решил возводить родной аул. Он построил дом-музей с гостевыми комнатами – «Этнодом». Казавшаяся поначалу безумной идея сработала: сегодня в Чох приезжает немало туристов, а пример Цохолова вдохновил других уроженцев села. В последние годы в Чох вернулось уже несколько семей...

А в Махачкале мы решили посетить открывшийся год назад конный клуб «Узден». Возглавляет его Айшат Алиева. В клубе немало красавцев-ахалтекинцев. «Это одна из древнейших чистокровных пород. Выведена она была на территории современной Туркмении около 5 тысяч лет назад, – рассказывает Айшат. – Между прочим, первая золотая олимпийская медаль в истории нашего конного спорта была завоевана в 1960 году в Риме Сергеем Филатовым, который выступал на вороном ахалтекинце Абсенте». В «Уздене» спортсменов не просто тренируют, а стараются возводить древние традиции. «Сегодня, к сожалению, многое утрачено. Когда-то у нас были адаты – неписанные законы, которые все соблюдали, – продолжает Айшат. – Например, верхом из села никто не выезжал, вели лошадь в поводу и садились верхом, миновав село. Нельзя было здороваться с человеком, сидя на лошади – это означало неуважение. Нужно было спешиться и только потом протянуть руку для приветствия. Вот мы и стараемся обо всем этом рассказывать молодежи».

...В Дагестане очаровывают не только природные красоты, гостеприимные люди и вкуснейшая местная кухня. Но и вот эта живая, пульсирующая нить – традиции, связывающие прошлое и настоящее. ●

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

МУЗА «КНИГОТОРГА»

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ПОМНИТЕ ЯРКИЙ ПЛАКАТ АЛЕКСАНДРА РОДЧЕНКО, РЕКЛАМИРУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНГИЗ», НА КОТОРОМ ДЕВУШКА В КОСЫНКЕ КРИЧИТ: «КНИГИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ»? НА ФОТОГРАФИИ ЛИЛЯ БРИК – МУЗА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО. ПЛАКАТ ПОЯВИЛСЯ В 1925 ГОДУ. И ДАЖЕ СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОМОГАЛ ПРОДВИГАТЬ КНИГИ В МАССЫ.

В 1965 ГОДУ В ОДНОМ КНИЖНОМ магазине Саранска долго не могли продать тома Маяковского с письмами поэта. Тогда продавщица Надежда Лошадкина вырезала из бумаги манжетки, написала на них «Письма Маяковского Лиле Брик» и вставила их в книги. Тома моментально раскупили. Надежда повторила опыт с другими книгами. И снова сработало. Директор местного «Книготорга» Софья Станишнева инициативу Надежды поставила в пример и перевела ее в главный книжный магазин города. Похвалой той Надежда Лошадкина гордится до сих пор и говорит, что идея пришла ей в голову потому, что «Станишнева заставляла читать книги, которые мы продавали»...

Есть много советских плакатов, призывающих покупать и читать книги. Но особо мне запомнился тот, на котором девушка в красной косынке и мужчина в рабочей фуражке перебирают томики на прилавке, а продавщица в строгом деловом костюме протягивает им книгу. Надпись на этом плакате знакома всем, кто вырос в Советском Союзе: «Книгу – в массы!» Надежда Лошадкина считает, что его автор вполне мог бы «списать» продавщицу с Софьей Станишневой, а местом действия избрать улицу Саранска, который в советское время активно застраивался фабриками и учебными заведениями. Здесь в то время как никогда нужны были книги. И их распространители.

Таким плакатом начал рекламировать книги в СССР конструктивист Александр Родченко

НЕУГОМОННЫЙ ДИРЕКТОР

Впервые имя Софии Станишневой я встретил, когда читал старый отчет с пленума областного комитета партии, прошедшего в 1948 году. В нем сообщалось, что директор мордовского «Книготорга» Станишнева срывает планы поставки антирелигиозной литературы в республику. Проявляет в этом важном деле халатность. После такой оценки недалеко было до отстранения от должности.

Многие из тех, кто тогда присутствовал на пленуме, знали Софью Станишневу еще с дооценного времени. Она была красива, одевалась со вкусом, работала в книжных магазинах, с ней было интересно общаться. Но после критики на пленуме в ее сторону боялись даже взглянуть. Шагая в тот вечер по улицам Саранска, Станишнева хмурилась. Что будет, если ее уволят? Не за себя она боялась, а за двух маленьких дочерей и стареньку маму, которая жила с ними. Как понять, придется ли ей в ближайшее время сдавать дела или пугали ее для профилактики? Ведь секретарю обкома она регулярно представляла для просмотра все книжные новинки. И он прекрасно знал, что муж ее погиб на фронте, а сама Станишнева все свое время

А призыв с этого плаката оказался среди тех, что нашли отклик в сердцах людей

отдает работе и заменить директора «Книготорга» некем...

О том, как работала Станишнева, многие люди старшего поколения в Саранске помнят до сих пор. Как-то в послевоенную зиму Софья услышала, что в бараке на соседней улице печку книжками топят. Она отправилась туда, вызвала хозяев на крыльцо и стала громко отчитывать. Неважно, какие это были книги – старые, рваные, ненужные. И неважно, что время тяжелое и дров нет. Лучше бы ей в магазин книги принесли. Вечером она со слезами рассказывала об этом дочерям и старенькой маме, для которых это был привычный разговор. Сколько раз, вернувшись за полночь из поездок в отдаленные районы Марийской Республики, Софья сетовала на то, как в сельских магазинах портили книги, сваливая их в кучу с другим товаром – керосином, маслом, мануфактурой. Разве можно терпеть такое соседство с томиками Пушкина, Толстого, Чехова? В такие моменты успокаивала Софью приходили даже соседи по коридору. Бывший помещичий дом был разделен на комнаты. Жили в нем работники книжной торговли – и уборщицы, и продавщицы, и грузчики. Во время войны сюда, а также в баню во дворе, поселили эвакуированных – тоже работников книжной торговли. Так что для соседей отношение Станишневой к книгам не было удивительным. Многие из них начинали работать книгоношами еще тогда, когда государство вело борьбу с неграмотностью. Книги доставляли буквально на своем горбу в отдаленные места и убеждали покупать их людей, которые читали вслух, водя пальцем по строчке. Так что коллеги, как могли, успокаивали Софью. Спасала ситуацию бабушка. Она обязывала голову Софьи мокрым полотенцем и отправляла внучек спать, хотя Галя и Римма были бы рады поговорить с мамой, внимания которой им явно не хватало. Рано утром Софья убегала на работу, возвращалась поздно. Это не мама, а бабушка проверяла домашние задания и запрещала внучкам рассказывать Софье о проблемах в школе и дома. А им так хотелось пожаловаться маме, что коза, которую им в голодный год подарили сердобольные люди, беспрестанно бодается, что бабушку на рынке опять обокрали и денег совсем нет. Софья только спустя годы узнала, что во время войны ее

ВСЁ РАДИ КНИГ

Родители Вячеслава Станишнева были против его союза с девушкой, родившейся в далеком Иркутске в 1910 году. Отец Софьи был инженером, строил Западно-Сибирскую магистраль. Мать, портниха, руководила швейной мастерской. Оба любили книги и приучили к этому пять дочерей. Но случилась беда: отец тяжело заболел, оказался прикован к постели. Семье пришлось продать часть акций железной дороги, другая была пожертвована церкви с молитвами о выздоровлении. Но в 1913 году отец скончался, мать распродала имущество и перебралась с дочками в Бугуруслан. Там Софья окончила девять классов школы, работала учителем в башкирском селе, занималась в драмкружке. Ее общественная работа в комсомольской ячейке и приверженность идеалам Советской России вызвали неприятие со стороны родителей ее жениха, Вячеслава Станишнева, владевших в Нижнем Новгороде мастерскими и небольшими фабриками. Им пришли не по душе кожанка и красная косынка будущей невестки.

Но молодые все же поженились в Бугуруслане. Софья перешла на работу в книжный магазин. В 1930-е годы супруги с маленькой дочкой Галей перебрались в Саранск, ставший тогда столицей Мордовской автономии. Вячеслав устроился на работу в «Мордовпотребсоюз». Семья Станишневых в Саранске привлекала внимание: у мужа были лучшие в городе охотничьи собаки и ружья, а у Софьи – лучшие наряды, которые шила ее мама. Вячеслав Станишнев пел и играл на аккордеоне. Софья любила декламировать стихи дореволюционных поэтов, особенно «Сумасшедшего» Алексея Апухтина. Станишневых часто можно было встретить в театре, на пикниках, велосипедных прогулках. Красавица Софья привлекала взгляды мужчин, что часто вызывало ревность супруга. Но она была неспособна к кокетству, в отношениях с людьми была прямолинейна, говорила то, что думала. Пять лет Софья работала в городском библиотекторе, в 1940-м была переведена в мордовский «КОГИЗ» («Книготорговое объединение государственных изданий», объединение книжных магазинов. – Прим. ред.), а в следующем году ее назначили его директором. Затем возглавила местный «Книготорг».

Место за книжным прилавком Надежда Лошадкина считает лучшим в жизни

матери ходила собирать мерзлую картошку на поля...

Если мокрое полотенце и тишина Софье не помогали, то применялось последнее и самое верное средство. Бабушка доставала заполненные неровным почерком листки, хранившиеся между страницами книг. Эти письма писались то на пеньке, то на коленке, то на орудийном лафете в перерывах между боями. «Дорогая Софья! – перечитывала Станишнева письмо мужа с фронта. – Как мне хочется сейчас попасть в Саранск, хотя бы несколько минут побывать вместе с тобою! Но, увы, это невозможно. Я чувствую себя отлично, глаз по-прежнему меток, так что бью по немцам без промаха. Ты спрашиваешь, страшно ли на фронте? Как тебе сказать... Всякое бывает, человек, он ведь не железный, с жизнью расставаться никому не хочется. Однако чувство страха – такая штука, которую все же можно одолеть».

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Коллектив мордовского «Книготорга». Софья Станишнева – в третьем ряду, крайняя справа

Ее непролетарское происхождение не помешало назначению, правда, она старалась не говорить о нем. Даже дочери долгое время были в неведении... Вячеслав Станишнев погиб 21 февраля 1945 года под Гданьском. А его письма семья в Саранске получала еще целый месяц. Софья хранила их и перечитывала в самые трудные моменты жизни. А их было немало.

Дочки редко видели Софью, общались с ней записками. А когда, соскучившись, приходили на работу звать маму домой, то едва пробивались сквозь толпу народа и кучу книг. Софья вместе с работниками магазинов то разгружала литературу, то связывала книги в стопки. Дочерей отправляла домой: «Давайте лучше там поговорим!» Но обычно дочери ложились спать, так и не дождавшись маму.

В военные годы, когда весь транспорт был мобилизован, рабочий день Софьи нередко заканчивался на копношне. Из всех транспортных средств у «Книготорга» в те годы имелась только лошадь. На ней развозили книги, на ней же возили дрова. Не раз морозной ночью Софья одна отправлялась в лес за дровами. Люди видели, как она правит лошадью, стоя в санях, и часто жалели красивую женщину, которая растит двух дочерей без мужа и вынуждена продавать его вещи: ружья, велосипед, одежду. И ладно бы работа у нее серьезная была. А так – книги развозит. Какой же это товар?

После окончания войны одной из главных забот Станишневой стало возвращение помещений «Книготорга», отобранных под нужды армейских и тыловых организаций. Помочь в этом деле ей никто не брался. Тогда книжные магазины не считались украшением Саранска, как, впрочем, и других провинциальных городов. «Какие книги? – говорили Софье в ответ на ее просьбы. – Они не портятся!» И тогда Станишнева написала в Москву – Вячеславу Михайловичу Молотову. Только после письма Молотова руководству Саранска «Книготоргу» начали возвращать помещения. Но все они были обветшавшими. Куда только не переносили склады «Книготорга»! И везде Станишнева видела старые сырьи стены, дырявые полы, шаткие ступени, покосившиеся двери и окна. Еще одной проблемой были крысы, жадные до новых, пахнущих типографской краской книг.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Магазин «Книжный мир» стал украшением центра Саранска

Несмотря на все это, упрямая Софья продолжала свое дело. Она была очень требовательна к своим подчиненным, будто они работали не в саралях и подвалах, а в столичных книжных магазинах. Надежда Лощадкина вспоминает, что Станишнева не принимала на работу в «Книготорг» бывших сотрудников продуктовых или промтоварных магазинов. Говорила, что их уже не переделаешь. Предпочитала брать девушек, только что окончивших школу. Обучала их, давала направление на учебу в московский книготорговый техникум. А некоторым – в Ленинградский институт культуры.

Часто можно было увидеть такую сцену: в какой-нибудь книжный магазин быстрым шагом входит директор «Книготорга» Софья Станишнева. Продавщицы за прилавками дружно встают. «Сидите, матушки!» – с иронией говорит Станишнева девушкам, которые часто присаживались полистать книгу и поболтать. Софья считала, что этого

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Выездные автолавки в СССР имели популярность

делать нельзя даже в отсутствие покупателей, и требовала унести стулья. Но и неподвижно стоящий продавец не устраивал строгого директора. «Ну, что ты стоишь как памятник?» – говорила она и сама вставала за прилавок. Нередко Станишнева работала как продавец на книжных базарах, устраивавшихся на главной городской площади. Она учила продавщиц, как надо разговаривать с покупателями, как привлекать внимание к лотку. Каждое воскресенье она обязательно шла в городской парк им. А.С. Пушкина, где организовывалась выездная торговля книгами. А еще Станишнева поощряла своих подчиненных ходить в выходные дни по домам и скупать у населения книги. Город рос, строились микрорайоны, и Софья требовала лучшие места для открытия новых книжных магазинов. В Саранске все они были открыты ее стараниями. Однажды на открытии нового книжного магазина хлынувшая толпа покупателей сорвала с Софии шарфик, но Станишнева рассказывала об этом с радостью. К слову, сама она всегда выглядела аккуратно: туфли на высоких каблуках, прическа – волосок к волоску. Того же требовала от подчиненных.

Когда молодые продавщицы жаловались Софье, что летом в больших залах книжных магазинов прохладно или что на разгрузке книг они ломают ногти, она в ответ рассказывала, как во время войны развозили книги на лошадке и ютились в сырьих подвалах. Ей не верили, считали, что директор агитирует.

КНИГИ БУДУТ ПОКУПАТЬ ВСЕГДА

Бурная деятельность Софьи Станишневой закончилась, как писали в старых романах, трагически. Была у директора «Книготорга» слабость: она не хотела уходить на пенсию и просила называть себя Софьей, без отчества – хотела казаться моложе. До поры до времени начальство закрывало на это глаза. Но в какой-то момент кому-то из партийных начальников не досталась очередная модная книжная новинка. И Станишневой припомнили и возраст, и то, что у нее всего девять классов образования.

Выходя на пенсию, Станишнева часто ходила в самый большой книжный магазин, чтобы, затерявшись в толпе покупателей, полюбоваться на забытые книгами полки, к которым тянутся множество рук. Позже, когда у Софьи испортилось зрение, она просила своих дочерей пройтись по книжным магазинам и рассказать ей, как они выглядят и много ли там покупателей. Выслушав отчеты, она кивала и заключала: «Какие бы события в жизни ни происходили, а книги будут покупать всегда».

Также она часто просила дочерей прочитать ей письма мужа с фронта. «Сегодня ночью почти не спал. Вся жизнь проходит в мыслях о вас... Не за горами наша победа, а с ней наша встреча и счастливая жизнь». С этими письмами Софья ознакомила писателя Ивана Пиняева. А тот включил их и описание подвига Вячеслава Станишнева в свою документальную книгу «Шла дивизия вперед», посвященную 326-й Ростовской Краснознаменной стрелковой дивизии, сформированной в годы войны в Саранске. Книга поступила в книжный магазин на главной площади города и была тут же раскуплена.

Этот огромный магазин с большими витринами напоминает о твердом убеждении Софьи Станишневой в том, что книжные магазины должны быть украшением города. Когда на первом этаже здания на Советской площади – центральной в городе – были выделены помещения под торговые залы, Станишнева, наверное, вздохнула с облегчением. Дочери ее вспоминали, что хождения по инстанциям ради этого помещения отняли у Софьи здоровье. Интерьер и планировку она продумывала сама. Сама же подбирала директоров и про-

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Софья Станишнева предпочитала исключительно деловой стиль

давцов. Для многих поколений жителей региона этот магазин стал окном в книжный мир. Здесь был единственный на весь город отдел литературы на иностранном языке, открытый по специальному разрешению «Книготорга» СССР. Помимо обычных отделов в магазине был большой отдел по искусству. В музыкальном отделе стояло пианино: покупатели могли сами оценить незнакомую пьесу или песню. Все продавщицы были в синих халатах, на лацкане – значок в виде раскрытой книжечки. Общество книжолюбов проводило здесь творческие встречи, на которые приезжали композиторы и литераторы из Москвы. Залы использовались для выставок местных художников.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Эту фотографию, где она с деревянными счетами, Надежда Лошадкина хранит как память об ушедшей эпохе массового спроса на книги

Рядом с этим книжным находился дом, в котором жил известный мыслитель и литературовед Михаил Михайлович Бахтин. Самого ученого в магазине не помнят, а вот книги его здесь, конечно, продавались. «На полках они не залеживались, – говорит Надежда Лошадкина. – Но у нас частым гостем был ученик Бахтина, преподаватель местного вуза Юрий Басихин, который дружил с продавщицами и рассказывал нам о своем учителе».

Увы, сегодня из тех книжных магазинов, что были открыты Станишневой, остались лишь единицы. Большинство сменило профиль, теперь в них продают все, что угодно, но не книги... Галина Вячеславовна – старшая дочь Станишневой, учительница русского языка и литературы одной из саранских школ – ушла из жизни зимой 2022 года. Галина Вячеславовна была так похожа на мать, что порой, когда она заходила в книжные магазины, старшие продавщицы принимали ее за Софью Станишневу. Между прочим, Галина Вячеславовна не посещала те магазины, которые перестали торговать книгами. Ведь она с детства видела, сколько сил ее мать потратила на продвижение книг в массы, и не желала мириться с действительностью, в которой книжные магазины закрывались под предлогом того, что книги не берут, покупателей нет, что все вытеснили электронные носители. Этот ее тихий, незаметный протест был данью памяти матери...

А ведь такие безвестные распространители книг, как Софья Станишнева, были в каждом советском городе, области, республике, в каждом захолустье. Биографии у них, конечно, разные, а судьбы наверняка похожие. Без их подвижнической деятельности мало что изменилось бы в нашей жизни, а плакаты с призывами «Книга – источник знаний» или «Книга – лучший подарок» скучно пылились бы на стенах. И не гордились бы мы тем, что СССР был самой читающей страной в мире.

...И пусть на том плакате с девушкой в красной косынке, рабочим и продавщицей образы, изображенные художником, условны и трафаретны. Но для меня та молодая женщина за прилавком – это Софья Станишнева, которая протягивает в вечность увесистый том и упрямо повторяет: «Книгу – в массы!»

ПАПИНЫ ДОЧКИ

АВТОР

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕРАФИМУ-СИМОЧКУ В ХРАМЕ ЛЮБЯТ. ПОСТОЯННО ЧЕМ-ТО УГОЩАЮТ, А ОНА ТУТ ЖЕ УГОЩАЕТ ДРУГИХ. ПРОТЯГИВАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ПЕЧЕНЬКУ, КОТОРУЮ САМА ЕДВА ЛИ МИНУТУ В РУКАХ ПОДЕРЖАЛА, И СМОТРИТ ПРЯМО В ГЛАЗА – С УЛЫБКОЙ, НО ПЫТЛИВО И НЕМНОЖКО ОЗОРНО. А В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ ТАКАЯ СЧАСТЛИВАЯ С ПОДНОСОМ ТАРТАЛЕТОК ВСЕХ ОБХОДИЛА...

И СЕРАФИМУ, И ЕЕ папу я впервые уви- дела летом 2021 года: они стояли передо мною в очереди к причастию. Девочка внимательнейшим образом изучала цепочку на шее отца, а тот держал дочь на руках и смотрел на нее так, что у меня

слезы наворачивались. Серьезно, чутко. Как же повезло крохе с отцом, подумала я. И еще поняла почему-то, что семья эта – издалека. Они только-только переехали тогда в Переславль-Залесский... Оказалось – из Северной Каролины, США.

ВОПРОСЫ СНАРУЖИ, ОТВЕТЫ ВНУТРИ

Каким ветром занесло американца в старинный русский городок? Почему он один воспитывает трех дочек? Почему не торопится обучать их русскому языку, почему старших в местную школу не отдал?..

Население Переславля-Залесского всерьез озадачилось этими вопросами, ведь город маленький, а Джейсон Кемпбелл – фигура приметная: снял домик в самом центре, моментально вошел в кружок инициативных переселенцев из разных больших городов, что клубится в арт-баре – опять-таки в центре Переславля. Вот он помогает устраивать здесь библиотеку – носит ящики с кни-

гами. Вот поет под гитару, вот в летнюю жару балагурит с кружкой пива среди друзей на берегу Трубежа... И мастерская у него своя – деревообработка. Но знают Джейсона все же по трем дочкам: такие красотки, как с открыто! И как он один с ними управляет?

Говорят, чтобы понять суть человека, достаточно увидеть, чем украсляет он свое жилище. Что на стене – то и в душе. В доме Джейсона, таком уютном – все здесь делают девчонки, убирают и стирают-гладят, – главное место занимают иконы. Одну из них, образ Преподобного Силуана Афонского, написал сам Джейсон, в крещении – Силуан. Мне икона нравится, автор же смущен: непрофессионально и краски не те! Рядом – икона семейная: Маргарита, Мария, Серафима и мать их Любовь. И тут же – отец Серафим Роуз с начертанной по-церковнославянски знаменитой своей фразой: «Сейчас позже, чем мы думаем». Икону же «Не рыйдай мене, Мати!» американец покупал в Англии – и ему как раз позвонили в тот момент с известием, что мать его умерла... Что ни образ – то строка биографии. Или даже целая глава.

ВАШ СЫН ПРЕКРАСНО БОЛЕН!

Сначала был просто Джейсон, кудрявый и лихой, абсолютный материалист. Отец – инженер, директор завода. Родовой дом в живописнейшем месте Северной Каролины. Удовольствия – только руку протяни. «До 18 лет я был безумен, избалован и богат, я искал только веселья и думал, как бы доказать всем, что я крут, свободен, независим...

Образ Спасителя – впереди, как путеводная звезда. Так на фото, так и в жизни

Маргарита, Мария, Серафима... И мать их Любовь. Икона, как женский оберег семьи Кемпбэлл, писана на заказ

Я непременно желал быть лидером, постоянно ходил по краю и влипал во всякие неприятные истории. В общем, вел себя плохо, меня часто штрафовали за антиобщественное поведение, я подводил семью, и родители наказывали меня работой в заводских мастерских. До сих пор помню эту металлическую стружку, грязь... Я отрабатывал штраф, но не исправлялся, и однажды они отправили меня в Россию». Так мальчик-мажор оказался в Самаре, где тогда, в 1993 году, обитали его дядя и тетя – протестантские миссионеры. На них-то и была вся надежда старших Кемпбэллов. Но кто ж знал, чем обернется для их сына эта поездка.

Миссионерская чета взялась за племянника крепко: чтение Евангелия каждый день, крещение в Волге. Парень действительно изменился, но случился побочный эффект: он полюбил Россию. Настолько, что захотел здесь жить. Мечта о переезде зародилась именно тогда. И это была не влюбленность, а любовь. «У меня не было «синдрома золотых куполов», это другое. Меня влекло нечто большее, чем я сам, – говорит Джейсон. – Впервые я понял, что мои представления о свободе были ложными, что я был заключенным системы. С удивлением я наблюдал, как люди в России ведут себя порою самым нелепым образом, но окружающие воспринимают их спокойно. Здесь у каждого есть неоспоримое право быть собой... Здесь не нужно ничего никому доказывать! Тебя примут любым. Я понял, каким же я был напряженным в Америке. А еще я встретил тут совершенно необъяснимую доброжелательность по отношению ко мне: случайные люди, увидев меня впервые в жизни, интересовались мною и хотели что-нибудь подарить, будто я их близкий родственник! И здесь же, через Евангелие, мне открылся Христос. Я понял, что христианство – это лекарство для человеческой души, и еще – что сам я очень болен».

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Христос оказался ближе и роднее всех родственников, и именно Его – открывшегося в России – Джейсон продолжал искать и на Западе. Вернувшись домой, он поступил в протестантскую семинарию в Оклахоме, стал дипломированным теологом... Но душа требовала иного. Пытаясь объяснить, что же конкретно толкнуло его к переселению в Россию, Джейсон прежде всего рассказывает о своем переходе в православие и вспоминает известный эпизод из жизни отца Серафима Роуза – американца, выходца из протестантской семьи, православного священника. Однажды отец Серафим в поезде разговаривал с молодым человеком, который упорно изучал русский язык, готовясь переехать в Россию. «Легкая и приятная жизнь часто порождает фальшь, а в России люди страшат за веру, и парень хотел познакомиться с настоящими христианами», – говорит Джейсон. Тяга к настоящему – именно этими словами можно коротко охарактеризовать главный вектор жизни Джейсона. Впрочем, с 2000 года уже – Силуана. Переход в православие совершился после нескольких посещений страны, где христианство сохранилось чудом после эпохи гонений. «Конечно, сейчас в России жизнь изменилась, даже в бытовом смысле она вполне удобна, но все же намного сложнее, чем на Западе. И это хорошо, это очень полезно для души. Даже сам климат, эти морозные зимы... Реальность, а не постоянный привычный комфорт,озвезданный в культе, – рассуждает мой собеседник. – Однажды у нас кончился газ, а на улице минус 25, проснулись ночью – такой холд! Мы с дочками растопили печь, получилось... Но главное, что я не знаю ни одной страны в мире, кроме России, где бы за последние двадцать лет стало не хуже, а лучше. Везде на Западе торжествует мусорная

Мария и Маргарита – интроверты, им вполне хватает общения внутри семьи. За улыбками прячут смущение

культура пластика и сияющих огоньков. А в России на моих глазах, с 1990-х, произошел ренессанс христианства. Сколько церквей реконструировано, сколько возведено, иногда открывались по три храма в день! Мне кажется, это самая захватывающая история в современном мире! И люди продолжают здесь жить нормальными традиционными ценностями. И в каждом городе, даже маленьким, обязательно есть музей с картинами...».

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД КАК ТОЧКА ВЗЛЕТА

Джейсон говорит о нашем времени как о тревожном и даже страшном, но: «я рад, что мои дети живут здесь, в России». Продав на родине дом и бизнес, он скончал за собой все мосты. Имея пока только туристическую визу и реально представляя себе предстоящие бюрократические сложности оформления вида на жительство, он утверждает, что игра стоит свеч. И дом уже – свой, постоянный – куплен в пригороде

Неизвестно, будет ли помнить Серафима, когда вырастет, Северную Каролину. А в Переславле-Залесском ее зовут «наше солнышко»!

Переславля, вот только достроить его надо немного.
«Я избавился от иллюзии, что можно построить Царствие Небесное на земле. Я пытался и даже думал, что у меня получается. Семья, бизнес... Но оказалось, что все может быть разрушено безвозвратно, и я не стремлюсь больше к земному раю, – признается Джейсон. – У меня была любимая жена, самый близкий друг, мать моих девочек. Я потерял ее – и теперь главное, чтобы мои дочери не стали заложницами культуры разрушения».

Нет, Любовь – так зовут мать девочек – не умерла. Но шизофрения – недуг внезапный, сокрушительно жестокий. Противостоять ему бывает выше человеческих сил, и иногда родственникам приходится смиряться с горькой необходимостью защищаться, а конкретнее – защищать детей. Надо видеть, как молится в церкви Мэри, средняя из дочерей

Джейсона (я про себя называю ее Машенькой), чтобы понять, что пережили эти дети. Тоненькая девочка с льняными кудрями стоит как свечечка, не присаживается даже во время чтения псалмов – когда по уставу можно, и на лице ее – свет нездешний. Такое и у взрослых-то прихожан редко увидишь, не то что у детей. И тут же, после службы, наблюдая веселую возню трех улыбчивых сестричек, понимаешь: эти дети растут в любви.

Первые образа из мастерской Джейсона. Он верит, что дело пойдет!

Каждый день семьи начинается и оканчивается у домашнего алтаря в папиной комнате

НЕУД ПО РУССКОМУ

«Ни слова по-русски!» – укоризненно качают головами пожилые соседки. А молодые репетиторши наперебой предлагаю Джейсону свои услуги. Но отец спокоен: язык придет. Выходец из США – плавильного котла наций, где многие эмигранты умудряются всю жизнь прожить, так и не выучив английский, – он понимает: не это главное. А из обычной массовой школы он забрал дочерей еще в Америке, когда обнаружил, что в классе старшей, Маргарет, есть ученик-трансгендер. «Вообще, эта ЛГБТ-повестка и прочие либеральные ценности пропитали сейчас все западное общество». – Джейсон достает смартфон и быстро, на мгновение, показывает мне фото некоего клоуна с огромными грудями, в одежде и парике кислотных тонов. «Это учи-

тель-транссексуал, он получил официальное разрешение преподавать в школе! И ты будешь еще спрашивать, почему я увез детей из Штатов?» – усмехается Джейсон.

Его дети сейчас в безопасности. Говоря о красоте, среди которой он хотел бы их растиль, и вспоминая при этом Достоевского («Мир спасет красота»), Джейсон имеет в виду отнюдь не среднерусскую природу. «Горы Северной Каролины, пожалуй, не уступают по красоте русским березам. Но когда моя мечта о возведении Царствия Небесного на земле разрушилась, когда я потерял жену, я посмотрел в глаза детей. Трех своих детей, которые прошли через огромное страдание, огромную боль. И понял, что самое лучшее, что я могу сделать для них, – это увезти их в Россию. И жить с ними тут, выполняя главную свою миссию,

родительскую. На Западе все говорят об успехе, успешности... Но если мои дети станут, к примеру, успешными нейрохирургами, будут иметь очень много денег и при этом забудут веру – это будет мой провал. Я не хочу потерять дочерей, как потерял все остальное. Родительство – это не математика, это искусство. И прежде, чем советовать мне нагружать их уроками русского, люди поинтересовались бы, что пережили эти дети, когда заболела их мать...».

Каюсь: и я дарила в прошлом году Джейсону толстенный англо-русский словарь. Пусть, мол, интегрируются.

«Но если мои дети проживут простую деревенскую жизнь, при этом оставаясь благочестивыми, это будет означать, что как родитель я преуспел. Настоящий успех не измеряется вещами, которые не возьмешь с собою на тот свет...».

СЧАСТЛИВЫЙ «БЕЗРАБОТНЫЙ»

Я слушаю Джейсона и не смею возразить, хотя уроки русского, на мой взгляд, вряд ли искривили бы магистральную линию воспитания христианок. Но он папа, он знает – что, когда и в какой мере нужно его детям.

В соседней комнате раздается вдруг упрямый, капризный рев, однако мой собеседник не реагирует. Тут же слышится голоса старших сестер, маленькая Симочка успокаивается... Конфликт разрешен, и вот уже это прелестное создание вбегает к нам и усаживается на диван, теребя в руках самодельную куколку из бумаги. Еще в храме я неоднократно замечала, насколько хорошо воспитаны все три юные леди. Послушны, но не зажаты, сдержанны, но не вымуштрованы. Приивыкшие не привлекать к себе

В скромности и строгости
растит дочерей
Джейсон.
Но главное –
в любви. Оттого
и улыбка с лиц
не сходит

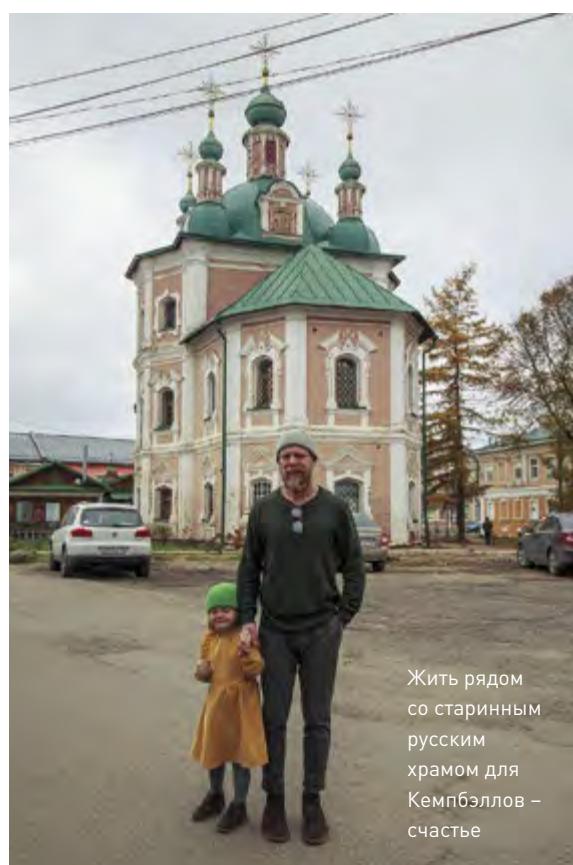

внимания, они неизменно святятся приветливостью – искренней, изнутри. Вот и сейчас Симочка елозит на диване, усаживаясь поудобнее, напевает что-то тихонько, сияет глазами, рассматривая меня, и ее присутствие только радует. А за стенкой продолжаются занятия в онлайн-школе: я уйду – Джейсон проверит, как справились с уроками Маргарет и Мэри. Утро же началось с молитвы – все вместе, минут десять. Перед православными иконами, на английском языке. Точно так же завершается каждый день, насыщенный трудами.

«Делай что тебе нравится – и тебе не придется работать ни единого дня в жизни!» Это любимая пословица нашего героя, и сейчас он, конечно, безработный. Смеется: «Православный с дипломом теолога-протестанта – ну как я могу работать по специальности? При таком раскладе я должен уметь что-то делать руками, а о деревообработке я мечтал еще с юности, со времен, когда отбывал наказание в заводских мастерских: там кругом металл, а я думал – вот было б дерево!..» Сейчас, в России – дерево. То есть дело,

которое нравится и которое, по пословице, работой можно и не считать. Джейсон изготавливает иконные доски. Недавно попробовал сделать печатную икону сам, от начала до конца: скачав из интернета любимый

Настоящий успех не измеришь вещами, которые не возьмешь с собой на тот свет

Жить рядом со старинным русским храмом для Кемпбеллов – счастье

образ, скорректировал его на компьютере, вывел на печать, затем наклеил холст на заранее подготовленную деревянную поверхность... Дело на поток не поставлено, но если плодами трудов русского американца заинтересуются конкретные епископы или игумены монастырей, он будет, конечно, рад. Хотя в дальнейшем Джейсон собирается мастерить мебель. «Может быть, церковную утварь. Служа Богу, человек должен стоять обеими ногами на земле. И делать что-то для людей. А что я еще умею?»

МЕЧТА ИДИОТА

И снова он рассуждает о красоте, о многих ее уровнях, самый высший из которых, конечно, божественный. Цитирует «Идиота», герой которого, князь Мышкин, чистотой и настройкой душевной оптики куда ближе Джейсону, чем любой «средний американец». И снова говорит о том, что христианину, по большому счету, все равно, где жить, но в сегодняшнем крайне нестабильном мире детям растить лучше всего в России. И о древнем русском Переславле-Залесском, посетив его однажды – прирос сердцем... А я смотрю на него и любуюсь: как же красив он сам и как же здорово, что можно сидеть вот так запросто с ним рядом – таким уверенным, цельным, таким настоящим. А в ближайшее воскресенье ими – всеми четырьмя Кемпбеллами – вновь будет любоваться весь храм. Три кудрявые ясноликие девочки – как цветы-маргаритки. И отец их – садовник... Дасть Бог, приживутся под нашим небом голубым. Я уверена – приживутся! А храм, конечно, тоже самый красивый в Переславле – Сорока Мучеников, что возвышается на берегу огромного Плещеева озера. Хотя Джейсону, возможно, наше озеро не кажется таким уж большим. Ведь чтобы реализовать свою (совсем не американскую!) мечту, он пересекнул через океан. ●

МОСКВИЧ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО В ПЕСНЯХ И СТИХАХ ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА ВЫСОЦКОГО СОДЕРЖИТСЯ НЕ МЕНЕЕ ПЯТИДЕСЯТИ УПОМИНАНИЙ МОСКВЫ? ПРИЧЕМ ЗАЧАСТУЮ УПОМЯНУТО НЕ ПРОСТО СЛОВО «МОСКВА» В ТОМ ИЛИ ИНОМ СМЫСЛЕ, ПАДЕЖЕ, СКЛОНЕНИИ, НЕТ. ДАЕТСЯ В СТРОКЕ ТОЧНЫЙ, УЗНАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИЙ АДРЕС, РАЙОН, ВСЕМ ИЗВЕСТНОЕ СТОЛИЧНОЕ ЗДАНИЕ, ДОМ, МЕСТЕЧКО.

ГДЕ БЫ ТЫ НИ ШЕЛ ПО Москве сегодня, а Высоцкий – вот он, словно идет или, скорее, ходил когда-то, с тобою рядом, невдалеке, впереди, и смотрел, чуть прищурясь, на вечный, но всегда меняющийся в деталях московский пейзаж.

Первое упоминание московское в песнях Высоцкого датируется 1961 годом. А последнее – 1978-м. Получается, все его поэтическое творчество замешано на Москве, на любимом городе, в котором родился, жил, пел, пил, играл, сочинял и умирал наш современник Высоцкий.

Высоцкий – москвич. И хотя упоминаются в его песнях Одесса, Ленинград, Париж, Нью-Йорк, Магадан, Тбилиси, Тула, Барнаул, Таити, Дели, Лондон, Будапешт, Буэнос-Айрес, Чикаго, Краснодар, Смоленск, Владивосток, Тамбов, Самара и прочие, прочие, прочие уважаемые географические точки планеты, это все, так сказать, разовые акции.

У Москвы – роль особая, главная. Именно Москва была мастерской Высоцкого.

Пятьдесят упоминаний города – у кого еще есть столько?

При этом песни, нарочито посвященной столице к большой дате, юбилею, Дню города, у него, разумеется, нет, да и быть не может. Выпячивать, приподнимать, выделять Москву из других городов Совет-

Владимир Высоцкий дебютировал в Театре на Таганке 19 сентября 1964 года

В середине 80-х годов прошлого века я работал школьным учителем, преподавал историю. И вот однажды, в январе, в зимние каникулы, решил сделать для желающих экскурсию по Москве Высоцкого.

В те годы такие внеклассные мероприятия пусть и не слишком одобрялись, но уже и не запрещались. Желающие нашлись. Человек пятнадцать старшеклассников.

О Высоцком начинали робко пописывать в газетках и журналах, до официального признания и посмертной славы оставалось еще несколько лет, а потому о жизни его мы знали не слишком много.

Маршрут я составил вполне классический, очевидный. Начало экскурсии у несуществующего, но зато как воспетого дома («на Первой Мещанской, в конце»), затем, пересаживаясь на троллейбусах, на Большой Каретный («кто в Большом Каретном не бывал?»), который совсем еще недавно был улицей Ермоловой, оттуда на Таганку, к театру («разломали старую Таганку – подчистую, всю, ко всем чертям»), затем на Большую Грузинскую улицу, к его последнему дому («кто-то въякнул в трамвае на Пресне»), а там уже недалеко и Ваганьково.

ского Союза он не собирался. И песенные сюжеты московские стали близкими, понятными всем, а не только жителям нашего города.

Ну как тут годятся, согласитесь, в официально праздничные мероприятия такие, например, сатирические строки:

Я однажды гулял по столице и
Двух прохожих случайно зашиб...
Ну никоим образом, не годятся, верно ведь? Никогда и ни под каким видом.

Или вот такие будто бы бодрые настроения:

Я самый непьющий
из всех мужиков,
Во мне есть моральная сила,
И наша семья
большинством голосов,
Снабдив меня списком
на восемь листов,
В столицу меня снарядила.

Музей
Владимира
Высоцкого
на одноименной
улице открылся
в 1992 году

Своего автобуса в школе не было – редкость! – поэтому прикидывал я маршрут серьезно, тщательно. Надо было учесть время и рассеивающееся внимание школьников, какой-то перекус, ведь общепит тогдашний подразумевал обязательные очереди, туалет по дороге, зима, холодно, соотнести все это житейское с раскрытием темы, с тем немногим, что я знал тогда.

Текст экскурсии в основном был волнующей импровизацией.

Вышло неплохо, а самым трудным оказалось совместить Большой Каретный с Таганкой, уж больно долго ждали на Садовом кольце холодный и заполненный под завязку троллейбус «Б», ведь метро «Цветной бульвар» пока не существовало.

И привычного теперь памятника Высоцкому у Петровских Ворот тогда не было. «Не поставят мне памятник в сквере, где-нибудь у Петровских ворот».

Иначе там мы постояли бы обязательно. Нынче для меня это самое-самое «высоцкое» место в Москве, даже и не могу толком объяснить, почему так...

Когда в школе весной устроился вечер памяти поэта, класс мой на четвертом этаже не вместил всех желающих. Значит, в январе мы мерзли не зря.

Подборку песен к вечеру на магнитофон «Маяк» мне помогли переписать с разных лент на одну старшеклассники, я-то с техникой любого рода был, мягко говоря, не в ладах.

Роддом на улице Щепкина, бывшей 3-й Мещанской, где утром 25 января 1938 года появился на свет Володя Высоцкий

Памятник поэту на Ваганьковском кладбище установлен в 1985 году. В 2020-м автор, скульптор Александр Рукавишников, внес изменения в первоначальный замысел. Высоцкий, как говорили в Москве, «изменился в лице»

Таганка.
Служебный
вход в театр.
В перспективе –
церковь Николая
Чудотворца

Ныне с экскурсией по Москве Высоцкого я, пожалуй бы, затруднился.

И не потому, что о нем теперь все или почти все известно.

Известно про его женщин, долги, диагнозы, больницы, роли, которые не сыграны, адреса, где жил, снимал, бывал, выступал, записывал песни... Появились десятки книг и сотни воспоминаний, сняты документальные – качественные и не очень – фильмы о нем, снят даже один художественный фильм, о котором и говорить-то не хочется. Появились памятные доски (даже вот на стенах роддома, где он родился, и на стенах Дома культуры, где последний раз выступал за неделю до смерти), появились улицы, памятники и музеи его имени.

Занавес посмертного официального признания приоткрыл в год пятидесятилетия – в 1988 году. Именно тогда прошел в январе по телевидению, прошумев на всю страну, четырехсерийный фильм Эльдара

Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким». Профессиональная работа.

На Гоголевском бульваре, в тамошнем «Фотоцентре», экспонировались чуть ли не месяц его

фотографии, продавались буклеты, плакаты и копии афиш спектаклей Театра на Таганке, в которых играл Высоцкий.

Посмертная популярность его с каждым годом нарастала. Кни-

Большой
Каретный, 15.
Дом и двор, где
прошла юность
Высоцкого

ги выходили новые и переиздавались старые, одна смелее другой.

И поначалу я, как и все остальные, охотно ловил и проглатывал, пропускал через себя свободно и даже восторженно льющуюся информационную волну, неутихающую и вроде бы обязательную к ознакомлению. А потом вдруг – охладел, как очнулся.

...В парикмахерской по радио передавали «Охоту на волков».

Когда песня закончилась, мой давнишний знакомый, парикмахер Рустем, негромко заметил мне на ухо:

– Наркоманом был...
Я опешил, но спросил Рустема:
– А что-нибудь еще знаешь о нем?
– Голос знаю, – ответил парикмахер Рустем. – Голос не спутаешь.

Арбат, на
котором
Высоцкий
никогда не жил,
но жил персонаж
его известной
песни

В здании бывшей
Пятой швейной
фабрики после
реконструкции
можно провести
и банкет с караоке

Изучением творчества Высоцкого я не занимаюсь. Видимо, не хватает исследовательского пыла. Папочку с желтеющими вырезками из старых газет и журналов, равно как и про чий архив, больше не собираю. В моей библиотеке книг пять о поэте. Всего лишь.

Зато песни Высоцкого я слушаю давно, с 1977 года. И поэтому, наверное, вся Москва переплетена у меня с его именем и мне трудно найти городской маршрут без Высоцкого.

Вот, скажем, еду на дачу, что может быть обыкновеннее для москвича? А дача у меня по Савеловскому направлению. Как говорится, тороплюсь в родные пенаты.

Выходишь из метро к поездам и поет тихонько, этак озорно и молодо внутри: «В меня влю

Савеловский вокзал открылся для пассажиров в 1902 году. После реконструкции 1987 года похорошел, вырос, стал двухэтажным

блялся вся улица и весь Савеловский вокзал...»

Даже и оглядываешься, не слышит ли кто из молодежи... Какой-то пенсионер в лыжной шапке... Что он несет-то?! Обалдел, дядя? Вокзал изменился, он стал красивее, выше, пригоже. У вокзала на площади удобнейший мини-вокзальчик для автобусов. Прекрасное изобретение

городских властей. Ну, не хочется тебе в метро – пожалуйста, вот автобус до «Динамо», вот до Лужников, куда хочешь, хоть до Большого театра... И подарю тебе Большой театр и Малую спортивную арену... Раньше, при жизни Владимира Семеновича, вокзал Савеловский относился к Свердловскому району, как и Большой Каратный переулок, Петровка, Цветной бульвар – места, где, собственно, и началось его творчество. Пока перекуривалась на площади в ожидании электрички, вспомнишь не только Большой Каратный, но и Малый.

Совершенно случайно обнаружил в нем давным-давно швейную фабрику №5, в которой – помните? – «такое вряд ли кто пошьет...». Тогда это было мрачноватое здание красного кир-

Мемориальная доска поэту
на Большой Грузинской, 28

пича, а теперь, после ремонта, особняк хоть куда, и там по сию пору нечто швейное, но уже с иностранным акцентом. Продовите? Малый Каретный, тринадцатый дом.

Ты, Зин, на грусть нарываешься,
Все, Зин, обидеть норовишь...

Именно на Пятой швейной фабрике в Малом Каретном работала эта Зина.

Вот проезжаем платформу «Шереметьевская», над головами идет на посадку самолет. И сразу возникает само собой: «В Шереметьево, в ноябре третьего, метеоусловия не те...»

Вы говорите, это не Москва, а область? Пустое, как отделить аэропорт Шереметьево от Москвы. Кому это надо?

А в Долгопрудном, в знаменитом и престижном Физтехе, Высоцкий неоднократно выступал. – Впрочем, – скажет скучный педант, – это тоже Московская область.

Но и в городе так постоянно. Незримая связь города с творчеством. Или наоборот? Объявляют, например, в автобусе: «Остановка – Больница имени Боткина! А у Высоцкого сказано веселее: «Мне знаком товарищ Боткин, он желтуху изобрел...»

Стройкой ранее тоже про известное московское медицинское учреждение: «Мне приятен Склифосовский, основатель института...»

А в 1962 году он написал так:

Налетел на самосвал,
к Склифосовскому попал,
Навестить меня ты даже
не пришла!

Сколько большой человеческой драмы в этом «даже», не правда ли? Именно здесь смеешься в обязательном порядке.

И вот так – про всю Москву, с севера на юг, с запада на восток. Диапазон – как у приятелей из

Малая Ордынка
во многом
сохранила свой
исторический
облик

Психиатрическая
больница имени
Алексеева,
в народе –
Кашенко,
тоже персонаж
его песен

знаменитой песни: «Ему же в Химки, а мне в Медведки...»
Вот «северные» примеры, пожалуйста:

А вещи – теще в Марьиной Роще!

Или:

*Эй, шофер, вези в Бутырский
хутор...*

А вот свидетельства из самого что ни есть столичного центра:

*До свидания, я – в ГУМ,
за покупками,
ГУМ – это вроде наши амбары,
но со стеклами...*

Или:

*Тут стоит культурный парк
по-над речкою,
В нем гуляю и плюю
только в урны я...*

Или еще:

*Довольный, что его не узнавали,
Он одеяло снял в «Национале»...*

Ну и конечно:

*Жил я с матерью и батей
на Арбате, здесь бы так...
Запад столицы? Не вопрос.
Мишка также сообщил
по дороге в Мневники...*

Южнее? Легко.

*Ну и дела же с этой Нинкою!
Она жила со всей Ордынко...*

Куда ни пойдешь в нашем городе, про все и про всех Высоцкий уже когда-то заметил, запомнил, придумал, спел и взял, таким образом, с собой в исто-

рию. В историю русской литературы.

Точно и тонко сказала об этом актриса Таганки Алла Демидова.

«У Высоцкого был абсолютный слух на язык улицы. <...> У Высоцкого-поэта слово приходило с улицы и, очистившись его талантом, на улицу уходило. В его творчестве – прорыв к каждому. Может быть, любили его и не все, но знали все. Вся страна. Отцы и дети. Старики и молодежь. Космонавты, пионеры, шахтеры, студенты. Его интерес – жизнь всех. У него нет злых песен, хотя он касался разных, отнюдь не самых светлых сторон жизни...».

Отвечая на вопрос о любимом месте Москвы, он коротко ответил: «Самотека». Никак не расшифровал, к сожалению.

Есть ведь Садовая-Самотечная улица и есть Самотечный бульвар. Есть Самотечная площадь и Самотечные переулки. Весь этот мирок разрезается надвое Садовым кольцом и эстакадой. Гуляя здесь, как не вспомнить: *Из окон на пленных глаза* *Москва свысока...*

Дом №5 по Садовой-Сухаревской вошел в фильм «Место встречи изменить нельзя». Именно на ступеньках этого здания и сует незаметно Жеглов кошелек в карман Кирпича... Случайно ли выбрано место?

К mestечкам московским Высоцкий, большой знаток города, относился внимательно.

Про Пятую швейную фабрику, Савеловский вокзал, Склиф и Боткинскую больницу я уже упоминал.

А есть и такие приметные медицинские строки:

*Если б Кащенко, к примеру,
Лег лечиться к Пирогову,
Пирогов бы без причины
Резать Кащенку не стал.*

Вы ведь наверняка гуляли по Большой Пироговской улице? Хотя бы разок? От Зубовской площади к Новодевичьему монастырю. Отличный маршрут. Памятник Пирогову и больнич-

На ступеньках
этого дома
Жеглов,
к изумлению
Шарапова,
сует кошелек
в карман
Кирпича
(фильм
«Место встречи
изменить
нельзя»)

ные корпуса его имени в тех краях нельзя не заметить.

Стадион «Лужники» (Центральная спортивная арена), Малая спортивная арена (там же), театры – МХАТ, Таганка, Большой, рестораны – «Националь» и «София», ГУМ, Центральный рынок, завод «Компрессор», Парк культуры, гостиница «Советская», Бутырская тюрьма и тюрьма Таганская, МУР (Петровка, 38), зоопарк (зоосад), известное каждому москвичу, да и многим приезжим, месечко под названием «Три вокзала» – все это его песенные

московские адреса, точные, выразительные.

Со временем, с возрастом, они мне стали дороже знаний о том, где жил, с кем жил и когда именно жил Владимир Семёнович Высоцкий.

Возвращаюсь домой. Замечательный трамвай «Витязь» лихо выныривает из-под Автозаводского моста, притормаживает на остановке. В большое окно справа виден трехэтажный угловой домик, бывший Дом культуры имени Парижской

Памятник
хирургу
Николаю
Ивановичу
Пирогову
открыт в Москве
в 1897 году.
Скульптор –
Владимир
Шервуд.
Первый
памятник врачу
в столице

Коммуны, Большая Тульская улица, 44.

Здесь 27 марта 1980 года Высоцкий дал один из своих последних концертов. Исполнил, как утверждают специалисты,

35 песен. И я этот концерт хорошо себе представляю. Как было здорово, смешно, грустно, нежно, трогательно и опять смешно, как не хотелось зрителям уходить...

Улица Высоцкого образована из двух Таганских тупиков – Нижнего и Верхнего

Вот представить, что в этом январе ему бы исполнилось 85 лет – труднее. Не получается. Ныне здание на Тульской почему-то заброшено, хотя построено было на совесть.

Надо бы озабочиться городской власти. Мемориальную досочку после ремонта не позабыть.

«Нет, совсем не случайно, – думаю про себя под мягкий трамвайный ход, – в песнях, ему посвященных, земляки – Булат Окуджава и Юрий Визбор – подчеркнули московский акцент».

У Окуджавы:

Белый аист московский
на белое небо взлетел,
Черный аист московский
на черную землю спустился.

У Визбора песня памяти Высоцкого и вовсе называется – «Садовое кольцо».

Пишу тебе, Володя,
с Садового кольца...

Большая
Тульская
улица, 44.
ДК имени
Парижской
Коммуны.
Здесь прошел
один из
последних
концертов...

ПАПУАСЫ ВОДЫ И ГОР

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПАПУАСЫ НОВОЙ ГВИНЕИ ДЕЛЯТСЯ НА ТРИ КАТЕГОРИИ: «ЖИВУЩИЕ НА ГОРАХ, НА ВОДЕ И В ДОЛИНЕ» – ТАК ИЗЛАГАЛ НАШ ПРИЯТЕЛЬ ЭБИУС. КОНЕЧНО, ДУМАЛ Я, ОН НЕКОРРЕКТНО УПОТРЕБЛЯЛ ПРЕДЛОГИ. И СОВСЕМ НЕ ОЖИДАЛ ПОПАСТЬ К ПАПУАСАМ, БУКВАЛЬНО ЖИВУЩИМ «НА ВОДЕ».

Из Джаяпуры мы на-меревались лететь в горную долину Бали-ем – этнографический заповедник Новой Гвинеи. Эбиус собирался ехать с нами – показать свою родину, но в последний момент у него возникли срочные дела в Сарми.

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №10, 11, 12 за 2022 год.

Так что мы, ожидая возвращения Эбиуса, отправились в деревню Аяпо на озере Сентани. Это одно из самых интересных папуасских поселений недалеко от Джаяпуры. В этномузее города впечатлила деревянная статуя змеи – тотемного предка жителей озера. А старые фото деревни походили на рисунки Миклухо-Маклая: хижины на высоких помостах.

«ДОМ РАДУГИ»

Одер сама предложила съездить в Аяпо – у нее там живет подруга. На мотоциклах домчались до пристани Калкоте на северном берегу озера Сентани. Нужно было переправиться на противоположный берег. Пока ждали лодку, разглядывали в воде местных эндемиков – красных радужных рыб: настоящие «золотые рыбки», косяками снующие у причала. Благодаря им озеро получило название «Дом радуги». Местные, правда, с рыбками не церемонятся, ловят их на леску. И не ради заветного жела-

Хижина Николая Миклухо-Маклая на мысе Гарагаси. 1871–1872 годы

Рыбачка Сара. Гроза
«золотых рыбок» в Калкоте

ния – просто на обед. А зарабатывают здесь многие выращиванием на воде «саюра» – местной съедобной зелени. По кластерам ячеек с саюром можно определить большие хозяйства.

Аяпо кажется поселением из другого мира. Деревня большая, но в ней нет ни одной машины. Уже в километре от причала земляные улицы и дороги упираются в девственные горы. Основной транспорт здесь лодка, попадаются даже традиционные долблёнки.

Дома в самом деле стоят на сваях, возвышаясь над землей на 1–2 метра. Точнее, большая часть стоит над водой у самого берега. Вразумительного ответа, зачем так строить, если на берегу достаточно места, мы не добились. Самые дальние улицы идут по кромке крутых гор, обрывающихся в озеро. Собственно, улиц там никаких нет – попасть в дома можно только с воды.

Большая часть жизни аяповцев протекает над водой. Водопровод здесь, так сказать, естественный – под ногами. Живут, хозяйством занимаются, устраивают посиделки, играют – всё в домах и на больших настилах перед ними. И творчеством тут же занимаются. На стене одного дома увидели забавный декор

из папье-маше в виде бегающих папуасов.

Единственные домашние животные – пороссята, в большом количестве снующие по улицам как какие-нибудь куры в российской деревне. Есть и черные, и розовые, и смешные полосатые метисы.

Путри Эпа, подруга Одер, с гордостью заявила, что ее родной Аяпо уже тысяча лет. Местные говорят, что никакого каннибализма здесь никогда не было. Хотя местная мифология заставляет в этом усомниться:

В больших ячейках на озере Сентани выращивают зелень, напоминающую шпинат

Полы на террасах сделаны в основном из досок. Встречаются и традиционные варианты из распиленных вдоль половинок бамбука

11 вождей Сентани, прежде чем основать свои племена, на великом пиршестве разделили некоего «мистического человека» на 11 частей и съели...

В Аяпо мы застали подготовку к пиршеству по случаю 90-летия местной церкви. Старейшины под навесом обсуждали, как отпраздновать это событие. Решили построить сцену для выступлений. И сразу взялись за дело. Собрались мужики, притащили жерди, доски, застучали молотки – сцена росла на глазах.

Церковь – протестантская, с полумесяцем на воротах и гордым названием «Елим» (сокращенное «Иерусалим»). Само здание «именинницы» относительно новое – большое сооружение из камня и бетона. В церкви мы попали на предпраздничную трапезу. Отведали папедного киселя с «рыбой номер 9» (так ее называют местные. – Прим. авт.) и моллюсками «бия».

По склону горы у церкви тянутся череда маленьких домиков под двускатной крышей. Одни – с капитальными стенами, другие – держатся на одном каркасе. Так выглядит деревенское кладбище. Путри рассказывает, что здесь же над кладбищем устраивают «фейерверк» на Пасху – поджигают сухую траву.

КОРЕННОЙ ДЖАЯПУРЕЦ

Эбиус сообщил, что останется в Сарми еще на несколько дней, и мы решили не ждать его и летеТЬ в горы. Предстоящая поездка будоражила: сможем ли мы самостоятельно установить контакт сaborигенами в глубинах Папуа? Последний день перед вылетом мы провели у друга Эбиуса, протестантского пастора Алекса, который живет рядом с аэропортом. Алекс – коренной джаяпурец. По племенной принадлежности он «метис». Отец – лани из долины Балием, мать – представительница племени острова Серуи. Встретились они в Джаяпуре. Отец служил в полиции, а Алекс выбрал иную стезю. Причиной тому – пастор ближней церкви, «очень мудрый и добрый», который вдохновил Алекса служить Богу. Алекс успел послужить на Яве, в Балиемской долине, а также на Филиппинах, где и выучился английскому языку. Миссионерствовал в отдаленных горных районах Папуа. Утверждает, что сейчас 95 процентов папуасов – христиане, есть некоторое число мусульман, а язычество искоренено вовсe. Племя, живущее традиционными верованиями и незнакомое с цивилизацией, сегодня найти почти невозможно. Последнее такое племя обнаружили в горах между Набире и Мераяке в 2001 году. Но при этом пережитки язычества у христиан-папуасов сохранились: вера в обереги и амулеты, «концерты» для умерших, их мумификация...

Дом пастора стоит на краю поселения, под горой. Мы не могли не воспользоваться случаем углубиться в горные джунгли. Пастор повел нас по тропе к своему любимому месту – бурному водопаду. По обеим сторонам тропы росли красные дикие ананасы. Местные называют их «нанасами». Плоды съедобные, но ни одного спелого нам по пути не попалось. По дороге Алекс рассказал про некие «цветы джунглей», которые местные собирают и продают. Правда, нам они не попались, зато мы увидели их собирателя: папуас

Церковь пастора Алекса. Сюрпризом было увидеть здесь помимо прихожан небольших ящериц, выползающих на белые стены

полз по отвесной круче, цепляясь за кусты и корни...

Перешли несколько раз вброд горную речку, пока не оказались в настоящей чащобе: тропа заросшая, огромные тропические деревья создают густой полумрак, а сквозь лианы приходится порой прорубаться. Неспроста Алекс взял с собой мачете. Птицы перекрикивались очень необычно: слышны своеобразные посвисты, что-то вроде кукушки, перебирающей ноты разной высоты...

На прощание пастор Алекс подарил мне подвеску с кабаньим зубом, которую, как уверял, нашел на дне водопада

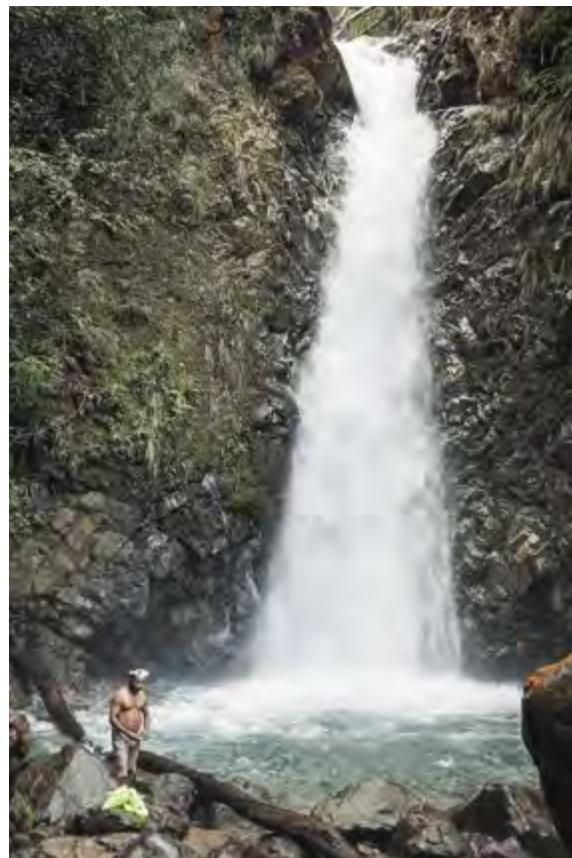
ЗАТЕРЯННАЯ ДОЛИНА

В столицу Балиемской долины – город Вамену – мы летели на небольшом винтовом самолете. Первый раз в жизни. Волновались. Особенно после того, как на пассажирских креслах заметили молитвенные карточки для шести конфессий на разных языках... Долетели, слава Богу, без приключений, даже не тряслось в воздухе. Балиемская долина – уникальное место Новой Гвинеи. Только в 1938 году эту густонаселенную местность случайно заметили с самолета. А первые исследователи попали сюда лишь шестьдесят лет назад.

Климат в долине не такой, как у побережья. Наконец-то никакой духоты! Воздух свежий, прохладный, приятно греет солнце.

Вамена – единственный настоящий город в Балием. За последние десять лет он вырос вдвое. Теперь сюда можно и на машине доехать из Джаяпуры (придется ехать по плохой и очень плохой дороге три дня. – Прим. авт.). Впрочем, деревенские атавизмы здесь налицо: например, низкие деревянные заборы из разнокалиберных досок и палок, увенчанные «крышой» из дернины. Оказывается, таким способом борются с быстрым загниванием древесины в сыром климате. Кажется, сомнительный способ. Больше похоже на то, что новый забор накрывают сухой травой, которая быстро прорастает.

Мы не хотели задерживаться в городе. Но куда идти в горы? Вопрос непростой. На гугл-картах

тропы почти не обозначены. Попробовали другие сервисы и нашли один с довольно подробной детализацией местности. Решили направиться в ущелье реки Балием, вниз по течению, подальше от цивилизации.

До села Курима 30 километров проехали на «такси». Так здесь называют старые семиместные джипы, в которые набиваются 14–16 человек. Ездят они от рынка Вома, что рядом с аэропортом. На рынке мы впервые увидели голого папуаса. Старики торговали папайей, быстро распродал товар и... полез в тот же джип, что и мы. Из одежды на нем был только синий берет с изящным белым пером и «котека». Последняя – это своего рода чехол для пениса. Де-

лают ее из тыквы особого сорта, на которую привешивают камни, чтобы она росла тонкой и длинной. Выхолощенную тыкву высушивают и надевают, привязывая ее веревочками к поясу. Фотографироваться старики соглашался только за плату: туристы в Вамене не редкость, и всякий папуас знает, как на них зарабатывать. Впрочем, получилось пообщаться с ним – индонезийский язык здесь знают почти все. Помимо прочего это и язык межплеменного общения. Старики говорили, что ему не холодно, привык ходить голым с детства. Мы же кутались в куртки – солнце скрылось, машину продувал холодный ветер...

До самой Куримы мы не доехали: нас высадили в лесу, когда

Трехколесные велотакси – популярный транспорт, связующий аэропорт Вамены с близлежащими районами города

до села оставалось около 3 километров. Выяснилось, что пару лет назад дорогу размыл сель, с тех пор ее и не восстанавливают. Мы шли по засохшей грязи и камням, переходили ручьи по шатким мостикам. Надо было торопиться: стущались сумерки, небо заволокли грозовые облака. Нагой старики-папуас шел быстро: мы только дивились, глядя, как он спокойно ступает голыми ступнями по камням.

На грунтовую дорогу мы выбрались, когда стемнело. Едва успели добежать до первого дома, как хлынул ливень. Большая семья Гермеса приняла нас очень гостеприимно. Мы попросили разрешения поставить палатку под навесом, а нам выделили целую комнату в доме. Правда, палатку в комнате мы все равно поставили, чтобы защититься от малярийных москитов.

Пока готовился ужин, хозяин любезно показал дом. В гостиной обнаружилась старая аудиосистема с огромными колонками и кассетными проигрывателями. Гермес пояснил, что так они слушают музыку и церковные песнопения: хозяин оказался пастором сельской церкви.

На ужин семья собралась на кухне – у живого очага. На стол подали рис с курицей. У нас с собой

«Резиновое» такси, вмещающее до 16 человек. Скарб грузят на крышу

был тофу, который приготовили в кипящем масле. Перед трапезой Гермес очень проникновенно прочитал молитву. А вот языками Гермес, в отличие от своего мифического тезки, не владел. У моей жены получилось наладить контакт с детьми, она играла с ними в обучающие игры. Большой опыт работы в школах ей тут очень пригодился. К тому же она, лингвист по образованию, хорошо схватывала индонезийский язык, гораздо реже меня заглядывая в переводчик.

В УЩЕЛЬЕ БАЛИЕМ

Утром мы попрощались с хозяевами и двинулись дальше. Прощли через всю Куриму, где помимо обычных домов обнаружилось немало традиционных куполообразных хижин «хонай». И всюду низкие заборы с деревней. Калиток, кстати, нет. Забор преодолевают с помощью двух приставных лестниц, причем это относится и к школе, и к сельской администрации. Как мы поняли, заборы служат в основном для защиты от домашних свиней.

Покинув Куриму, мы перешли ущелье по подвесному мосту над бушующими водами Балием. На этой стороне – жизнь иная. Электричества нет, вместо дорог – тропы, больше традиционных

Вход на территорию начальной школы в Куриме

Авокадо в изобилии во многих деревнях. Однако сами местные жители его очень редко употребляют – везут на рынок в город продавать

хижин, люди с удивлением разглядывают нас. И сами папуасы – один колоритнее другого!

У многих хижин стоят маленькие солнечные батареи. Народ здесь приветливый. В одной хижине мы попросили кипяток и пообещали припасенными продуктами.

Сложно понять, где здесь какие деревни. Поселения больше напоминают хутора, тянущиеся вдоль берега реки. Хозяйства у всех похожие. Основная сельскохозяйственная культура – батат. Несмотря на то, что в ущелье довольно прохладно, здесь прекрасно растут и бананы, и авокадо, и маракуйя, и даже папайя.

Вообще, надо сказать, нас удивило сочетание растительности: араукарии, хвойные, бананы, дикий сахарный тростник, участки джунглей с лианами; попадается тибетская малина, кофе и неведомые нам ягоды.

Тропы часто едва заметны в зарослях, почва каменистая. Нам встречалось немало заборов, через которые приходилось перелезать.

Мы решили пробираться вверх по склону ущелья и вскоре заметили автомобильную дорогу на склоне горы. Правда, тропу к ней мы не обнаружили. Пробиваясь через заросший кустами забал камней, Таня упала, довольно глубоко повредив ногу. Кое-как остановили кровь и решили добраться до ближайшего селения. Вскарабкались к автомобильной грунтовке и стали ждать. Машин не было. К счастью, вскоре появились три женщины с сумками на голове. Выяснилось, что совсем рядом деревня Икинем, туда женщины и направлялись с собственных огородов. Мы пошли с ними, продолжая с удивлением разглядывать сумки на головах. Здесь их называют «но-кен», вес грузов в них может достигать 30 килограммов. Женщины тащили домой батат. У одной к тому же сидел на шее ребенок.

ПАСТОР ЯХЬЯ

Икинем – небольшая деревня, почти сплошь состоящая из традиционных хижин. Мы обрадовались, что здесь есть магазинчик – «киоск», как говорят местные. Кровь все никак не останавливалась, пластири были на исходе. Однако никаких медицинских средств в магазине не оказалось. Открытая рана произвела впечатление на местных женщин, они пошли по соседям в поисках пластирея. Тщетно. Нам сообщили, что ближайшая аптека – в Куриме. В итоге нашли нестандартное решение: порывшись в своих рюкзаках, соорудили «пластирь» из имевшихся предметов гигиены.

Мы попросились на ночлег в церковь, стоящую рядом с «киоском». Добродушный пастор Яхья приветствовал нас вместо этого в свою хижину. Себя он называл не пастором, а «шефелдом», то есть пастырем. Говорил, что его первая работа – учитель индонезийского языка, вторая – «шефелд». Это было одно из немногих английских слов, которые он знал. Вечером снова пошел дождь. Мы специально подгадали время экспедиции под «сухой» сезон. Для горного Папуа это означает, что дождь идет всего лишь каждый вечер...

Вся семья Яхьи собралась в хижине. Развели костер, поставили чай-

Торговцы
традиционным
табаком
в Вамене

ник. Дымохода в хонай нет. Дым заполняет хижину и постепенно выходит через соломенную крышу. Мы заняли места поближе к входу, чтобы с непривычки не задохнуться. Зато из-за такого дыма москитов можно не бояться.

У очага расселись жена Яхьи, две взрослые дочери, пятилетний сын, дочь 3 лет и бабушка по имени Мусок. Наконец-то хоть одно папуасское имя! Семья, как и почти все жители Икинема, представители племени сияма.

У Мусок четыре пальца на руках покалечены. Еще до путешествия мы читали, что у горных папуасов существует обычай: если у женщины умирает близкий член семьи (сын, дочь, муж), она отрубает себе последнюю фалангу пальца на руке. Обычай запрещен с 1960-х годов и, как говорят, искоренен. Хотя пожилые женщины запрет нередко игнорируют. Судя по рукам Мусок, жизнь у нее выдалась нелегкая. Яхья сказал, что Мусок около 65 лет. А на вид – все 90.

НОКЕНЫ И ТИКУСЫ

Рядом с жилой хижиной находилась еще одна – прямоугольная, используемая в основном для хозяйственных нужд. Ни душа, ни туалета нет. У хижин – семейные могилы, похожие на те, что были в Аяпо. Остальное пространство – огород, где растет в основном батат. Печеным бататом мы и поужинали.

Перед сном старшие женщины взялись плести нокены. Говорят, на одну большого размера сумку уходит две недели. Жена прикинула, что сумка может служить просто интересной деталью одежды – ее можно повесить и на грудь, и на спину. Мы купили у семьи пастора недавно сплетенный нокен.

Спать нас уложили на втором этаже – вместе со всеми. Большинство подобных хижин имеет единое пространство без каких-либо перегородок и перекрытий, но эта была со вторым этажом, для сна. Пространство там хоть и закопченное, но приятное, натопленное – словно спиши на русской печи. Костер

О покалеченных
пальцах Мусок
никто ничего
говорить
не хотел –
ни она сама,
ни родные

внизу, само собой, потушили, чтобы не задохнуться.

Кстати, здесь же, на втором этаже, могла быть и мумия. Пастор Алекс рассказывал, что именно на втором ярусе хижины мумифицируют умерших. Дым от костра коптит тело, оно высыхает, становится твердым. Правда, Яхья отрицал, что в их племени существует такая практика.

Женщины же пугали нас «тикусом». Показывали изгрызенные одеяла и предлагали поднять наши рюкзаки на второй этаж. Переводчик не дал ответа на вопрос, что такое тикус – то ли мыши, то ли крысы. Кстати, Миклухо-Маклай тоже писал про тикусов. Ему говорили, что тикусами питается орангутан, которого ученый силялся найти. В общем, разбираться не было сил, вещи перенесли наверх. Только что мешает тикусу забраться на второй этаж? Оказалось, свет. Во всяком случае, хозяева в этом убеждены. Стали при свете лампы. Солнечной батареи как раз хватает, чтобы включить на всю ночь пару ламп и зарядить мобильные телефоны.

ГОЛЫЙ ИЗ СЁКОСИНМО

Утром, позавтракав бататом, мы решили пройтись по дороге вглубь ущелья.

Сразу за деревней встретили мужика в венке из куриных перьев. Раньше для таких головных уборов папуасы использовали перья казуара, из-за чего птица давно оказалась на грани исчезновения. Мы, как и большинство папуасов, казуара видели только в зоопарке: очень крупная птица оригинального вида – будто страуса скрестили с индюком. Сегодня полиция преследует даже за продажу старых перьев казуара. Пришлось папуасам освоить – и довольно удачно – куриные перья. Мужик вытащил к дороге мешок батата – ехал продавать его на рынок в город. По этой дороге, как оказалось, можно попасть в Вамену. Перевозят на пикапах за 100 тысяч рупий с человека (попрядка 400 рублей). Деньги весьма значительные по местным меркам. Кажется, выгоды от продажи батата у него никакой не будет.

Посиделки в «конторе». Мужик в казуаровой шапке вел себя как старший

Своим появлением мы явно сбили его с толку. Он собирался идти рубить что-то, но вот присел на камень сообразить, что дальше делать

Если только он не пойдет пешком обратно...

Если не считать солнечных ожогов, наша прогулка оказалась удачной. Горные пейзажи – вдохновляющие. Удивляло небо: мятущиеся облака то закрывали его, то открывали, то опускались слишком низко и, казалось, сползали туманом по склону...

Через 3 километра дорога оборвалась. Построили ее только в этом году и продолжать пока не собираются. Теперь тянут обитателям хижин главное благо цивилизации – электричество.

В конце дороги обнаружился крошечный рынок. Помимо «городских» продуктов продавали заготовки котек. Причем непонятно для кого. Вряд ли они ждали залетных туристов, да и цена смешная – одна котека в шесть раз дешевле килограмма сахара. А голых папуасов, готовых пустить котеки в дело, видно не было.

Затем мы пошли вниз по тропинке – к деревне Сёкосинмо. И не прогадали. За ближайшим горным уступом открылся прекрасный вид на множество хижин в банановой роще. Когда мы добрались до деревни, из ближайшей хижины вышел старик, весь наряд которого составляли котека, длинное мачете и шляпа, судя по виду, доставшаяся, наверное, от миссионера 1980-х годов. Говорить с ним было сложно. На многие вопросы он отвечал странным вздохом «а-ха». Кажется, он был не в себе. Подозрения подтвердила самокрутка за ухом. Хорошо, что нас заметили другие жители и подключились к разговору. Выяснилось, что беседовали мы вовсе не со стариком, а с мужчиной 51 года от роду...

ПРОЖОРЛИВЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ

Я не переставал удивляться: почему горные папуасы ходят голые? Здесь же холодно! Утром температура опускалась примерно до 12 градусов Цельсия. Да еще с ветром и дождем. Папуасы, игнорировавшие одежду, заверяли, что им не холодно. Те же, кто предпочитал нормально одеваться, явно не были такими же закаленными. Кстати, согласно статистике, основная причина смертности папуасов совсем не малярия и лихорадки, а воспаление легких.

Мы попали в деревню племени сейбасо. Любопытных жителей вокруг нас становилось все больше. На одном был пышный головной убор из перьев казуара. Мы с интересом разглядывали папуасов, а они – нас: смотрели пристально и вдруг начинали хохотать. Одна женщина пришла посмотреть на пришельцев, не отрываясь от работы – плела на руках нокен. Другая сыграла для нас на самодельном четырехструнном инструменте.

Почва здесь плодородная, жирный чернозем

Хижина, пристроенная к валуну на горе. Используется во время праздника Рождества

Первое время нас принимали за целителей. Надо сказать, в деревнях за Куримой везде так. Папуасы демонстрировали нам свои побитые пальцы, колени, фурункулы, приносили детей с вывихами... Простили исцелить. Такая память осталась о первых европейцах на Папуа, которые, независимо от профессии, в самом деле успешно лечили местных жителей. Кстати, Николай Миклухо-Маклай сначала заслужил авторитет у папуасов благодаря тому, что вылечил тяжелобольного ребенка.

От неожиданного дневного дождя мы укрылись в «конторе». Там на столе заметили каменную пепельницу, полную окурков-самокруток – таких же, какая была за ухом у нагого папуаса. Мужик с перьями казуара уверял, что это местный табак, и даже демонстративно прикурил окурок.

Нам же давно хотелось пообедать. Попросили кипятка – ни у кого его не было. Едва нашли для нас один оставшийся с утренней трапезы батат. Как мы уже догадались, сами папуасы вообще не обедают. Питаются два раза в день: утром и вечером. Выручила женщина, продавшая большую связку спелых бананов...

ПРАЗДНИК ДУХА И ЖИВОТА

Ночь мы снова провели у гостеприимного Яхьи. На следующий день было воскресенье – настоящий праздник для семьи. Утром все нарядились, женщины переплели косички, Яхья надел пиджак и галстук. Трехлетнюю дочку Эну решили помыть. Мать и сестра усердно намыливали ее в тазу на улице. Эна кричала и сопротивлялась, брат отвлекал ее плюшевым мишкой. Затем Эну унесли к костру греться и сушиться.

Праздник – это воскресная служба в церкви. Прихожане ждали ее начала, рассевшись на густых кустах. Лавок на улицах мы здесь нигде не видели. В церкви мужчины и женщины заняли разные половины, уселись на пол, устланный травой. Свобода полная. И собаки могут внутрь заглянуть посидеть со всеми, и кормить грудью женщинам позволительно.

На службе выступали проповедники, читали хором молитвы, пели песни под гитару. Для пожертвований обносили большой нокен. Кто батат туда положил, кто мелкие деньги...

После службы мы пошли прогуляться по деревне. Гуляние то еще! Постоянно нужно преодолевать каменные заборы. Только редкие рачительные хозяева ставят лестницы. В большой семье

Воскресная трапеза в большой родовой общине

попали на воскресную трапезу. Кажется, только в праздник жители могут есть не только батат и наедаться от пуз. Даже маленькие дети наваливали полные тарелки риса с вареной травой «лабу». Острый соус из вареного лука накладывали аккуратно, по чайной ложке. Во время трапезы старшие мужчины по очереди читали проповеди...

Вернувшись домой, мы решили одарить наших хозяев чем-то праздничным. Сами предложили Яхье выбрать что-то в «киоске». Он купил сахар и несколько упаковок вермишели быстрого приготовления. Здесь это настоящие лакомства. Сразу заварили чай с сахаром: как выяснилось, они не пили чай по причине от-

сутствия чего-то сладкого. Вермишель тоже сразу стали заваривать, а дети грызли ее в сухом виде, причем с аппетитом. Мы не знаем, каков средний заработка в деревне, но было ясно, что деньги здесь в большом дефиците. А, к примеру, сахар в «киоске» стоит в три раза больше, чем в Вамене, и в пять – чем в Джаяпуре. После чаепития мы заспешили возвращаться в Вамену: сквозь непроходимые дебри местного интернета пробилось сообщение от Эбиуса. Он писал, что возвращается в Вамену и приглашает нас на аутентичный праздник, которого вся долина Балием ждала три года... ●

Окончание следует.

Песни, кажется, самое любимое действие в церкви – подпевают все дружно, с радостью

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru